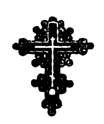

Грехи
записала,
а раскаяния нет...
Книга об исповеди и покаянии

Грехи записала, а раскаяния нет...

Исповедь у святых, старцев, архиереев и иереев Русской Православной Церкви

КАК ИСПОВЕДОВАЛ ПРП. СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

ИСПОВЕДЬ У ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО И АРХИМАНДРИТА ИОАННА КРЕСТЬЯНКИНА

ИСПОВЕДЬ У ОПТИНСКИХ СТАРЦЕВ

Москва
«Ковчег»
2016

ББК 86.372
Г 79

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

ИСР-15-509-0445

Г 79 **Грехи записала, а раскаяния нет...** *Исповедь у святых, старцев, архиереев и иереев Русской Церкви.* — М.: «Ковчег», 2015. — 288 с.
ISBN 978-5-906652-70-6

*В оформлении обложки использовано фото
К. Тростникова*

СОДЕРЖАНИЕ

«ТЫ ПРИШЕЛ КАЯТЬСЯ, А НЕ КАЕШЬСЯ»

Исповедь в Китаевской пустыни, скиту Киево-Печерской лавры

В бумагах преподобного Амвросия Оптинского была найдена рукопись с исповедью. Впервые ее напечатали в 1911 году в дополненном издании знаменитых «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу». Предисловие к этому изданию написал Преосвященнейший Никон, епископ Вологодский, издатель «Троицких листков». Автор рукописи неизвестен, как, впрочем, неизвестен и сам автор «Откровенных рассказов» (*см.: Архимандрит Михаил (Козлов). Записки и письма.*

Издание подготовил И.В. Басин. М.: Богородице-Рождественский Бобренев монастырь, 1996.)

Китаевская пустынь, о которой упоминается в рукописи и в которую пришел на исповедь странник, была тогда скитом Киево-Печерской лавры, здесь подвизались многие подвижники. Преподобный Досифей († 25 сентября 1777 г.; память 8 октября н. ст.), к нему во время своего паломничества в Киев приходил Прохор Мошнин, будущий великий старец Серафим Саровский, услышавший пророческое указание подвизаться в Сарове. Преподобный Феофил Киевский (1788 †28 октября 1853 г.; память 10 ноября н. ст.), принявший на себя подвиг юродства, стяжавший дар прозорливости. В числе братии Китаева временно состоял Христа ради юродивый преподобный Паисий Киевский (Яроцкий, †1893 г.).

Вот что пишет странник о посещении им Китаевской пустыни:

«На другой день, с помощью Божией, пришел я в Киев. Первое и главное желание мое было — поговеть, исповедаться и причаститься Святых Таин Христовых

в этом благодатном месте, а потому я и остановился поближе к угодникам Божиим, чтобы удобнее было ходить в храм Божий. Меня принял в свою хижину добрый старый казак, и, так как он жил одиноко, мне у него было спокойно и безмолвно.

Всю неделю я готовился к исповеди, мне хотелось как можно подробней исповедаться. Я и начал от юности вспоминать и перебирать все грехи: что вспомню, записывал. Так написал я длинный листок.

Услышал я, что за семь верст от Киева, в Китаевской пустыни, есть духовник подвижнической жизни, весьма мудрый и благоразумный, кто ни побывает у него на духу, приходит в чувство умиления и возвращается со спасительным наставлением и легкостью в душе.

Это очень меня порадовало, и я немедленно пошел к нему.

Посоветовавшись и побеседовав с ним, я подал свой листок на рассмотрение. Прочитав его, духовник сказал:

— Ты, любезный друг, написал много пустого. Выслушай: 1) не должно на исповеди произносить тех грехов, в которых

ты прежде каялся, был разрешен и не повторял их, а иначе это будет недоверчивость к силе таинства Исповедания; 2) не должно вспоминать других лиц, соприкосновенных к грехам твоим, а только себя осуждай; 3) святые отцы запрещают произносить грехи со всеми подробностями, а признаваться в них следует вообще, чтобы частным разбором не возбуждать соблазна в себе и в духовнике; 4) ты пришел каяться, а не каешься в том, что не умеешь каяться, то есть хладно и небрежно приносишь покаяние; 5) мелочи ты все перечел, а самое главное опустил из вида, не объявил самых тяжких грехов, не сознал и не записал, что ты не любишь Бога, ненавидишь ближнего, не веруешь слову Божию и преисполнен гордостью и честолюбием. В этих четырех грехах вмещается вся бездна зла и всё наше душевное развращение. Они — главные корни, от которых происходят все отростки наших грехопадений.

Услышав это, я удивился и возразил:

— Помилуйте, преподобный батюшка, как же можно не любить Бога, Создателя и Покровителя нашего! Чему же и верить,

как не слову Божию, в нем все истинно и свято. А каждому ближнему я желаю добра, да и за что же мне его ненавидеть? Гордиться же мне нечем: кроме бесчисленных грехов моих, я ничего похвального не имею. И куда мне по моей бедности и болезням сластолюбствовать и похотствовать? Конечно, если бы я был образованный или богатый, то, конечно, был бы виноват против сказанного вами.

— Жалко, любезный, что ты мало понял, что я тебе объяснил. Чтобы скорее вразумить тебя, вот дам тебе списочек, по которому я и сам всегда исповедаюсь. Прочти и ты ясно увидишь точные доказательства всего того, что я тебе сейчас говорил.

Духовник подал мне списочек, и я стал читать его.

Исповедь внутреннего человека, ведущая к смирению

Внимательно взирая на себя и наблюдая за внутренним состоянием, я уверился, что не люблю Бога, не имею любви к ближнему, не верю ничему религиозному и преисполнен гордостью и сласто-

любием. Все это я действительно нашел в себе после подробного рассмотрения своих чувств и поступков, как-то:

Я не люблю Бога. Ибо если бы я любил Его, то непрестанно размышлял бы о Нем с сердечным удовольствием, каждая мысль о Боге доставляла бы мне отрадное наслаждение. Напротив, я гораздо чаще и охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет для меня труд и сухость. Если бы я любил Его, то собеседование с Ним через молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрерывному общению с Ним. Напротив, я не только не наслаждаюсь молитвой, но молясь, чувствую труд, борюсь с неохотой, ленюсь и готов поскорее заняться чем-нибудь другим, маловажным, чтобы только сократить молитву. В пустых делах время летит неприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствие, каждый час мне кажется годом. Если кто-то кого-то любит, то в течение дня беспрестанно о нем мыслит, воображает его, заботится о нем и при всех занятиях любимый человек не выходит из мыслей; а я едва ли выделяю и один час

в день, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге и воспламенить себя в Его любви, а двадцать три часа охотно приношу ревностные жертвы страстным моим идолам!.. В разговорах о предметах суетных, низких для духа, я бодр и чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и ленив. Если же невольно бываю увлечен другими к беседе божественной, то стараюсь скорее переходить к темам, льстящим моим страстям. Неутомимо любопытствую о новостях, гражданских постановлениях, политических происшествиях. Жадно ищу удовлетворения моей любознательности в науках светских, художествах, приобретениях, а поучение в Законе Господнем, в познании о Боге, религии не впечатляет меня, не питает души моей, и я это считаю не только несущественным занятием христианина, но как бы сторонним и побочным предметом, каким я должен заниматься лишь в свободное время, на досуге. Кратко сказать, любовь к Богу познается по исполнению Его заповедей: *Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди,* — говорит Господь Иисус Христос (Ин. 14, 15),

а я заповедей Его не только не соблюдаю, но даже и не стараюсь этого делать. Отсюда следует заключить, что я не люблю Бога. Это утверждает и Василий Великий, говоря: «Доказательством, что человек не любит Бога и Христа Его есть то, что он не соблюдает заповедей Его» (Нравственные правила, 3).

Я не имею любви к ближнему. Ибо не только не могу решиться для ближнего положить душу мою (по Евангелию), но даже и не пожертвую моей честью, благом и спокойствием. Если бы я любил его по евангельской заповеди, как самого себя, то несчастье ближнего поражало бы и меня, благополучие его приводило бы и меня в восхищение. А я, напротив, с любопытством выслушиваю несчастные повести о ближнем, не сокрушаюсь, а бываю равнодушным или, что еще преступнее, нахожу как бы удовольствие в этом и худые поступки брата моего не покрываю любовью, но с осуждением их разглашаю. Благосостояние, честь и счастье его не восхищают меня, как собственные, совершенно, как все чуждое, не производят во мне радостного чувст-

ва, а возбуждают как бы зависть или презрение.

Я не верю ничему религиозному. Ни бессмертию, ни Евангелию. Если бы я был твердо убежден и несомненно верил, что за гробом есть жизнь вечная с возмездием за дела земные, то я беспрестанно размышлял бы об этом. Сама мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я проводил бы жизнь как пришелец, готовящийся вступить в свое отечество. Напротив, я и не думаю о вечности, и конец настоящей жизни почитаю как бы пределом моего существования. Тайная мысль гнездится во мне: кто знает, что будет после смерти? Если и говорю, что верю бессмертию, то говорю только по разуму, а сердце мое далеко отстоит от твердого убеждения в этом, о чем свидетельствуют поступки мои и постоянная забота о благоустройстве чувственной жизни. Когда бы Святое Евангелие, как Слово Божие, было с верой принято в мое сердце, я бы беспрестанно занимался им, изучал бы его, наслаждался бы им и с глубоким благоговением даже взирал бы на него. Премудрость, благость и любовь, в нем со-

крытые, приводили бы меня в восхищение. Я бы наслаждался поучением в Законе Божием день и ночь, питался им, как повседневной пищей, и сердечно стремился к исполнению его правил. Ничто земное не могло бы отклонить меня от этого. Напротив, если я изредка и читаю или слушаю Слово Божие, то и то или по необходимости, или по любознательности и при этом, не входя в глубочайшее внимание, чувствую сухость, незанимательность и, как бы обыкновенное чтение, оставляю без всякого плода и охотно готов заменить его чтением светским, в котором нахожу больше удовольствия, больше новых занимательных предметов.

Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия. Все поступки мои это подтверждают: видя в себе доброе, желаю поставить его на вид или превозношусь им перед другими, или внутренне любуюсь собой; хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам и почитаю себя превосходнейшим других или, по крайней мере, не худшим. Если замечу в себе порок, стараюсь извинить его, покрыть личиной

необходимости или невинности. Сержусь на не уважающих меня, называя их не умеющими ценить людей. Дарованиями тщеславлюсь, неудачи в предприятиях считаю для себя оскорбительными, ропщу и радуюсь несчастью врагов моих. Если и стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целью или похвалу, или своекорыстие духовное, или светское утешение. Словом, я непрестанно творю из себя кумира, которому непрерывно служу, ища во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотей.

Из всего перечисленного я вижу себя гордым, любодейным, неверующим, нелюбящим Бога и ненавидящим ближнего. Какое состояние может быть греховнее? Состояние духов тьмы лучше моего положения: они хотя не любят Бога, ненавидят человека, живут и питаются гордостью, но, по крайней мере, веруют, трепещут от веры. А я? Может ли быть участь бедственнее той, которая предстоит мне? И за что строже и наказательнее будет определение суда, как не за такую невнимательность и безрассудную жизнь, которую я сознаю в себе!..»

Прочитав данное мне духовником исповедание, я ужаснулся и подумал: «Боже мой, какие страшные кроются во мне грехи, и до сих пор я их не замечал!» Итак, желание очистить их заставило меня просить наставления у этого великого отца духовного, как, познав причины всех зол, найти способ к исправлению. Вот он и начал мне толковать.

— Видишь ли, любезный брат, причина нелюбви к Богу есть неверие, причина неверия — неубеждение, а причина неубеждения есть неискание светлых истинных познаний, нерадение о просвещении духовном. Словом сказать: не веря, нельзя любить, не убедясь, нельзя верить. А чтобы убедиться, необходимо снискать полные и обстоятельные познания предположенного предмета, посредством размышлений, изучения Слова Божия и опытных наблюдений, возбудить в душе жажду и вожделение или, как иные выражаются, «удивление», которое производит неутолимое желание ближе и совершеннее познавать вещи, глубже проникать в свойства предмета.

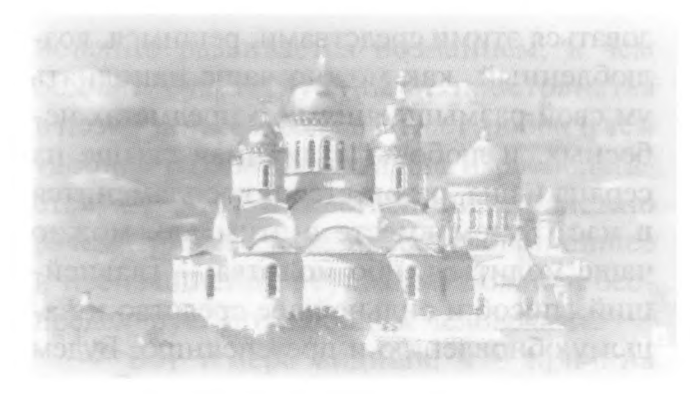
Один духовный писатель рассуждает об этом так: «Любовь, — говорит он, — обык-

новенно развивается познанием, и чем больше будет глубины и пространства в познании, тем больше будет любви и тем удобнее размягчается душа и располагается к любви Божественной, прилежно рассматривая самое пресовершеннейшее и преизящнейшее существо Божие и беспредельную Его любовь к человекам».

— Вот теперь видишь, что причина прочитанных тобой грехов есть леность к мышлению о духовных предметах, погашающая чувство потребности этого. Если ты желаешь узнать, как победить такое зло, то всемерно старайся о просвещении духовном, достигай его прилежным занятием Словом Божиим, учениями святых отцов — размышлениями и духовными советами или беседами с мудрыми о Христе. Ах, любезный брат, сколько бедствий встречаем мы от того, что ленимся просвещать душу нашу словом истины, не поучаемся в Законе Господнем день и ночь и не молимся о том прилежно и неотступно! А от этого и внутренний человек наш и голоден и холоден, и истощен, не имея силы к бодрому шествию путем правды к спасению. Итак, чтобы воспользоваться

зоваться этими средствами, решимся, возлюбленный, как можно чаще наполнять ум свой размышлениями о предметах небесных, и любовь, излиянная свыше на сердца наша, разовьется и воспламенится в нас. Будем вместе с этим как можно чаще молиться, ибо молитва — главнейший способ и сильнейшее средство к нашему обновлению и преуспеянию. Будем молиться, взывая так, как учит Святая Церковь: «Господи, сподоби мя ныне возлюбити Тя, якоже иногда возлюбих той самый грех!»

«...ПРИСТУПАЙ К ПОКАЯНИЮ, И ОНО БУДЕТ ХОДАТАЙСТВОВАТЬ ЗА ТЕБЯ ПЕРЕД БОГОМ»

Как исповедовал преподобный Серафим Саровский

После выхода преподобного Серафима (дни памяти 2/15 января, 19 июля / 1 августа) из затвора, в Саровский монастырь начинается массовое паломничество верующих. «Можно сказать без преувеличения, — пишет священномученик митрополит Серафим (Чичагов) в своей «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», — что вся Россия в это время знала и чтила

Св. преп. Серафимъ.

отца Серафима, по крайней мере, слух о великом подвижнике ходил повсюду». Богатые и бедные, простецы и мудрецы, знатные и простолюдины устремлялись к великому старцу, чтобы покаяться, получить благословение и наставление.

И преподобный Серафим принимал всех без исключения, беседуя и поучая спасению.

Его маленькая келья освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она не отапливалась, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и каменьями, служившими батюшке постелью, обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях стоял дубовый гроб, изготовленный руками преподобного. Келья открывалась для братий монастыря во всякое время, для сторонних — после ранней обедни и до восьми часов вечера.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих он принимал так: одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию, на

шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи старец носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Святых Таин, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние в грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианской жизни, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними батюшка, заставлял их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою и предлагал произносить следующую покаянную молитву: *«Согрешил я, Господи, согрешил душой и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волей или неволей, ведением или неведением»*. Сам затем произносил молитву разрешения от грехов: *«Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего, да простит ти, чадо (имярек), вся согрешения твоя, и аз, недостойный иеромонах Серафим, властию Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь»*. При по-

следних словах он благословлял наклоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, существующему на Востоке между освященными, то есть имеющими степень священства, аввами. Получившие разрешение чувствовали облегчение совести и вкушали несравнимые с земными благами духовное удовольствие.

По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от святой иконы, и если это было ранее полудня, следовательно до принятия пищи, давал вкушать из чаши *великой агиасмы*, то есть святой богоявленской воды, благословлял частицей антидора либо святого хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: *«Христос Воскресе!»*, — и давал прикладываться к образу Божией Матери или к кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией перед святой иконой Ее Успение или «Живоносный Источник».

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал об-

щехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для этого непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* «В этом да будет, — говорил он, — все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, это непрестанно содержи на устах и в сердце твоем. С призыванием таким образом имени Божия, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святой Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святыне, во всяком благочестии и чистоте».

Из частных наставлений отца Серафима было еще: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть Жених ей, вводящий ю в Свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Из наставлений же его мы знаем, какое величайшее значение он придавал святой Евхаристии. Когда его спросили, как часто приступать к Пренебесному Таинству, он ответил: «Чем чаще, тем лучше».

В частности, дивеевским сестрам дал следующее правило, как записала инокиня Капитолина: «Не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатию, даруемой приобщением Святых Христовых Таин. Стараясь по возможности сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердой верой в неизреченное Божие милосердие, следует приступать к искупляющему вся и всех Святому Таинству, умиленно говоря: „Согрешил, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами“».

Особенно замечательно завещание об этом святого Серафима духовнику Дивеевской обители отцу Василию. «Приобщаться Святых Христовых Животворящих Таин заповедую им, батюшка, во все четыре поста и двунадесятые праздники, даже велю и в большие праздничные дни: чем чаще, тем и лучше. Ты, духовный отец их, не воз-

браняй, сказываю тебе: потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном только сознании всегреховности своей приступал к Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться, батюшка, благодатию Христовой, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется. Вот, батюшка, ты им духовный отец, и все это я тебе говорю, чтоб ты знал».

«При этом, — пишет отец Василий, — как духовного отца сестер обители, батюшка назидал меня, приказывая быть всегда сколь возможно снисходительнее на исповеди, за что по времени меня многие укоряли, осуждали, даже гневались на меня; и до сих пор еще судят; но я строго блюду заповедь его и всю жизнь мою сохранял. Угодник Божий говорил: „Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог! А чего, чего, каких только страшных грехов, каких и изречь невозможно, прощал нам всещедрый Господь и Спаситель наш! Где же нам, человекам, судить человека! Мы лишь свидетели, свидетели, ба-

тюшка; всегда это помни: одни лишь только свидетели, батюшка!“».

Одному мирянину он дал такую заповедь: «Четыре раза приобщайся. И один раз — хорошо. Как Бог сподобит!» — «Кто приобщается, спасен будет; а кто не приобщается — не знаю: где господин, там и слуга будет» (ср.: Ин. 12, 26).

В другой раз преподобный изрек глубокую тайну, что причащение одного спасительно бывает и для других: «Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен, и на самой земле долговечен. Верую, — присовокупил он, — что по великой благости Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Перед Господом один творящий волю Его, паче тьмы беззаконных».

Дивное и утешительное, и поучительное откровение!

При этом батюшка успокаивал тех, кто страшился приступать к таинству по сознанию недостоинства своего. Это мы видели и из завещания отца Василия, но особенно сильно выразилось это в случае с послушником Иоанном.

Однажды, накануне двунадесятого праздника, когда должно было приобщаться Святых Таин, он вкусил пищи после вечернего богослужения, что не полагалось уставом обители. К этому присоединилось у него и общее сознание своего недостоинства. Послушник начал падать духом, и чем больше думал, тем более отчаивался: «Тьма ужасающих мыслей, одна за другой, теснились в голове моей. Вместо упования на заслуги Христа Спасителя, покрывающие все согрешения, мне представилось, что по суду Божию за мое недостоинство я буду или сожжен огнем, или живой поглощен землей, как только приступлю к Святой Чаше». Желая найти успокоение совести, послушник исповедался, но и это не внесло мира в душу его, и он, стоя в алтаре, продолжал мучиться. Святой Серафим, прозрев это, подозвал его к себе и сказал дивные слова: «Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что он изливает на нас туне, питая нас Пречистой Своей Плотью и Кровью, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак,

приступи без сомнения и не смущайся, только веруй, что это есть истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которые даются в исцеление всех наших грехов». Послушник, успокоившись, с верой и смирением приступил к святому таинству.

Но в другой раз угодник Божий изрек страшное слово о недостойных причастниках.

Одна молодая вдова, Анна Петровна Еропкина, прожившая в браке лишь три месяца, рассказывая об отце Серафиме, между прочим записала следующее. Когда любимый муж ее неожиданно заболел, она боялась предложить ему приобщиться Святых Христовых Таин, опасаясь испугать его. А он, хотя был тоже весьма религиозен, боялся огорчить жену приглашением священника. И так без причащения скончался. Жена очень мучилась этим: «Особенно умереть без напутствования Святыми Таинами мне казалось карой Божией за мои и мужа моего грехи. Мне думалось, что муж мой будет навеки отчужден от жизни Божией... После похорон я доходила до отчаяния и, пожалуй, ли-

шила бы себя жизни, если бы не было за мной строгого надзора».

Так вдова промучилась десять месяцев. Затем, по совету своего дяди, отправилась за пятьсот верст в Саров. Здесь она нашла полное успокоение у преподобного, а относительно смерти мужа батюшка сказал ей так: «Не сокрушайся об этом, радость моя, не думаю, что из-за этого одного погибнет его душа. Бог только может судить: кого чем наградить или наказать». И далее вот и добавил: «Бывает иногда так: здесь, на земле, и приобщаются, а у Господа остаются неприобщенными!»...

Как это страшно! Как вразумительно!..

«Другой же хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполняется его желание, совершенно от него независимо, такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия». Вдова успокоилась.

А иногда Господь и явно наказывает недостойно приступающих к таинству.

Протоиерей города Спасска отец Петр Феоктистов описал следующий случай. Один диакон, обличенный в дурном поведении своим священником, сам, через

свидетелей, принесших ложную присягу в оправдание его, обвинил перед епископом иерея. Диакона повысили: из села перевели к отцу Петру в город. Он продолжал здесь служить, не смущаясь в совести. Вскоре диакон приехал в Саров и направился к отцу Серафиму. Увидев его, прозорливый угодник вышел навстречу из своей кельи, мгновенно поворотил его назад и с гневом сказал: «Поди, поди от меня, это не мое дело!»

Диакон не знал, что делать дальше.

Некий инок посоветовал ему сначала исповедаться. Но и это не помогло: батюшка и второй раз выгнал его: «Поди, поди, клятвопреступник, и не служи!»

Диакон возвратился домой и обо всем происшедшем рассказал домашним, но не подумал исправить своего греха клятвопреступления. Тогда Бог покарал его Своей десницей. Когда священник перед литургией произнес с ним молитву по чину: «Господи! Устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою», — вдруг диакон, вместо того чтобы по уставу сказать: «Время сотворити Господеви: владыко, благослови», онемел. И должен

был уйти даже из церкви домой. Там речь возвратилась к нему. Но как только он снова входил в храм, язык опять отнимался. Такое Божие наказание продолжалось целых три года, пока недостойный служитель не дошел до полного раскаяния. В день Вознесения Господня, на утрене после величания, запели псаломский стих: *Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости* (Пс. 46, 2). Диакон, — как он рассказывал после, — пораженный от этих слов внезапным ужасом, стал молиться о помиловании, и вдруг язык разрешился от немоты. Обрадованный исцелением, а еще больше милостью Божией, он тут же в храме открыто раскаялся во всем, поведал о совершившемся чуде и прославил прозорливого своего обличителя отца Серафима. Так, «Бог, — учит батюшка, — являет нам Свое человеколюбие», всячески спасает нас «не только тогда, когда мы делаем доброе, но и когда оскорбляем и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! А когда наказывает, как благоутробно наказывает!»

«Посему, — говорит преподобный Серафим словами Исаака Сирина, — не называй Бога Правосудным; ибо в делах твоих (то есть при множестве наших грехов и Божией милости к нам) не видно Его правосудия», «и Сын Его показал нам, что Он более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, *Христос умер за нас*» (Рим. 5, 8).

Даже грешникам не велел преподобный унывать. Спросили его однажды:

— Можно ли облагодатствованному человеку после падения восстать через покаяние?

— Можно, — ответил он, — по слову: *я упал, но Господь поддержал меня* (Пс. 117, 13). Когда святой пророк Нафан обличил Давида в его грехе, то он покаявшись, тут же получил прощение (ср.: 2 Цар.12, 13). Когда мы искренно каемся в грехах и обращаемся к Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему силы, показывая им драхму, которую Он снова обрел, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он

приводит ее к Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Ободряя унывающих грешников, преподобный Серафим ссылается, между прочим, на древний пример, рассказанный в Прологе. Один пустынник, отправившись за водой, впал в грех. Когда он возвращался в свой монастырь, то враг стал смущать его отчаянными мыслями, представляя ему тяжесть греха, невозможность прощения и исправления. Но воин Христов противостоял нападениям лукавого и решил в покаянии загладить содеянное. Об этом Бог открыл некоему блаженному отцу и велел ублажить за такую победу над диаволом брата, падшего в грех, но не поддавшегося унынию и отчаянию.

Преподобный Серафим учил приходивших не только упованию на милость Господню, но и о кресте говорил, покаянным молитвам учил. И между другими заповедовал особо эту молитву.

— Несомненно приступай к покаянию — и оно будет ходатайствовать за тебя перед Богом. Непрестанно твори молитву

преподобного Антиоха: *«Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою Крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего и возвел мя еси от глубины беззаконий моих, да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми Помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства миродержителя и усвой мя в заповедях Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, вознoшения очей моих не даждь ми и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не объимут мя, и душе бесстудный не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не объимет мене тьма, и ходящии в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу, исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святаго Духа*

Твоего быти мя сподоби и дом Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Путеводителю заблуждших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех, Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Твоего Духа даждь созданию Твоему, да не иссохну, яко смоковница, юже Ты проклял еси, и да будут слезы питием моим и молитва пищею моею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твои да объимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамитися делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, Единородным Твоим Сыном Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащаго, яко Левию мытаря, и оживо твори мя, грехми умерщвленнаго, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь». (Прп. Антиох Палестинский. Слово 77. О покаянии.)

Какой покаянно сокрушенный дух проникает эту молитву!

Исповедь Ивана Яковлевича Каратаева у преподобного Серафима Саровского

В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк за ремонтом. В Курске и дорогой я много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и других. В особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни затворнике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, чудных его предсказаниях, даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных, и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решился непременно заехать по пути в Саров. Но, когда я был около Саровской пустыни, враг смутил меня страхом перед прозорливостью старца Серафима. Мне показалось, что старец торжественно обличит меня во всех моих грехах, особенно в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукой человека, возможно грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией и поэтому не должна быть

предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался в свой полк по приказанию начальства. Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже решился я, по совету своего отца, побывать у отца Серафима. Когда я шел из гостиницы к келье старца, внезапно страх, до того времени владевший мной, переменился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил отца Серафима. Около его кельи уже стояло множество народа, пришедшего за благословением. Отец Серафим, благословляя, взглянул на меня и дал мне знак рукой, чтобы я прошел к нему. Я исполнил приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, попросил благословения на дорогу и на предстоящую войну и молитв о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцело-

вав, начал меня исповедовать, сам называя грехи мои, как будто бы они при нем были совершены.

По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей».

Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении касательно почитания святых икон: «Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например, как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, и не только тело их, но и душу, так что и грешники по вере в находящуюся в них благодать Христову спасались и достигали Царства Небесного». Затем в подтверждение почитания святых икон он привел такой пример, что «еще в Ветхом Завете при кивоте Завета были золотые херувимы, а в

церкви новозаветной евангелист Лука написал лик Божией Матери и Сам Спаситель оставил Нерукотворенный Свой образ». Наконец, в заключение он сказал, что «не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного Суда».

Много еще и других душеспасительных слов произносил он тогда в мое назидание, но я не припомню их всех. Говорил он, что «искушения диавола подобны паутине, что только стоит дунуть на нее — и она истребляется, что так-то и на врага — диавола — стоит только оградить себя крестным знамением — и все козни его исчезают совершенно». Говорил он также, что «все святые подлежали искушениям, но, подобно золоту, которое чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушения делались искуснее, терпением умилостивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели». И, наконец, несколько раз повторял он, что «тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие».

Слушая отца Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании.

Солдаты, возвращавшиеся со мной в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось в действительности: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от отца Серафима, я положил около него три целковых на свечи. Но враг диавол, завидуя тогдашнему спокойствию совести моей, вложил мне такую мысль: зачем святому отцу деньги? Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбой о прощении за нее к отцу Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около кельи отца Серафима, я не мог узнать ее и вынужден был спросить шедшего к нему монаха, где келья отца Серафима? Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвой к старцу, и он, предупреждая слова мои, рассказал мне следующую притчу:

«Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на святой храм, и молитвами Святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устроение Дивеевской общины за твое здоровье».

Потом отец Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды. Вливая ее мне в рот, батюшка сказал: «Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне на дорогу сухарей и святой воды и сверх того — просфору, которую сам положил в мою фуражку. Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими святыми молитвами, на что он сказал: «Положи упование на Бога и проси Его помощи, да умей прощать ближним своим — и тебе дастся все, о чем ни попросишь».

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях — и Господь

везде спасал меня за молитвы праведника Своего.

Духовные наставления преподобного Серафима о покаянии

❖ Желающему спастись всегда должно иметь сердце к покаянию расположенное и сокрушенное, по Псаломнику: *Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50, 19).

В каком сокрушении духа человек удобно может безбедно проходить сквозь хитрые козни гордого диавола, все тщание которого состоит в том, чтобы возмутить дух человеческий и в возмущении посеять свои плевелы, по словам Евангельским: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: *враг человек сделал это* (Мф. 13, 27–28).

❖ Когда же человек старается иметь в себе сердце смиренное и мысль не возмущенную, но мирную, тогда все козни вражии бывают бездейственны, ибо где мир помыслов, там почивает Сам Господь

Бог: в мире, — сказано, — место Его (см.: Пс. 75, 3).

❖ Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, святой мученик Вонифатий говорит, что страх Божий есть отец внимания, а внимание — матерь внутреннего покоя, который рождает совесть, которая это творит, да душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и так рождаются начатки и корни покаяния.

❖ Мы во всю жизнь свою грехопадениями оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда смиряться перед Ним, прося оставления долгов наших.

❖ Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (см.: 1 Ин. 5, 16; Преподобный Антиох. Слово 77). «И если ты не воспрепятствуешь этому своим расслаблением и нерадением, — говорит преподобный Варсонофий, — то удивишься и прославишь Бога, как Он приведет тебя из

небытия в бытие (то есть из грешника в праведника)» (Преподобный Варсонофий. Ответ 114).

❖ Покаяние в грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

❖ Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

...ЖЕЛАЮ СКАЗАТЬ ВАМ НЕСКОЛЬКО СЛОВ НА ПОЛЬЗУ ДУШИ

Исповедь у духовника Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Николая (Цариковского)

Иеросхимонах Николай (в миру — Василий Цариковский, 1829—1899) был духовником Киево-Печерского монастыря. Поступив в обитель в четырнадцать лет (после смерти родителей он был взят под надзор своим родным дядей, монахом Киево-Печерской лавры отцом Израилем), он в пятьдесят четыре года был облечен в великую схиму и определен на

должность штатного духовника лаврского. В жизнеописании отца Николая объясняется, на какую должность он был определен: «Быть братским духовником в столь великой обители — значит быть духовным руководителем множества людей, ищущих спасения и наставления на пути к высшему духовному совершенству. Братский духовник должен воспринимать от мантии, то есть быть духовным отцом постригаемых в иночество, и вследствие этого всегдашним ответственным перед Богом и Церковью, бдительным наставником — пастырем их, на обязанности которого лежит духовное воспитание и охрана своих духовных чад, да не погибнет кто-либо из них. К братскому духовнику обители притекают на исповедь и весьма многочисленные иноки — старцы и мужи, воспринятые от мантии другими старцами, прожившие в обители многие годы, и еще более многочисленные — юноши и отроки, послушники, недавно или вновь поступившие в обитель и только начинающие идти тесным путем иноческого жития. Одной из обязанностей братского

духовника является принятие на исповедь и неисчислимого множества посторонних посетителей Лавры — паломников-богомольцев, местных, городских, незнатных и сановных, и пришельцев со всех концов необъятной России, а также и ставленников — кандидатов священства, перед посвящением их в сан. Богомольцы-паломники стремятся за многие тысячи верст в обители для того, чтобы, поклонившись святыням, поисповедоваться, или побеседовать, или даже получить только благословение у святого старца-схимника. И вот духовник братский, верный своему долгу, должен всех и всякого, желающего быть у него, принять временне и безвременне, снисходя к немощи братии или обстоятельствам паломников, не могущих, например, пробыть в обители более известного срока. При этом необходимо принять всех подобающим образом, сообразно с достоинством каждого, чтоб не оскорбить их возвышенных чувств и понятий о схимнике-духовнике, ибо справедливость требует сказать, что чувствительность паломников, особенно интелли-

гентных, бывает в этом отношении крайне тонкой. Многие из них соблазняются даже самыми незначительными к этому поводами. Всех и всякого приходящего братский духовник должен утешить мудро предложенным утешением веры, если нужно, вразумить, обличить, пробудить у одного спящую совесть, у другого умирить, успокоить мятущуюся. Вообще всем оказать сообразную нужде и духовному настроению действенную помощь, особенно же дать доброе направление духовной жизни и предохранить от вредных уклонений направо или налево — разрешить недоумения и «искушения» своих чад духовных, иноков обители, начинающих идти или уже идущих этой стезей к спасению вечному».

Отец Николай всегда, за весьма редкими исключениями, например по случаю болезни, ежедневно и утром и вечером присутствовал на богослужении в Братском больничном храме, что над Никольским монастырем. Приходил он

заблаговременно, до начала служб церковных, опасаясь, как он однажды высказал, соблазнить братию своим поздним приходом в святой храм. А к Божественной литургии (ранней) он приходил в четыре или пять часов утра, почти за час или полтора до ее начала, особенно когда сам совершал Божественную литургию. Поступал он так для того, чтобы без всякой торопливости все совершать благообразно и по чину, а главное, чтобы успеть помянуть всех своих многочисленных духовных чад, и тех, кто заповедал ему молиться о них. Ежедневно, придя так рано к литургии, он прочитывал у жертвенников все помянники, а очередной иеромонах или сам же батюшка, когда служил, вынимал частицы о живых и умерших...

После подвига молитвенного в храме за ранней литургией начинались для отца Николая ежедневные труды в исполнении своего послушания.

С самого раннего утра люди толпились у двери, ведущей в келью батюшки, в ожидании, когда она откроется, и отец Нико-

лай начнет прием на исповедь и для преподания благословения и наставления. Батюшка, придя домой из церкви, не отдыхая и не вкушая пищи, начинал принимать богомольцев.

Двери открывал келейник отец Иосия, и передняя комната кельи, которую, в своей добровольной простоте отец Николай называл «залой», быстро наполнялась пришедшими издалека паломниками и своими иноками, — чередными иеромонахами или иеродиаконами, монахами и послушниками. Все ожидали, когда батюшка их позовет в келью или сам выйдет к ним.

Наконец отец Николай выходил через комнату келейника — в скуфье, одетый сверх легкого подрясника в другой, короткий — до колен подрясник теплый, или зимой в теплую, на меху, еще более короткую — чуть ниже пояса — одежду, душегрейку...

Поздоровавшись с иноками и благословив их, батюшка переходил на другую половину «залы», где собирались богомольцы-миряне. Отец Николай иногда отделял

в одну сторону тех, кто приходил только за благословением или наставлением, и говорил отдельно им наставление общее и сообразно нужде вопрошавших. Иногда же он, преподав всем благословение, возвращался в свою келью и, облачившись в мантию и епитрахиль, открывал дверь и приглашал всех войти. Когда все вошедшие размещались по кельи, батюшка предлагает свое поучение.

Обычно он начинал так:

«Перед исповедью я желаю сказать вам несколько слов на пользу души.

Во-первых, как только каждый из вас утром пробудится от сна, сейчас благодарите Бога за то, что еще оставлены на покаяние, и просите у Него помощи на труды послушания в течение всего дня. А затем, начиная всякое дело свое, призывайте Бога на помощь. Желаешь ли молиться, поститься, творить поклоны, работать, идти или ехать куда-либо, призывай Господа Бога, Божию Матерь и святых угодников Божиих и повторяй: «Господи, благослови и помоги мне грешному!» Ибо Сам Господь сказал: *без Меня не можете*

делать ничего (Ин. 15, 5), то есть без Меня и Моей помощи не можете свято исполнять свои дела и даже подумать ни о чем истинно добром. А если кто скажет: я (сам) то и то сделаю, и не призовет Бога на помощь, то с ним силы и помощи Божией не будет. Тогда и диавол скажет свое «и я» и будет старания употреблять, чтобы противиться начатому тобой делу, с успехом вредить ему и достигнет того, что и молитва твоя будет в грех, и вообще все дела так осквернит, что они будут противны Богу, ибо ты на себя надеялся, а не на Бога, и творил их без Его помощи и защиты.

Во-вторых, никого не нужно бранить (ругать), а тем более проклинать, особенно же родители не должны делать этого по отношению к своим детям. От недоброго, злого материнского слова нередко иные дети умирают, другие всю жизнь болеют, третьи, вырастая, не повинуются ни отцу, ни матери, сами мучаются и других мучают. Какая-то сила действует на них через материнские слова. Если отец проклинает детей, то разоряет счастье их до по-

ловины, а если мать, то до основания. Также родители, а особенно матери, должны помнить, что они дадут на Страшном Суде ответ о детях. Господь спросит их тогда: «Я создал дитя, отдал тебе его для воспитания, дал тебе здоровье и все, что нужно было... где Мое создание?». Кто воспитывал детей и молился о них, тот скажет: «Господи, се аз и дети, ихже дал ми еси!». А кто бранил, проклинал, истреблял отравой детей, которые бы получили Царство Небесное, те будут ответ давать на Страшном Суде.

В-третьих, некоторые ходят к ворожеям, кланяются им, просят у них помощи. Диавол очень радуется, что христиане кланяются ему в лице ворожей и просят у него помощи через его слуг. Он записывает таких и, если кто, не покаявшись в этом на исповеди, умрет, то диавол скажет тогда Ангелу Хранителю: «Эта душа принадлежит мне: она оставила Бога, Божию Матерь и Церковь и просила помощи у меня», и увлечет такую душу в ад. Вот только и пользы людям от посещения ворожей, что диавол низринет их души

в ад, если они не покаются на исповеди. Тяжесть греха от посещения ворожей особенно увеличивается от того, что посещающие их отвергаются от Бога. А между тем, Сам Господь никогда не отвергает нас, а напротив, всячески привлекает к Себе, поучает всегда и за всем потребным обращаться к Нему. Он ведь говорит: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете, стучите, и откроют вам... и все, чего ни попросите в молитве с верою, получите* (Мф.7, 7; 21, 22). И несмотря на это, посещающие ворожей не верят Богу, Который создал их, дал им душу и тело и все потребное, еще и Царствие Небесное обещал даровать им. Они Ему не доверяют и не просят Его, а идут к ворожеям, им кланяются, их просят и славу Божию через это отдают диаволу. Это есть мерзость перед Господом и прикрытое идолопоклонство.

В-четвертых, некоторые на исповеди утаивают грехи свои. Кто так делает, тому нет ни прощения, ни спасения. Подходит к Святой Чаше и вкушает Святые Таины в суд и во осуждение себе. От Чаши от-

ходит более черным, чем был прежде. Сам Господь, зная нашу немощь, что человек после крещения не может остаться чистым и святым, дал покаяние и исповедь. Явившись апостолам после Своего Воскресения, *дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 22–23). Если кающийся на исповеди чистосердечно открывает все свои грехи, то иерей прощает и разрешает его, и Сам Господь прощает и разрешает. А кто утаивает грехи, тому нет ни прощения, ни разрешения, ни очищения, ни спасения, так как, приступая к причащению Святых Таин, вкушает их в осуждение себе. В случае же смерти диавол возьмет душу такого, как свой жребий, ибо никакая нечистота не явится перед Богом в блаженном Царствии Небесном.

Нам Бог сказал: в чем застану, в том и судить буду. Кого застанет в покаянии, тот получит Царствие Небесное и блаженство вечное, такое блаженство, какого, по словам апостола Павла, *не видел того глаз,*

не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку (1 Кор. 2, 9). А кто загордится и не покается в этой жизни, умрет без покаяния и исповеди, тот получит не Царство Небесное, а наказание вечное, будет отлучен от Бога, рая, всего блаженства и вместе с диаволом будет ввержен в ад. А там огонь, который будет жечь без света, там червь, который будет есть тело, как колоду, — червь вечный и тело вечное. От этого всего будет происходить смрад. Тем смрадом нужно будет дышать и глотать его. Жажда будет такая, что хотя бы кто каплю воды дал, но никто не даст, ибо грешники отлучены от Бога. В аде один кричит, другой скрежещет зубами, иной проклинает всех, но друг друга они не видят, потому что находятся в бездне и тьме.

В-пятых, помните, что жизнь наша краткая и приготовительная. Всякий должен накапливать добрые дела. После смерти человек все оставит: и дома, и серебро, и все свои вещи. С ним пойдут лишь добрые дела и злые. В зле содеянном — заблаговременно кайтесь, а добрые дела собирайте для вечности.

В-шестых, помните также, что нужно ходить в церковь и молиться Господу Богу, Божией Матери и угодникам. Каждый должен и сам за себя молиться, и просить о себе молитв у священника, а также и о священнике молиться. А без Церкви и священников, нельзя спастись человеку, как на море без корабля и кормчего. Священник есть посредник между Богом и людьми, а глава Церкви — Христос. Кто ходит в церковь, молится Богу, Божией Матери и угодникам Божиим, но случается, что часто грешит и по правосудию Божию должен быть строго наказан, но за молитвы к Богу и Его угодникам еще оставляется на покаяние.

В-седьмых, знайте, что наша брань с диаволом за Царствие Небесное продлится до окончания нашей жизни. Диавол как дух, сверженный с неба за гордость и непослушание Богу, позавидовал прародителям нашим — Адаму и Еве и, обольстив их, ввел в гордость и непослушание Богу и тем лишил рая. Так же он и теперь преследует людей, особенно православных. Своей лестью диавол вся-

чески старается войти в душу (голову) человека. При помощи притворства скрывшись так, чтобы человек и не подозревал его, представляет ему разные прелести, разнообразные лица, скаредности, в соответствии с тем, какой кто страстью заражен в большей степени. Кто услаждается той или иной из возбужденных таким образом страстей, то диавол этим услаждением входит к человеку, как к своему дружку, соединяется с его душой, оскверняет ее, потом водворяется на его сердце и разжигает его на всякие скверные, греховные дела. Если являются у тебя на уме недобрые мысли — это есть диавольский приход, приступ. Тогда ты скажи диаволу: «не соглашаюсь с тобой», и не допускай себя услаждаться теми мыслями. Тогда твой Ангел Хранитель будет отгонять от тебя диавола, а Бог, за такое сопротивление врагу (диаволу), пошлет тебе отпущение грехов и награду: для тебя будет сплетаться неувядаемый венец славы. Поэтому, всячески старайся не допускать диавола до души, ибо она есть невеста Христова. Бог ее создал для

того, чтобы она вечно Его славила и вечно радовалась перед Ним. Диавол все силы употребляет, чтобы ее осквернить, чтобы через это она лишена была Царствия Небесного и радости Божественной. А во время искушений нужно помнить (и не унывать), что за помыслы, всеваемые врагом в душу, еще нет осуждения человеку, ибо это вражеская брань. Только уже за услаждение помыслами и соизволение с диаволом на грех постигают человека осуждение от Бога и праведный Его гнев.

Когда призываете имя Божие, полагайте на себя крестное знамение. Старайтесь совершать его правильно: на челе, на персях, на правом и левом раменах (на лбу, груди, на правом и левом плече), чтобы и все тело чувствовало прикосновение руки, сложенной для крестного знамения. Тогда и тело освящается, и враг трепещет».

Это прекрасное в своей святой простоте поучение служило большей частью у батюшки первым средством приготовить пришедших к таинству Исповеди. Он про-

износил его довольно часто, ибо нелеността служил меньшей братии — богомольцам — словом назидания.

Какова была сила и действенность этого поучения, можно было заметить уже во время самого произнесения его. Многие богомольцы чуть не навзрыд плакали, слушая отца Николая. Слова его проникали в глубину их открытых духовно жаждущих душ.

После поучения начиналось у батюшки в собственном смысле уставное приготовление к исповеди, то есть чтение молитв к исповеди, этих удивительно дерзновенных молений пастыря Церкви Христовой о прощении согрешений пришедших к нему на исповедь...

Слава об отце Николае, как о великом, опытном духовном руководителе распространилась среди братии Лавры и далеко за ее пределами. Многие хотели иметь батюшку или своим духовным руководителем — старцем, или поисповедоваться у него. Несмотря на преклонный возраст и немощи, на изнеможение от трудов — поста и молитвы, не стесняемый и тем об-

стоятельством, что количество времени, имевшееся у него для приема на исповедь, далеко не соответствовало количеству желавших у него исповедоваться, приснопамятный батюшка отец Николай, по свидетельству всех чад своих духовных и живших у него келейников, никогда и никому не отказывал в исповеди и ничто не могло заставить его совершать чин святого таинства Покаяния с небрежением. Принимая пришедших на исповедь, было их много, только два или один, батюшка всегда (даже для одного кающегося) читал молитвы к исповеди. И вот что удивительно, читая в день одни и те же молитвы, может быть в десятый раз, он всегда произносил их, казалось, как бы впервые: внятно, раздельно, с одинаковым, всегда ему присущим, простым непоказным благоговением, с живым вниманием и интересом и даже углублением в смысл молитв, с глубоким, передававшимся и слушавшим чтение, миром и спокойствием душевным, с любовью к Богу и к кающимся, с пастырским достоинством, но и с сокрушением сердечным, растворенным непоколеби-

мым упованием. В его чтении звучало какое-то поразительное дерзновение молитвы доброго пастыря-отца о чадах, и потому давно наизусть выученные молитвы, отец Николай всегда произносил по книге.

Во время чтения молитв к исповеди, батюшка становился как-то особенно строгим и как бы недоступным, как бы отделялся от пришедших к нему и отходил духовно от них для молитвенной беседы с Богом. Чтение это было особенно сознательным, разумным, строго выразительным и в нем обнаруживалась украшавшая отца Николая «старческая» мудрость и знание сердца человеческого. На слушавших оно производило чрезвычайно сильное, неизгладимое впечатление: ибо в нем была сила благодатная, оно было совершаемо с властью, с Богопросвещенным, не колеблющимся помыслами сознанием Богодарованной власти пастырской — вязать и решать грехи. Произнесение отцом Николаем этих молитв вводило слушателей в чувство чистейшего сыновнего страха Божия.

Выразительность чтения батюшкой молитв к исповеди приобретала еще какой-то особенный вразумительный характер и силу влияния на души пришедших от того, что он умел и имел обыкновение произносить самые многозначащие слова и выражения молитв с логическим ударением на них: он несколько возвышал голос в известном месте и замедлял произнесение того или другого слова или выражения. Этим способом батюшка представлял совести каждого и благо великое, силу и важность таинства, и способ, каким оно совершается, то есть посредством слова, и возбуждал искреннее, без утайки грехов, покаяние. Он как бы передавал пришедшим на исповедь свое чувство и сознание вездеприсутствия Божия, надежды на Его милость безмерную и опасение иметь за утаенные грехи еще больший грех и выйти из духовной врачебницы неисцеленным.

В первой молитве *«Боже, Спасителю наш»* батюшка особенно подчеркивал слово *«кающагося»* (*«Сам и раба твоего кающагося* (имярек) *приими...»*), произносил

его всегда очень медленно, интонацией как бы вопрошая каждого пришедшего на исповедь, действительно ли он искренно кается и заслуживает того, чтобы Господь снова примирился с ним (кающимся), при условии его покаяния, намерения и обещания по мере сил исправить свою греховную жизнь на добродетельную.

Затем, батюшка делал ударение на слове *«безмерна»* (*«милость Твоя безмерна»*), чтобы кающиеся возымели твердое упование на безмерную милость Божию, во имя которой они получают прощение грехов.

Во второй молитве: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго, Пастырю и Агнче»*, отец Николай делал особенно сильное ударение на словах: ***«яко человек плоть носяй и в мире живяй, от диавола прельстися»***, снова как бы ободряя кающихся в уповании Божия снисхождения к ним. Далее, делая ударение на выражении ***«словом разрешитися»* (*«словом разрешитися благоволи»*)**, давал понять внешний способ, образ разрешения пастырем кающихся от грехов: *«словом»* пастырским, и через это

как бы требовал особенного внимания к этому слову. Наконец, произнося приводимые в молитве слова Господни о даровании апостолам и пастырям Церкви как их преемникам власти словом вязать и решать грехи, батюшка особенно подчеркивал слово *«свяжете»* (*«елика бо аще свяжете на земли»*) и давал кающимся почувствовать силу и благотворность власти пастырской.

После чтения молитв к исповеди батюшка, стоя в пол-оборота к кающимся, произносил следующее по чину приготовления к таинству Исповеди последнее, так сказать, предуведомление: *«се, чада, Христос невидимо стоит»*. Какая удивительная, святая простота чувства живой веры и сознание важности совершающегося, глубочайшее смирение и мирное сознание своего достоинства пастырского слышались в произношении отцом Николаем этого предуведомления! Как естественно и трогательно говорил он и какое неотразимое впечатление производил на кающихся! Как глубоко, поразительно было иногда произнесение отцом Николаем,

с ударением на слове *«невидимо»*, предостережение: *«се, чадо, Христос невидимо стоит»*! Слово *«стоит»* батюшка всегда здесь выговаривал с малороссийским акцентом — «стоïть», пользуясь и этим незначительным, по-видимому, средством для упрощения своей речи и сообщения ей большей выразительности и силы.

Страх, трепет и совершенное детское смирение охватывали души кающихся, уже вполне готовых перед лицом невидимо Стоящего принести искреннее покаяние. Продолжая далее читать предуведомление и приглашая кающихся к чистосердечному перед Богом исповеданию своих грехов, батюшка указывал всё новые и новые основания — побуждения для этого и нарочито подчеркивал выражения, в которых заключались эти побуждения. Замедляя чтение слова *«свидетель» («аз же точию свидетель есмь»)*, отец Николай удивительно ясно определял перед кающимися свое значение как пастыря в деле их исповеди, облеченного властью быть свидетелем-посредником во вновь заключаемом ими, через покаяние

и исповедь грехов, союзе-завете с Богом. «Ответственность за искренность покаяния и чистосердечие исповедания грехов всецело, — как бы говорил батюшка, — лежит на совести вашей, кающиеся, а я буду свидетельствовать на Страшном Суде только о тех грехах, которые вы мне исповедали, а за исповеданные и отпущенные иереем грехи душа уже не подлежит казни».

С такой старческой мудростью, приготовив пришедших на исповедь — одних возбудив от душевного усыпления обыденной жизни, других ободрив и утешив упованием милости Божией, — всех же утвердив в истинном страхе Божием и благоговении, батюшка отец Николай приступал к самой исповеди, сначала общей, а затем частной. Он вручал кому-нибудь из монашествующей братии книжицу и указывал читать вслух медленно и громко, так чтобы все слышали, повседневное исповедание грехов. Кающиеся должны были произносить за читающим, слово за словом, громко и отчетливо, это общее исповедание грехов. При этом отец Нико-

лай строго следил за каждым. Заметив, что кто-нибудь молчит, батюшка делал строгое замечание: «кажіть всі» и заставлял произносить все слова исповедания, говоря, что во время исповедания устного перед духовником человек освобождается от невидимых врагов и очищается от содеянных грехов.

После молитв и общего исповедания повседневных грехов (которое батюшка практиковал ради ускорения исповеди, чтобы каждый отдельно не повторял уже раз исповеданного и не задерживал других), все желающие исповедоваться, за исключением одного, выходили в «залу». Батюшка всегда исповедовал по одному человеку. [А об исповеди по нескольку человек сразу он выражался, что это вовсе не исповедь, а поругание ее, один только грех как для духовника, так и для пасомых, принуждаемых такой исповедью из ложного стыда скрывать свои грехи и не имеющих возможности через это искренно на духу покаяться.] Когда кающийся перечислял свои грехи, батюшка сидел на скамеечке у выдвигавшейся из

стоявшего перед иконами шкафика-доски, заменявшей аналой. На ней обычно лежали крест и Евангелие. Кающийся же становился у креста и Евангелия на колени на толстый, для этого приготовленный, коврик, и склонялся под епитрахиль, которой батюшка покрывал его. Такое положение для себя и для кающегося отец Николай избирал, может быть, имея в виду немощь человеческую — и свою, и кающегося. Страдая отеками ног, он не в силах был исповедовать стоя. А может быть, батюшка считал такое положение духовника и кающегося не противоречащим духу исповеди, ибо кающемуся и просящему у Бога через иерея отпущения грехов своих прилично и естественно стоять во время исповеди на коленях. А пресвитеру Церкви Христовой, имеющему Богодарованную власть вязать и решать грехи, хотя и такому же, но освященному благодатью священства человеку, естественно в это время сидеть, а не стоять в знак своего достоинства и представительства церковного. Ведь подобное этому можно видеть во время совершения

Божественной литургии: при чтении Апостола священник, в знак своего пастырского достоинства, как учитель веры, сидит на пресвитерском сидении у горнего места. Можно думать, что батюшка отец Николай имел все это в виду, определяя для себя и для кающихся такое положение на исповеди. Ибо он, при всем глубочайшем смирении, держал свое пастырское достоинство высоко и учил этому и чад своих.

Начиная частную исповедь, батюшка спрашивал кающегося, не имеет ли он еще в чем-либо, кроме высказанного при исповедании общих грехов, покаяться? После этого следовало со стороны кающегося исповедание грехов, а со стороны батюшки терпеливейшее выслушивание исповеди.

Многие исповедующиеся у отца Николая вспоминают, с какой мудрой духовной любовью и снисходительностью он относился к своим духовным чадам! Какой строго правдивой и разумно милостивой, особенно на исповеди, была его любовь к своим чадам духовным! С какой

деликатностью и нежностью, с какой непоколебимой о Господе верой в исправление кающегося относился батюшка к каждому без исключения своему духовному чаду! Отец Николай стоял на той ступени совершенства христианской любви, когда любовь, уподобляясь любви Божественной, всех и всё созданное Богом объемлет и духовно лобызает. Стоя на этой ступени любви, христианин, по примеру Господню, *трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит* (Мф. 12, 20), *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37), не гнушается кающимся грешником, *если будут грехи ваши, как багряное ... как пурпур* (Ис. 1, 18). На грешниках-то именно любовь эта и старается явить преизобилующую благодать Божию, которая и хочет являться там именно, где *умножилось преступление* (Рим. 5, 20). Но святая любовь эта и на лица не взирает: она бесстрастна и потому по-Божиему правдива, не знает лести и не заискивает перед имеющими какие-либо преимущества — духовного и мирского сана, высокого обществен-

ного положения и богатства или образования, хотя и воздает всем должное (см.: Рим. 8, 7). Вот поэтому-то для отца Николая все люди одинаково были равны перед Богом, всех приходивших он считал детьми Божиими по благодати и, по воле Божией, своими в Боге любезными духовными чадами, которых он ради Бога одинаково любил и ради Бога принимал к себе, чтобы приводить их к Богу.

Не стесняемый никакими обычными предвзятыми мнениями и понятиями — их не было у совершенно отрекшегося от мира и мирских похотей,— которые представляют в ложном свете все земное, батюшка относился ко всем без исключения одинаково просто, по духу веры и поэтому приобрел великий дар рассуждения, глубокого понимания человека во всех его обстоятельствах, состояниях и положениях житейских. Проникая в глубину души человека своей мудростью, батюшка всегда, а особенно на исповеди, говорил всем кающимся чистую правду о них. Но делал это так умно и осторожно, с такой свободной прямотой и независимостью

и в то же время с такой добротой, искренностью и изящной деликатностью, нередко в форме шутки, невинной остроты или народной пословицы, что тот, к кому это относилось, как ни тяжело было слышать горькую правду, принимал слова отца Николая с полным миром душевным, которого батюшка никогда не мог поколебать в своих чадах. Сам исполненный мира душевного, он скорее мог и умел передавать его и чадам своим. Притом батюшка высказывал спасительные суждения по тому или иному вопросу только тогда, когда являлся к тому повод — вопрос или недоумение кающегося. Сам же он обычно человека не прерывал, только тогда, когда последний останавливался, умолкал, по необходимости спрашивал: «а еще что?», «больше ничего?».

После перечисления кающегося всех своих грехов батюшка произносил разрешительную молитву. Чтение этой молитвы было какое-то особенное, всегда проникнутое сознанием духовной богодарованной власти вязать и решать, любовью к Богу и ближнему. Своим любвеобиль-

ным сердцем, чувством всепрощения, так выразительно звучащим в тоне, батюшка как бы старался дать кающемуся почувствовать, что он, пастырь, духовник, лично прощает ему все исповеданные грехи и разрешает его от них и что, следовательно, согласно обетованию, и Сам Господь на Небе прощает и разрешает. Это сознательно-разумное чтение разрешительной молитвы с выражением личного святого чувства живой веры и любви (а не формально обрядовое, как часто бывает), производило в сердцах кающихся и живую, сознательную уверенность в том, что все исповеданные грехи действительно прощены Богом, по дару и власти Всесвятого Духа, совершающего через пастырей таинства Церкви Христовой. Искренно покаявшийся на исповеди человек, а перед батюшкой едва ли было возможно комулибо оставаться неискренним, действительно уходил духовно новорожденным младенцем, как любил выражаться отец Николай, с примиренной, успокоенной совестью, с утешением духовным и умилением сердечным и с совершенной призна-

тельностью к самому батюшке как человеку Божию, с таким усердием и любовью совершающему силой Божией благодати дело спасения ближних. Нередко можно было видеть богомольцев, выходящих из кельи отца Николая в «залу» после исповеди, плачущими, и это были слезы истинного покаяния, тихой, мирной духовной отрады, воссиявшей в их сердцах на исповеди.

«КАК ЗАЖЕЧЬ ОГОНЬ ДЛЯ ПРОБУЖДЕНИЯ СОВЕСТИ...»

Исповедь у митрополита Трифона (Туркестанова)

Митрополит Трифон (в миру Борис Петрович Туркестанов, 1861—1934) бывший викарий Московской епархии, в послереволюционные годы безвыездно проживал в Москве, где ему неоднократно приходилось менять место жительства из-за преследования властей. Находясь формально на покое, владыка, по словам митрополита Питирима, «поистине был подлинным духовным лидером Москвы».

Хотя владыка Трифон был уже за штатом и не участвовал в церковном управлении, в 1923 году он был возведен в сан архиепископа, а 14 июля 1931 года — в сан митрополита с правом ношения белого клобука и креста на митре по случаю тридцатилетия архиерейского служения.

Митрополита Трифона приглашали служить во многие московские храмы, и каждый раз его службы собирали толпы молящихся.

Слово перед общей исповедью
(в Пяток первой седмицы Великого поста)

Однажды к Господу Иисусу Христу принесли расслабленного с надеждой, что Он его исцелит. Сердцеведец Господь увидел, что болезнь постигла этого несчастного за грехи, и поэтому, прежде чем по Своей великой милости исцелить тело больного, Он исцеляет его душу. «Чадо, — говорит Он ему, — отпускаются тебе грехи твои». Фарисеи, не веровавшие в Него и бывшие тут, усомнились в Нем и помыслили в своей душе: «Как Он может отпускать грехи... Кто Он такой, что Он имеет эту власть?» Вот тогда Спаситель, видя их

Митрополит Трифон (Туркестанов)

помышления, говорит им: «Что важнее — отпустить грехи или исцелить больного?.. Конечно, первое гораздо важнее... Исцелить тело может врач, но прощать грехи может только Бог, поэтому, чтобы вы убедились, что Я могу прощать грехи, Я исцеляю расслабленного». И расслабленный стал здоров. Вот какое великое дело — прощать грехи. Спаситель это подтвердил, исцелив расслабленного.

Вот и вы, мои дорогие, в таком множестве собравшиеся здесь люди, приступаете к исповеди. Скажу вам, что ни к какой церковной требе я не приступаю с таким волнением, как к общей исповеди. В самом деле, я вижу вас, но души вашей не знаю, она для меня закрыта... Я не сердцеведец, а между тем я беру на себя такое страшное, такое великое дело, как властью, данной мне от Бога, прощать и отпускать грехи... Ведь, в самом деле, начатое здесь, на земле, продолжится в вечности: когда наступит мой черед предстать перед Престолом Божиим на Страшном Суде, а может быть он скоро наступит, тогда Господь Бог истяжет меня не в моих личных грехах, а и в ваших грехах...

И какой ответ я дам?.. Надеюсь, что вы не возложите на меня бремя выше моих сил, что вы благоразумно отнесетесь к общей исповеди, то есть если на душе вашей лежит страшный или соблазнительный грех, который поведать вслух вы стесняетесь, то непременно откроете его духовнику — в сущности, только свидетелю, ведь каетесь вы Господу Богу... Кайтесь, ибо вы пришли во врачебницу... Если бы мы не желали очиститься от грехов, то есть исповедать свои грехи перед Богом, то зачем бы нам и приходить сюда, никто нас не звал, это наша добрая воля, это наше желание очистить душу от грехов (кроме особенных грехов).

Каждый, зная свой особенный грех, непременно должен открыть его духовнику. Конечно, все мы во всем грешны, но, к сожалению и стыду нашему, мы сами не ощущаем тяжести грехов. В самом деле, положа руку на сердце, мы не придаем никакого значения им, страшно сказать, сколько раз мы клеветали, осуждали, подвергали насмешкам. Множество грехов обременяют нашу душу, и как пыль садится на тело и делает его больным, точно

так же и грех, садясь на душу, делает ее грязной. Говорю: в обыкновенное время мы этого не чувствуем.

Здесь мне припоминается, когда я был маленьким мальчиком, одна знакомая моей матери, особа образованная, в высшей степени религиозная, говорила матери: «Наступил пост, вот надо говеть, готовлюсь, размышляю и не вижу никаких грехов...». Тогда я, будучи ребенком, удивился. Мне это показалось очень странным, тогда я ничего не мог ей возразить. Теперь бы я ответил: «Вы не видите своих грехов, потому что эти грехи фарисейской гордости». А по чистой совести сказать, многие ли из нас считают себя грешниками и преступниками в очах Божиих? Думаю — немногие.

Что же нужно делать, чтобы выявить наши грехи, чтобы они затронули душу, возбудили чувство покаяния и нашу совесть? Когда совесть пробудится, тогда пробудится и душа. Все воззрение на грехи покажется в другом свете, тогда сонм грехов предстанет перед нами во всей ужасной мерзости. Это как на листе чистой бумаги незаметны линии, но стоит зажечь

свечу и поднести к ней лист, — и вы увидите на нем целую картину. Вот и совесть, она — огонь, который выявляет все грехи, и, может быть, когда совесть говорит в человеке, тогда он видит в своей душе толпы грехов, тогда он говорит: «Грешен я».

Как же зажечь огонь для пробуждения совести? Различным образом: часто от доброго слова, которое западет в душу или пробудит ее близкий человек, часто от Священного Писания, если углубиться в него, часто от болезней, скорбей, лишений, уколов самолюбия, от разбитой жизни...

Но думаю, что одно из самых важных средств — это то, что вы собрались здесь, на этой общей исповеди (думаю, что вы с этим согласитесь). Когда мы все объединимся в единое сердце и в единую душу, когда мы, может быть, единственный раз в году почувствуем это, когда мы помолимся и пожелаем прощения, спасения, вечной блаженной жизни, когда особенное значение получат наши грехи, тогда мы скажем: «Господи, прости, я сознаю, что я великий грешник».

Простите меня, дорогие духовные дети. Углубясь в душу, помолитесь о своем ар-

хиерее. Припомните, что сделали в прошлом году, и будем просить прощения у Господа Бога. Ты же, Милосердый Боже, сказал: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*. Тебе открыты наши души и наши сердца... Ты видишь нашу искренность. Помоги нам благодатью Своей.

Я же, грешный, властью Твоей, мне данной, прощаю и разрешаю вас от всех грехов ваших.

5 марта 1932 года

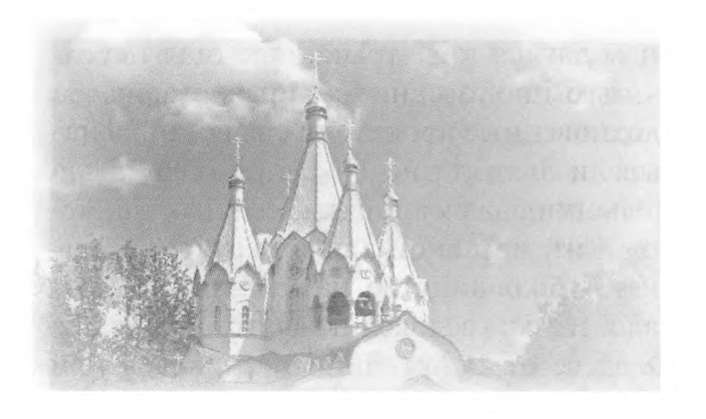
Исповедание грехов составленное митрополитом Трифоном

Исповедую аз, многогрешный(-ая) раб(-а) Божий(-я) *(имя)*, Господу Богу моему Иисусу Христу и тебе, владыко и отче, вся согрешения моя, вся злая дела моя, яже содеях во вся дни живота моего, яже помыслих, яже глаголах, яже волею своею сотворих и неволею, яже вем и яже не вем, прости ми вся сия.

Согреших малодушием, маловерием, несоблюдением христианских заповедей закона Божия, леностию к молитве и к

посещению храма Божия, кощунством, ропотом и хулой на Самаго Господа Бога, осуждением всех человек, живых и мертвых, завистию, гневом, яростию, ненавистию, злопамятством, клеветою, корыстолюбием, желанием славы, чести и почитания, тяжбою, утаением чужих вещей, обвинением во всем близких, а не укорением себе самаго(-ой) в своих поступках, рассеянностию ума, холодностию и окаменением сердца, услаждением и укоснением в скверных, нечистых, сладострастных помыслах, греховным воззрением на лица; зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и всеми моими чувствами душевными и телесными. Во всех сих каюся, жалею, виновным(-ой) себе пред Богом представляю и имею волю впредь, елико возможно, с помощию Божией, соблюдатися от всех сих.

Ты же прости мя, владыко и отче, благослови, разреши и помолись о мне грешнем(-ой).

«ПОКАЯНИЕ — ЭТО ЧУДО...»

Беседа о таинстве Покаяния священномученика Аркадия (Остальского), епископа Бежецкого

Священномученик Аркадий (в миру Аркадий Иосифович Остальский) родился в 1888 году в Житомирской губернии в семье священника. Он окончил Волынскую Духовную семинарию, а затем Киевскую Духовную академию. Еще юношей он мечтал о монашестве, но родители желали видеть его семейным священником, и Аркадий женился. Во время Первой мировой войны отец Аркадий служил военным священником в пехотном полку. В 1917 году

он вернулся в Житомир, где стал неутомимым проповедником православия. За вдохновенные проповеди священника называли Златоустом. После революции на Волыни началась гражданская война. Город Житомир занимали враждующие войска, и большинство населения бедствовало. По благословению святого епископа Фаддея, отец Аркадий организовал при своем приходском храме Свято-Николаевское братство, которое оказывало помощь всем нуждающимся и больным, хоронило на свои средства умерших. Отец Аркадий сам руководил деятельностью братства и поименно помнил всех больных, которых оно опекало. Отец Аркадий не только побуждал других к нищелюбию и жертвенности, но и сам показывал пример совершенного нестяжания.

В 1920 году в Житомире утвердились большевики. Весной 1922 года началось изъятие из храмов церковных ценностей. В Житомире было получено послание Святейшего Патриарха Тихона, в котором предлагалось отдавать только те церковные предметы, которые не имеют непосредственного употребления в богослуже-

Священномученик Аркадий (Остальский)

нии. По распоряжению архиерея отец Аркадий огласил послание Патриарха в церкви. Это явилось достаточным поводом для ареста. Священники Аркадий и Иосиф Остальские, сын и отец, были арестованы и заключены в тюрьму, где отец Иосиф Остальский умер.

По делу священника Аркадия Остальского состоялся открытый судебный процесс. На суд было вызвано множество свидетелей. Все они говорили об отце Аркадии как об удивительном пастыре, бессребренике, всю свою жизнь посвятившем служению Богу и людям. Однако прокурор посчитал что «такие люди, как священник Аркадий Остальский, не только не нужны советскому государству, но и крайне вредны для него». Суд приговорил батюшку к расстрелу. Рассказывают, что во время чтения обвинительного заключения и приговора отец Аркадий заснул, и конвоиры вынуждены были его разбудить, чтобы сообщить, что он приговорен к смерти.

После суда прихожане стали хлопотать о смягчении приговора, и расстрел заменили пятью годами заключения. Через два года священника освободили.

После освобождения он поехал помолиться в Дивеевский монастырь и в Саров. В Сарове священник был пострижен в монашество с оставлением того же имени.

В начале 1926 года отец Аркадий был рукоположен во епископа. Почти сразу после хиротонии владыка был арестован и отправлен в Харьков.

Служить в назначенной владыке Аркадию Лубенской епархии было невозможно из-за надзора властей, и он уехал в Новоафонский монастырь на Кавказе. Жил в горах, встречался с подвижниками, поддерживал частую переписку с духовенством Полтавской епархии.

В 1928 году епископ Аркадий тяжело заболел и переехал в Киев, где жил на нелегальном положении. Не имея возможности получить место служения в какой-либо епархии, епископ Аркадий решил ехать в Москву и лично встретиться с начальником 6-го отдела ОГПУ Тучковым. В Москве он был арестован. В качестве обвинения было предъявлено его письмо священнику Полтавской епархии, неполный текст которого распространялся в качестве послания к пастве. На допросах

от епископа требовали назвать имя того священника, которому было адресовано письмо. Владыка отказался, и его приговорили к пяти годам лагеря, после этого владыка получил еще один срок за «контрреволюционную агитацию». На свободу он вышел только в феврале 1937 года. Владыка Аркадий тайно посетил Киев и Житомир, встретился с духовными детьми. Затем жил в Калуге, был назначен епископом Бежецким, викарием Тверской епархии, но власти не разрешили ему выехать к месту назначения. В сентябре того же года епископ Аркадий пытался покинуть Калугу, но был арестован на вокзале в поезде. На допросе заявил: «После пятнадцати лет, проведенных в ссылке, на сегодняшний день я остаюсь не согласным с советской властью по вопросу религии и закрытия церквей».

Священномученик Аркадий (Остальский) был расстрелян по постановлению тройки НКВД 29 декабря 1937 года на Бутовском полигоне (память 16 (29) декабря).

Отец Аркадий часто служил и всегда исповедовал. На исповеди он никого не торопил, предлагая без стеснения назвать

то, что мучает душу человека, грехи, которые, как тяжелое бремя, отягощают совесть. Иногда исповедь у отца Аркадия затягивалась до двух часов ночи.

Таинство Покаяния — действительно постоянный спутник нашей жизни, и можно сказать, что если б это таинство было от нас отнято, хотя бы на один день, то не спаслась бы никакая душа.

Дары крещения, Божественный дар Святого Духа, получаемый в таинстве Миропомазания, мы скоро расточаем, отгоняем от себя Божественную благодать, хотя эта благодать все-таки остается в душе, в глубине ее, но она там находится под спудом множества наших грехов. И вот, когда мы совершенно отходим от этих Божественных даров благодати, когда мы впадаем во многие тяжкие грехи, когда душа наша изнемогает, и мы чувствуем себя совершенно бессильными в борьбе с темными силами, — тогда-то приходит к нам на помощь таинство Покаяния, которое всегда внушает душе надежду и проливает свет на нашу жизнь.

К одному старцу пришел его ученик и сказал: «Отче, я пал». — «Встань», — ответил старец. Снова пришел ученик: «Отче, я опять пал». «Встань», — повторил ему старец. И опять пришел ученик и сказал: «Отче, я опять пал». «Встань», — ответил старец. «До каких же пор мне вставать?», — спросил ученик. «До тех пор, пока не отдашь ты души своей Богу, до тех пор будешь ты вставать всякий раз, когда упадешь», — ответил старец.

Так, каждый раз, когда мы чувствуем, что мы пали, что мы отступили от благодати, — таинство Покаяния говорит нам: «встань».

Это таинство, как говорят святые отцы, это посох христианина. Каждому оно нужно, и вся Церковь живет этим таинством. Вся Церковь есть Церковь кающихся, есть Церковь погибающих, которые спасаются только таинством Покаяния.

Что же это такое за таинство? Что значит слово «покаяние»?

Если мы возьмем это слово в греческом языке, то увидим, что оно означает «передумать», «пересмотреть». То есть пере-

думать, пересмотреть всю свою жизнь, как бы переоценить все ценности в своей душе.

Итак, таинство Покаяния прежде всего предполагает внутреннюю переоценку своей жизни, внутренний пересмотр всего того, что у нас в душе. Но этим таинство далеко не исчерпывается. Мы знаем людей, которые очень любят копаться в своей собственной душе и там постоянно пребывать. Мы знаем писателей, которые изобразили таких людей в своих произведениях. У Тургенева, Чехова и других мы встречаем подобные образы. Они больше всего на свете любят размышлять о своей собственной личности и проводят в этом всю свою жизнь. Однако такое размышление еще не покаяние, от него до покаяния целая пропасть, ибо покаяние — это не простое размышление о своей жизни.

Покаяние — это чудо, это преображение человеческой души от соприкосновения с Христом. Чудо покаяния вот в чем: например душа человека, прожившего уже много лет, душа, принявшая на себя следы многих темных дел человеческой

жизни. Эта душа вся покрыта пятнами от многочисленных грехов и преступлений, вся искажена от падений этого человека, вся изуродована. И вот кажется человеку, что эту душу, совершенно загрязненную, совершенно изъязвленную долгими годами греховной жизни нельзя обновить, нельзя преобразить, как нельзя преобразить, восстановить предмет, который искажен от долгого употребления. Но чудо покаяния в том, что Господь касается этой души, обезображенной, и она преображается. Вся тьма, которая там была, исчезает, и душа снова облекается в ризу света, в ризу спасения.

Говорят, что прошлого нельзя уничтожить... Это неправда, ибо прошлое уничтожается, и тот, у кого много грехов и преступлений, тот может совершенно разорвать и уничтожить свое прошлое в таинстве Покаяния. Можно сказать, что таинство Покаяния обращает наше прошлое в небытие.

Когда мы читаем Святое Евангелие, то поражаемся обилием чудес: об исцелении больных, слепых, о воскрешении мертвых, но разве еще не больше те чудеса, ко-

торые творил наш Господь, когда Он возрождал павшую, погибающую душу.

Вот перед нами Закхей — маленький человек, притеснитель своих сограждан, живущий в грехе. Но вот одно мгновение — и вы видите этого человека уже совершенно иным, от прошлого нет и следа, и душа его — сияющий образ Божий.

Вот Матфей, он тоже живет так же, как и Закхей, без света. И только одна встреча с Господом — и он оставляет все, ради чего столько лет губил свою душу, и отдается подвигам любви.

Вот женщины-грешницы, которые всю свою жизнь жили ради наслаждения, и в одно мгновение они становятся невестами Христовыми, становятся чистыми от всех грехопадений, и души их облекаются в ризы светлые.

И вся история Церкви, вся ее жизнь — это такое непрестанное чудо, свидетельствующее о той благодати, которая живет в Церкви.

Но зачем нам обращаться к истории. Разве мы не видим, как непрестанно на наших глазах совершается это чудо преображения души человеческой. Мы видим

это каждый раз, когда человек приходит в храм Божий, когда он сюда приносит свои слезы и свое покаяние. Каждый священник может свидетельствовать об этих бесчисленных чудесах, очевидцем которых поставил его Бог, об этих душах расслабленных и обезображенных от долгой греховной жизни и преображенных светом божественной благодати, преображенных одним только касанием Самого Господа Иисуса Христа.

Храмы, которые мы наполняем, — это действительно места, где каждый миг совершаются чудеса, и чудеса эти совершаются с человеческими душами, когда Господь Иисус Христос невидимо их касается. Храмы эти воистину та купель Вифезда, около которой собирались хромые и слепые, чающие движения воды. Но там Ангел Господень сходил и возмущал воду и исцелялся только тот, кто первым входил в нее, здесь же не ангел, а Сам Господь Иисус Христос пребывает постоянно и Сам движет эти волны благодати, и исцеляется не кто-нибудь избранный, но всякий, кто входит в эту животворную волну благодатной Церковной жизни.

И каждый из нас, братья и сестры, если он хоть один только день, хоть один только час прожил в Церкви, может свидетельствовать перед Богом и людьми об этих чудесах, которые Господь творит в человеческой душе и человеческом сердце.

Почему же, однако, эти чудеса далеко не совершенно преображают нашу душу? Почему, несмотря на то, что мы часто каемся — не только каждый год, но каждый пост и даже каждую службу, — почему же все-таки мы такие темные, почему наша жизнь такая грешная и почему мы так далеко от этого преображения, от этого света, который обещает нам Церковь, обещает каждому, кто приносит Господу покаяние?

Это потому, что мы с вами не имеем полного, совершенного покаяния, потому что, я уверен, что одного мига, одного часа покаяния достаточно, чтобы преобразить нашу жизнь и сделать ее светоносной. Истинное покаяние — это буря благодатная, которая посещает душу и преображает все в человеке. Для того чтобы эта буря пришла, чтобы таинство Покаяния совершилось в полноте в человеческом

сердце, нужно, братья и сестры, много условий. И первое — это живая любовь к Христу, живое сознание того, что человек теряет, когда он от Христа уходит, когда он отходит от Божественной благодатной жизни. Нужна тоска о Христе. Не та тоска, не то мрачное разочарование, которое мы так часто переживаем, нет, нужна тоска, которая совсем не похожа на эту мрачную, холодную безнадежность. Тоска о Христе — это мучительное желание Божественной близости, мучительное желание, чтобы объятия Отчие снова раскрылись, чтобы Отец наш Небесный принял нас в лоно Своей жизни.

Один старец шел со своим учеником, и пришли они на кладбище. Там увидели они мать, плачущую на могиле своего ребенка. И вот старец говорит ученику: «Ты видишь, как она плачет, она не может утешиться и не утешится всю жизнь. Так должен плакать тот, кто потерял дар благодати, так должен плакать тот, кто кается, что отошел от Христа».

Как изгнанник, который покинул свою родину, будет тосковать и не утешится, пока не увидит родных мест, — так каж-

дый должен плакать о небесной родине, уйдя в чужую страну, в страну грехов, отделенную от Бога.

Итак, братья и сестры, прежде всего нужно устремление души к Христу, ревность души о Христе.

Действительно, посмотрите, сколько сил тратит человеческий род на достижение своего видимого, естественного счастья. Если бы мы могли подсчитать то количество энергии, которое люди расходуют каждый день, чтобы добыть то, что они называют счастьем, чтобы насытить и одеть себя, то мы увидели бы, какой громадный запас энергии каждое мгновение извергается в пространство человечеством для достижения этого преходящего, мимолетного счастья.

Напротив, если бы мы могли учесть те духовные силы, которые тратят люди на стяжание Божественной благодати, — я думаю, что мы поразились бы, несоразмерно малой величиной этих усилий, прилагаемых на то, что всего в жизни драгоценней.

Есть люди, довольствующиеся малой дозой, малым количеством благодати, ко-

торую им когда-нибудь в жизни придется получить, их удовлетворяют малые касания Божественной жизни, малые касания духовного мира. Эти люди, получив когда-нибудь благодатный дар, не стремятся его раскрыть, а, напротив, оставляют его в небрежении и расточают его.

Но есть и другие души — ненасытные, которые каждый раз, когда получают хотя бы и малый дар, ревнуют о большом. Эти души живут как бы перед пучиной, перед бездной Божественной жизни. Чем глубже они входят в эту бездну, тем их жажда становится ненасытнее и тем больше они хотят стяжать Божественных сокровищ. Свет, который падает в их душу, не только не успокаивает их, но возжигает все больше пламень Божественной ревности.

Эта пламенность, эта ненасытность души — первое условие покаяния.

Второе условие, братья и сестры, это отвращение, которое человек должен питать к греху. Мы живем в грехе, мы так к нему привыкли, что даже не чувствуем брезгливости по отношению к той нечистоте, в которой находимся, в которой каждый миг оскверняемся. Когда вы вхо-

дите в грязную хижину, вы поражаетесь, вас ужасает эта обстановка и вас охватывает чувство брезгливости, но люди, которые привыкли к этой грязи, они уже не испытывают этого чувства. Так, если бы какой-нибудь человек из другого мира пришел бы в наш мир, он поразился бы этой грязи и греховности, в которой мы с вами живем и не чувствуем брезгливости, не тяготимся этим.

Один старец говорил со своим учеником о грехе. Ученик жаловался, что его смущают похоти. «Иди на кладбище, — сказал ему старец, — разрой могилу поглубже и, когда наткнешься на тление, то погрузись туда и вдыхай этот смрад, идущий оттуда. Вот чего ты хочешь, ты хочешь этого смрада, этой гнили... иди и дыши им, этим отвратительным гноем, который всякую душу разлагает и оскверняет».

Как непохоже на гниение все то, что обвеяно благодатию Божией. *Без истления Бога Слова рождшая*... чистая Богородица, Господь наш Иисус Христос, все святые — как они далеко от всего этого гниения, в котором живем мы.

И вот, братья и сестры, покаяться — это значит ощутить гниение, ужас греха и живое к нему отвращение.

В душе нашей должно родиться живое отвращение к греху и живое устремление к Христу, живая тоска о Господе, Который пришел, чтобы быть с нами бесконечно близко, чтобы соединиться с нами не случайным соединением.

Но вот, когда мы приходим к покаянию, нас всегда здесь ожидают соблазны и искушения, которые не дают душе раскрыться, не дают разгореться тому огню покаяния, которым пришел нас крестить Господь Иисус Христос.

И прежде всего тут наша серединность, наша привычка жить всегда чем-то серединным. Мы невольно думаем: к чему эти слова, в самом деле, ведь мы же, в конце концов, не грешнее других, мы, по мере сил, исполняем заповеди, делаем все, что нужно. И это чувство так живет в нас, что мы идеал христианства, даже Святое Евангелие уже в течение многих веков стараемся принизить, приблизить к нашей грешной жизни.

Действительно, если мы посмотрим не только на нашу жизнь, но и на правила, которыми руководствуемся в обыденной жизни, то увидим, что эти правила, эта средняя мораль среднего человека не имеет ничего общего или, во всяком случае, очень мало общего с огненной проповедью Евангелия.

Евангелие — это огненная книга, это — меч, который пришел принести на землю Господь, по Своим собственным словам. Действительно, Евангелие ставит перед жизнью человеческой великие требования. Оно говорит человеку, что он должен дать каждому просящему, оно говорит, что человек должен не противиться злу, должен прощать всякого, обидевшего его. Оно говорит, что человек не должен заботиться о завтрашнем дне, что он должен от всего отречься, возненавидеть отца и мать своих, свою жену и детей, самую жизнь свою, должен от всего отречься и идти за Господом на Крест.

Вот что говорит Евангелие, и эти слова мы никогда не принимаем всерьез. Эти страшные, призывные слова мы давно по-

старались ослабить в их силе, давно евангельский меч перестал рассекать нашу жизнь, давно Евангелие перестало действовать на глубину нашего сердца. Мы когда-то давно решили, что евангельские заветы не выполнимы и что их можно выполнять, только приблизив к нашей жизни, ибо иначе мы будем страдать, мучиться и обречем на страдания наших близких.

И вот происходит то, что люди в течение девятнадцати веков почти не пробуют жить по Евангелию, за исключением святых угодников, довольствуются своей серединной моралью, исполненные уверенностью, что иначе жить нельзя, что Евангелие написано вовсе не для того, чтобы его исполнять до конца.

И что же, стали ли люди от этого действительно счастливее? Стала ли их жизнь радостнее? Напротив, мы видим, что люди стенают и мучаются, что они не нашли покоя: они не захотели быть мучениками Христа, а стали мучениками мира.

Лучше быть мучеником Христа, чем мучеником мира, лучше страдать за Христа и с Христом, чем гибнуть во лжи, в отчаянии, в котором умирает и гибнет мир.

Поэтому, братья и сестры, когда мы будим свою совесть, то будем судить ее перед лицом чистой Божественной Евангельской истины. Поставим перед собой Евангелие и не убоимся спросить свою совесть перед лицом Господа — исполняем ли мы Его заповеди, не нарушаем ли мы Его заветов.

Возьмите хотя бы слова из беседы о Страшном Суде, где Он говорит, что каждый, кто сделает что-нибудь для меньшего брата, тот сделает это для Него. Возьмите эти слова и перед лицом их проверьте свою жизнь, проверьте, сколько вы отдали сил на служение ближним своим, на служение Христу в лице Его младших братьев, и сколько сил потратили вы на ваши земные вожделения, — и тогда вы увидите, что эти слова Христовы далеко не осуществляются нами.

Итак, чтобы возбудить в себе покаяние, мы должны обратиться к Господу Богу, к Его святым заповедям и перед лицом Его Евангелия судить самих себя.

Далее, мы должны думать о том, чтобы наше покаяние было не только ревностным и огненным, но и глубоким.

Дело в том, что мы часто обращаем внимание только на внешние наши дела, и если все во внешних делах благополучно, то мы считаем, что все вообще хорошо. Между тем наша душа гораздо глубже той поверхности, о которой мы обычно говорим, — наша душа, наше сердце — это бездна, и в этой бездне кроются великие тайны.

Покаяться — это значит заглянуть в себя глубоко, в самые тайники своего сердца. Мы живем только поверхностью нашего существа, между тем, чем больше человек углубляется в себя, тем больше он видит, как много в его душе тайн, которые нуждаются в просветлении. Поэтому, если вы обратитесь к святым, то увидите, что они каялись не только в делах, но больше всего в своих помыслах, они наблюдали за каждым движением своей души и сердца и каялись в этих движениях.

В житии одного старца мы читаем повествование о том, что он, будучи еще мальчиком, совершил такой грех: однажды он шел по дороге, а впереди шел его отец и еще кто-то. Этот другой потерял один плод, мальчик его поднял и утаил. И вот,

будучи уже старым, он вспомнил о грехе, потому что этот грех показал ему, что в глубине его души таились греховные возможности, может быть, не раскрытые еще, но такие, которые могли привести его душу к гибели. И вот покаяться — это значит заглянуть в самые темные возможности своей души.

Если, например, мы обратимся к произведениям Достоевского, то увидим, что во многих местах он говорит о каком-то преступлении, каком-то темном грехе, и многие литераторы думали, что писатель совершил в юности тяжелый грех, который его угнетал. Но большинство исследователей и его жена были другого мнения: не было в жизни Федора Михайловича темного греха, но он всегда чувствовал в себе, в глубине своей души возможность такого греха, и эта возможность настолько угнетала писателя, что он считал необходимым с ней бороться и принимал ее за самый грех.

Так и в наших душах множество темных уголков, из которых рождаются темные преступления.

И вот, когда мы каемся, мы должны внимательно пересмотреть все мысли

и помыслы. Каждая наша мысль окружена множеством чувств. Вся наша жизнь полна кружащимися помыслами, вся наша душа исковеркана нечистыми помыслами. Покаяться — это значит не только рассказать о своих делах, но и проверить все свои помыслы, всю глубину своей личности, своей души...

Вот, братья и сестры, какие условия необходимы для каждого из нас, желающего каяться.

Как же мы должны каяться?

Каждый раз, когда мы в храме, когда мысленно каемся перед Богом, — это тоже таинство. Но величайшей ступенью покаяния, ее вершиной является исповедь.

Многие говорят: «Зачем же для этого идти к священнику? Разве недостаточно, оставшись наедине с Богом, покаяться перед Ним Всевидящим?». Тот говорит так, кто не понимает самой тайны христианского спасения. Дело в том, что христианство на том основывает свое учение о спасении, что человек не может спастись в одиночку, и что он в одиночку может только погибнуть. А спастись человек может только в общении с другими, в обще-

нии с Церковью. Христианство каждому преподает дары благодати в Церкви, и когда человек входит в Церковь, то здесь находит Господа Бога. Дары таинства Крещения и Миропомазания верующий получает в Церкви. В таинстве Евхаристии человек обретает полноту благодати в Церкви в единении со всеми верующими. Самое слово «спастись» показывает, что должно быть в общении с другими. Приставка «с» показывает, что человек не один достигает вечной жизни, а вместе с другими. Когда он ищет духовного исцеления, то следует искать его в общении с другими, в Церкви, и покаяние должно установить общение не только с Богом, но и с Церковью. При покаянии каждому верующему нужно выйти из своей замкнутости. Каждый кающийся при своем обращении примиряется с Богом и со всем человечеством в лице Иисуса Христа.

Один английский писатель считает, что покаяние предполагает одиночество. Это совершенно не церковная точка зрения, ибо покаяние выводит душу из самозамкнутости и вводит ее в общение с Церковью. Ведь всегда, когда человек мучается

от своих грехов, когда кается, он ищет других людей, чтобы поведать им о сокровенных помыслах. Это исповедание друг перед другом своих грехов имеет большое значение. Но такое исповедание — это только преддверие того, что мы совершаем перед служителем Церкви.

Когда-то исповедь носила другие формы, когда-то она имела характер общей исповеди. Человек, обремененный грехами, приходил и перед лицом всей Церкви каялся. А представитель Церкви потом выносил свой приговор. Соединение с Церковью было явным для всех. Потом такая форма исповеди несколько изменилась, и выступила — форма тайной исповеди, исповедь наедине перед священником, который представляет собой всю Церковь. Приходя к священнику, каждый исповедуется перед всей Церковью, и священник молится, чтобы Господь примирил и соединил его с Церковью. Поэтому прощение, получаемое от священника, — это прощение, получаемое от Церкви, и примирение со священником есть примирение со всеми людьми. Исповедь свя-

щеннику — это вершина покаяния, это совершенство покаяния.

Но для того, чтобы исповедь была полной и совершенной, нужны условия... Мы не должны внимать механически, когда священник произносит: «Прощаю, разрешаю»... Святые отцы говорят, что если человек не так исповедует свои грехи, как должно их исповедовать, то священник может сказать «прощаю», а Бог может сказать «не прощаю». Прощение осуществляется, когда грех сглаживается в человеческой душе. Дело священника закончено, когда действительно душа исцеляется, а это бывает тогда, когда человек искренно кается в своем грехе.

Между тем приходится свидетельствовать, что многие из нас не умеют каяться, не умеют исповедоваться. Или не умеют, или не хотят. Душевная дряблость, душевная наша сонливость мешает полному покаянию. Мы должны перед исповедью пережить не один час и не один день тяжелых мучительных размышлений, нам следует пересмотреть каждый уголок не только в своей жизни, но и в своей душе.

И только все пересмотрев, надо всем подумав, должны мы прийти к аналою.

Между тем мы ленимся это сделать и приходим к исповеди с туманным сознанием, что что-то не так, что это нехорошо, а что именно нехорошо, в этом мы не отдаем себе точного отчета. И на вопрос: «чем согрешил» — приходится слышать ответ: «всем согрешил», а точно прихожанин не может вспомнить, не знает. И вот стоит священник перед такой спящей душой, стоит и не знает, как пробудить ее, как привести ее к полному покаянию.

Как часто приходится слышать на исповеди о чем-нибудь совсем не важном, о каких-то маленьких проступках. Но чувствует священник, о самом главном, самом большом, может быть, об обидах и огорчениях, причиненным ближним, забывает, молчит человек. Такая душа не раскрывается вполне. Нередко приходят люди к исповеди и говорят о своих тяжелых житейских обстоятельствах, материальных нуждах, забывая, что нужно иметь сердце «горé», что здесь Сам Господь. Бывает, что исповедь превращается в осужде-

ние своих ближних, в перекладывании вины за свои грехи на других.

И вот, братья и сестры, при такой несовершенной исповеди положение священника бесконечно тягостно. Он не может так отпустить эту душу и не чувствует в себе способность пробудить покаяние в этой душе, ленивой и нерадивой. Ведь священник несет великую ответственность за тех, кто к нему приходит каяться.

Теперь, когда церковная связь вообще значительно ослабела, мы не ощущаем той живой нити, которая существует между исповедующим священником и исповедующимся мирянином. Когда-то эта связь ощущалась очень реально, очень действенно. Если вы посмотрите, как жили наши предки на Руси, то увидите, что там близость между духовником и его духовными чадами была очень велика. Каждый выбирал себе духовника, а священник, прежде чем принять духовного сына или дочь, размышлял о том, может ли он понести на себе бремя его грехов. Те же, кого он принимал, образовывали около него особую покаянную семью. Эти люди были связаны со своим духовником

до самой гробовой доски. Без особо важных причин духовника они не меняли и ему открывали всю жизнь. В древности проповедей было мало, а все поучение происходило во время исповеди. Поэтому исповедь была не только покаянием, но и наставлением. Когда духовник умирал, он своих духовных чад завещал тому, кого считал наиболее достойным.

Связь с духовником подразумевала, что он несет ответственность за грехи своих духовных чад. Верующий высказывал свои грехи, и с этого момента духовник принимал духовное чадо в свое сердце. Теперь он должен постоянно в своих молитвах поминать того, кто соединен с ним таинством Покаяния, и он должен чувствовать ответственность за все то, что делает его духовное чадо, потому что за все спросит с него Господь. И на Страшном Суде духовник ответит за все души, которые были ему поручены, а духовные чада ответят за поступки, в которых они виноваты перед своим духовным отцом.

Вы видите, какая глубокая связь между исповедующимся и тем, кто его исповедует.

Пусть это заставит вас подумать об этом великом таинстве, которым каждый из нас живет, которым каждый из нас дышит. Пусть эти слова заставят подумать о том, так ли мы живем, так ли мы каемся и каемся ли мы. Так ли мы исповедуемся и исповедуемся ли мы. Если мы почувствуем, что это было не так, то будем молить Господа Иисуса Христа и Пречистую Матерь, чтобы мы научились каяться, чтобы помогли Они нам во время нашей исповеди.

Действительно, братья и сестры, будем помнить о том, что Сам Господь Иисус Христос внимает нашей исповеди, не будем забывать, что Сам Господь стоит здесь, ощутим хотя бы на мгновение, что Сам Христос принимает нашу исповедь. Какое же мы будем иметь оправдание на Страшном Суде, если перед лицом Господа мы не принесли совершенного покаяния, совершенного раскаяния.

Да пошлет же нам в этом помощь Господь наш Спаситель молитвами Пречистыя Своея Матери и всех святых. Аминь.

О таинстве Покаяния

I. Покаяние в Ветхом Завете.

1) С момента грехопадения покаяние тесно соединялось с жертвоприношением. При всяком жертвоприношении необходимо было исповедовать свой грех.

2) Во времена Моисея законом определены были за разные грехи разные жертвы (см.: Лев. гл. 4–6 гл.), а для всенародного очищения был особый день, в который первосвященник, после исповедания грехов народа, с жертвенной кровью входил во Святое святых (см.: Лев. 16, 5–34).

3) Проповедью покаяния Иоанна Крестителя закончился Ветхий Завет.

II. Установление таинства Покаяния в Новом Завете.

1) Иисус Христос говорил: *исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

2) Чтобы получить исцеление болезней должно покаяться. *Что легче сказать: прощаются тебе грехи твои, или сказать: встань и ходи?* (Лк. 5, 23).

3) Внутренний ход истинного покаяния показан в притче о блудном сыне (см.: Лк. 15, 11–32).

4) Само таинство установлено словами Иисуса Христа: *примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 22–23).

III. Что необходимо для прощения грехов?

1) Сокрушение о грехах, вызывающее отвращение к ним и желание понести какую угодно кару за содеянные грехи;

2) Твёрдое намерение не грешить и жить согласно этому намерению. Пример Марии Египетской, после покаяния ушедшей в пустыню.

3) Вера в Господа нашего Иисуса Христа и надежда на Его милосердие.

IV. Устное исповедание грехов перед священником.

1) Устная исповедь необходима для священника, чтобы он мог разрешить от греха или не разрешить, наставить грешника и, вообще, руководить духовной жизнью своих пасомых.

2) Исповедь перед священником нужна и для кающегося, чтобы он мог:

а) беспристрастно разобраться в своих поступках;

б) получить наставление и совет для борьбы с грехом;

в) облегчить свою душу — успокоить совесть;

г) получить от Бога прощение, которое Господь благоволил подавать через пастырей (см.: Ин. 20, 21–23).

V. Заключение.

Идите же к пастырям Церкви Христовой. Несите к подножию Святого Креста свои грехи. Плачьте, кайтесь. Вы получите отпущение грехов, мир душевный и вечное спасение.

О таинстве Исповеди

(Ответы на возражения против исповеди и против священника)

Не желающие каяться, оправдывая себя, говорят: «Зачем исповедоваться у грешного человека — священника?»

Ответ: 1) Так установил Христос, который сказал апостолам: *Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 23), дав им власть прощать и оставлять на грешнике его грехи. Поэтому и должно пастырю открыть свои грехи.

2) Исповедь показывает степень покаяния, которое обязано привести к смирению и самоосуждению не только перед Всевидящим Богом, но и перед человеком. Чем глубже смирение и самоосуждение, тем ближе к грешнику милость Божия.

3) Тот, кто говорит, что ему достаточно покаяния только перед одним Богом, обманывается. Так как всякий грех — есть грех и против ближнего, то и покаяние необходимо принести перед ближним. Церковь, снисходя к нашей слабости, вместо публичного покаяния установила покаяние перед представителем её. В исключительных же случаях (переход в ересь или раскол) она и теперь требует общенародного покаяния.

4) Как зовешь ты к себе доктора, несмотря на то, что последний той же болезнью болен, и с доверием принимаешь прописанные им лекарства, так иди к каждому духовнику и смиренно принимай духовные советы для врачевания своей души.

«К опытному духовнику — подвижнику я пошел бы, — говорят не желающие исповедоваться, — а так как опытных я не встречал в своей жизни, то и не хожу».

Ответ: 1) Так делать неразумно. Не так ты поступаешь в жизни обыденной. Когда умирает любимый тобой ребенок, то ты не станешь говорить: «Так как в нашем городе нет профессора-доктора, то я к умирающему никого не позову». А тут душа умирает, а ты не идёшь к врачу, да и профессора не очень-то ищешь.

2) Как твоему больному может помочь фельдшер, а не только врач-профессор, так и душе поможет не только духовник-подвижник, но и обыкновенный священник. Ибо и тот, и другой врачуют не по своей мудрости, а силой благодати Божией, поданной в таинстве Священства.

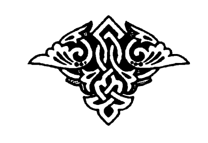
«Ничего не дает исповедь, так зачем она мне?»

Ответ: Но точно также ты можешь не только не получить никакой пользы от пищи, питья, воздуха, но и принять от них вред, когда, например, съешь больше, выпьешь не в меру, или выйдешь на свежий воздух с больной грудью, однако, все это ты делаешь (ешь, пьёшь, дышишь свежим воздухом). От всего можно получить или пользу, или вред, или ничего не получить. Вини себя в том, что когда другие от ис-

поведи получают облегчение и исцеление души, ты ничего не получаешь.

Заключение.

Готовься к исповеди. Вспоминай все свои грехи. Иди к духовнику с намерением ничего не скрывать. Открой ему все тайники своей души — и исповедь тебя всего захватит, очистит, смирит, освободит от душевного гнёта, соединит с Христом и даст благодатные силы к борьбе с грехом и преуспеванию в добродетелях.

«ГРЕХИ ЗАПИСАЛА, А РАСКАЯНИЯ НЕТ»

Исповедь у преподобного Нектария Оптинского

Преподобный Нектарий Оптинский (1853–1928, день памяти — 29 апреля / 12 мая), был учеником и духовным сыном преподобных Анатолия-старшего и Амвросия, который относился к нему с особой любовью и вниманием. Старцы, видя в молодом послушнике своего достойного преемника, воспитывали в нем истинный монашеский дух, обучая терпению и смирению.

Преподобный Нектарий Оптинский

Более двадцати лет преподобный Нектарий прожил в уединении и молчании (дверь из его кельи выходила прямо в храм, ни с кем из монахов он не разговаривал, посещал только старцев или духовника). Стяжав благодатные дары прозорливости, чудотворения и исцеления, преподобный Нектарий по благословению старцев стал скрывать их под маской юродства. Приняв этот новый подвиг, он смущал некоторых из немощных братий монастыря и паломников скита, приводя их в полное недоумение своим странным поведением.

В 1912 году, по указанию архимандрита Агапита (Беловидова), преподобный Нектарий был избран старцем и духовником братии. Сначала он отказывался, говоря: «Нет, отцы и братия! Я скудоумен и такой тяготы понести не могу». Но отец архимандрит настаивал: «Отец Нектарий! Прими послушание!». И преподобный вынужден был покориться.

После революции для старца Нектария начался период тяжелых испытаний. После закрытия монастыря он собирался отказаться от духовного руководства другими и закончить свою жизнь странни-

ком. Но тут во сне явились ему почившие раньше оптинские старцы: «Если хочешь быть с нами, то не оставляй чад своих». Старец Нектарий смирился с возложенным на него крестом.

В 1920 году скончался скитоначальник схиигумен Феодосий (Поморцев), преподобный Нектарий был назначен на должность начальника скита и по примеру своих предшественников в том же году принял постриг в великую схиму.

Поток посетителей к старцу Нектарию увеличился. Люди шли к нему не только за советом и утешением, но и за молитвенной помощью, которая незамедлительно следовала в ответ на многочисленные просьбы приходящих.

В 1923 году преподобный Нектарий был арестован, но вскоре по ходатайству его духовной дочери освобожден с условием покинуть Оптину пустынь, уехать как можно дальше и не принимать паломников. Старец передал своих духовных чад преподобному Никону Оптинскому, а сам отбыл на хутор Плохино недалеко от Козельска, а потом перебрался в село Холмищи Брянской области. Но и туда про-

должали приезжать самые преданные его чада. Монашествующие, миряне, церковная интеллигенция, духовенство, остававшиеся на свободе оптинские отцы продолжали пользоваться руководством преподобного. Даже Святейший Патриарх Тихон неоднократно советовался со старцем по важным вопросам церковной жизни, обращаясь к нему через доверенных людей.

Преподобный старец оптинский Нектарий скончался 29 апреля / 12 мая 1928 года и был погребен в селе Холмищи.

На исповеди отец Нектарий был очень серьезен, строг, сосредоточен. При всей своей строгости он был всегда благостен, никого не ругал, даже если того ожидал кающийся.

Как-то одна монахиня просила дать ей епитимью для исправления, но батюшка только сказал: «Стопы человеческие от Господа исправляются» (ср.: Пс. 36, 23). Она жаловалась на свою неисправимость, скорбела о том, а старец утешал: «Пусть немощь и покаяние до смерти чередуются.

И в Прологе есть: «Если согрешивший скажет: «Господи, согрешил, прости меня» и будет ему паче венца Царского».

Порой на исповеди старец был ласков, даже шутил. Однажды дал читать исповедь по книге. Исповедница на одном месте остановилась.

— Ты что? — спросил отец Нектарий.

— Я думаю, грешна я этим или нет.

— Ну, подумай, а то, может, вычеркнешь это в книжке? — и улыбнулся.

Об исповеди говорил, что дело не в сложности ее, а в сокрушении сердца: «Господь зрит на сердце» (ср.: 1 Цар. 16, 7). Указывал на духовное значение помышлений и слов, а не только дел.

Казалось, что он всегда заранее знал, что скажут ему. О такой исповеди у старца писала Евгения Рымаренко: «Сегодня в первый раз исповедовалась у батюшки. Вошла самая последняя. Батюшка усадил на диванчик, а сам встал рядом в епитрахили и поручах. ...Начались разговоры и расспросы. Пересмотрена была вся жизнь, при этом часто не я рассказывала, а сам батюшка как бы вспоминал некоторые важные случаи и поступки. Все время

была мысль: «А вдруг я что-нибудь забуду или не так объясню». Но чем дальше, тем больше и больше чувствовалось, что батюшке объяснять ничего не нужно, он сам объяснял, почему и отчего то или другое случилось в моей жизни. Наконец он спросил:

— А ты хочешь завтра приступать к божественному Причащению?

— Да, да, батюшка.

— Ну, так подойди к Божественной благодати, — и подвел меня к иконам. Я подумала: «Вот сейчас начнется исповедь». Вдруг почувствовала епитрахиль на голове и услышала слова разрешительной молитвы...»

Известен рассказ об исповеди у отца Нектария женщины, которая не исповедовалась с детства. От церкви она была далека и к старцу попала случайно, сопровождая больного мужа. Старец произвел на нее сильное впечатление, и, когда предложил ей исповедаться, она согласилась. Он подвел ее к иконам: «Стой здесь и молись!» — А сам ушел к себе в келью. Стоит она, смотрит на иконы и не нравятся они ей — нехудожественные, и даже

лампадка кажется никчемной. В комнате тихо, и только за стеной старец ходит, чем-то шелестит. И вдруг почувствовала она грусть и умиление и невольно незаметно начала плакать. Слезы застилали ей глаза, она уже не видела икон и лампадки, а только радужное облако перед глазами, за которым ощущалось Божие присутствие. Когда вошел отец Нектарий, она стояла вся в слезах.

— Прочти «Отче наш», — велел. Кое-как, запинаясь, прочла.

— Прочти «Символ веры».

— Не помню.

Тогда старец сам стал читать и после каждого члена спрашивал: «Веруешь ли так?» На первые два ответила: «Верую!» Как дошло до третьего члена, то сказала, что не понимает его, а к Богородице ничего не чувствует. Батюшка укорил ее и велел молиться о вразумлении Царице Небесной, чтобы Та Сама ее научила, как понимать «Символ веры». И про большинство других членов «Символа веры» женщина говорила, что не понимает их и никогда об этом не думала, но плакала горько и все время ощущала, что ничего скрыть нельзя,

и бессмысленно было бы скрывать, и что с ней вот сейчас как бы прообраз Страшного Суда. Старец о личных грехах ее спрашивал, как ребенка. Так, что она стала отвечать ему с улыбкой сквозь слезы, и потом простил ей все грехи с младенчества до этого часа.

Одна из духовных дочерей отца Нектария рассказывала об исповеди одной прихожанки у старца:

«Вечером идти на исповедь к батюшке. Грехи записала, а раскаяния нет.

Батюшка встречает:

— Давай с тобой помолимся! — И стал говорить: — Господи, помилуй!

Она начала почти бессознательно повторять. А он все выше берет: «Господи, помилуй!» И такой это был молитвенный вопль, что та вся задрожала. Тогда он поставил ее перед иконами и сказал: «Молись!» А сам ушел к себе. Она молится, а как голос слабеет, батюшка произносит из-за двери: «Господи, помилуй!» Лишь когда она греховность свою осознала, он вышел и стал ее исповедовать.

— Батюшка, — говорит, — я записала грехи.

— Умница! Ну, прочти их.

Она прочла с сокрушением.

— Сознаешь ли, что грешна во всем этом?

— Сознаю, батюшка, сознаю.

— Веришь ли, что Господь разрешит тебя от всех твоих грехов?

— Батюшка, я имею обиду на одно лицо и не могу простить.

— Нет, ты это со временем простишь. А я беру все твои грехи на себя. И прочел разрешительную молитву.

Причащение было чудным и торжественным», — вспоминала та исповедница.

Однажды старец просил молиться о нем свою духовную дочь. Сказал, что уныл, скорбен, утратил молитву. Она удивилась: «Батюшка, неужели и у вас бывает тягота на душе? Я думала, что вы всегда в молитве и в духе радости». Батюшка ответил на это, что случаются ошибки: «иногда скажешь что-то от себя, неправильно решишь вопрос чужой жизни. Иной раз строго взыщешь на исповеди или, наоборот, не дашь епитимий, когда следовало бы дать, и за все это бывает наказание,

благодать Божия отступает на время и мы страдаем».

Пришел к отцу Нектарию на исповедь архимандрит Вениамин (Федченков), впоследствии митрополит. А старец его не принимает: «Нет, я не могу вас исповедовать. Вы человек ученый. Вот идите к скитоначальнику нашему отцу Феодосию, он образованный». Отец Вениамин стал возражать, что образованность здесь не имеет важности. Но старец Нектарий твердо повторил совет — идти через дорожку налево к отцу Феодосию. Он пришел к скитоначальнику и рассказал об отказе старца его исповедовать, передал совет идти на исповедь к образованному отцу Феодосию.

«Ну, какой я образованный, — ответил он, — окончил всего второклассную школу. И какой духовник! Правда, когда у старцев много народа, принимаю иных и я. Да ведь что же я говорю им? Больше из книг наших же старцев или святых отцов. Ну, а батюшка Нектарий — старец по благодати и от своего опыта. Нет уж, вы идите к нему и скажите, что я благословляю исповедовать вас».

«Вот и хорошо, слава Богу», — сказал старец, когда тот вернулся. Будто он и не отказывался прежде, и тем показал, что послушание старшим в монастыре обязательно и для старцев. И может быть, даже в первую очередь, как святое дело и пример для других. «И началась исповедь, — писал отец Вениамин, — к сожалению, я теперь решительно ничего не помню о ней. Одно лишь осталось, что после этого мы стали словно родными по душе».

Как-то спросили отца Нектария, должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их или утешить. «Иначе облегчить нельзя, — ответил он. — И вот чувствуешь иногда, что на тебе словно гора камней — так много греха и боли принесли тебе, и прямо не можешь снести ее. Тогда приходит благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев. И можешь принимать снова».

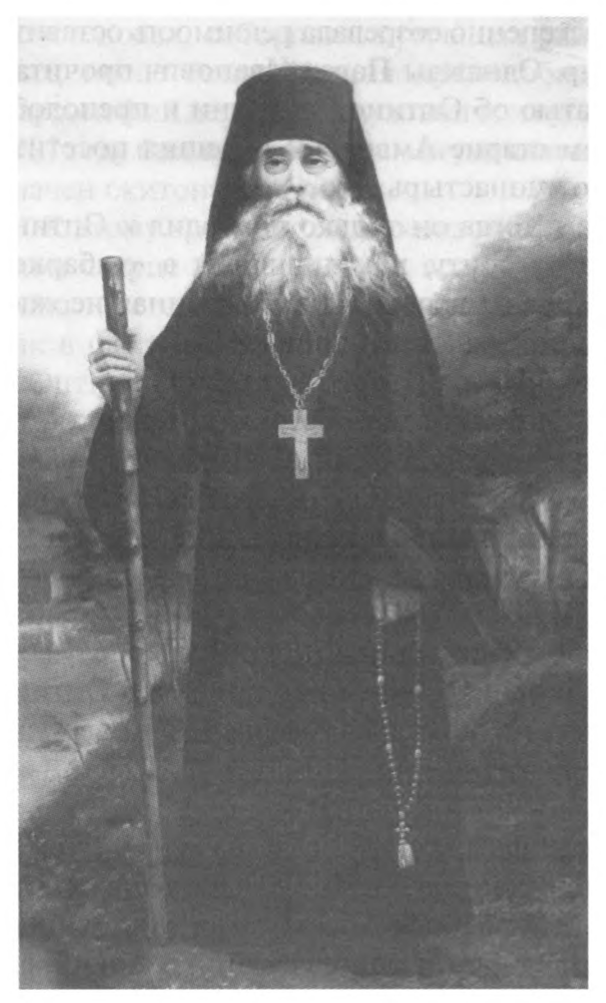

«Я ХОТЕЛ ТЕБЯ НАУЧИТЬ, КАК НАДО ИСПОВЕДОВАТЬСЯ»

Исповедь у преподобного оптинского старца Варсонофия

До поступления в монастырь преподобный Варсонофий (в миру Павел Иванович Плиханков, 1845–1913, день памяти 1/14 апреля) учился в кадетском корпусе, служил в армии, дослужился до полковничьего чина. Служба полковника Плиханкова проходила в Казани, где Павел Иванович любил молиться у мощей святителя Варсонофия Казанского. Ему нравились долгие монастырские службы. Так

Преподобный Варсонофий Оптинский

постепенно созревала решимость оставить мир. Однажды Павел Иванович прочитал статью об Оптиной пустыни и преподобном старце Амвросии и решил посетить этот монастырь.

...Когда он только подходил к Оптинскому скиту, находившаяся в «хибарке» старца Амвросия одна блаженная неожиданно с радостью произнесла:

— Павел Иванович приехали.

— Вот и слава Богу, — спокойно отозвался преподобный Амвросий...

От преподобного Амвросия Павел Иванович услышал поразившие его слова: «Через два года приезжайте, я вас приму».

В последний день отпущенного преподобным срока уволившийся со службы полковник Плиханков прибыл в Оптину пустынь, но старца Амвросия в живых уже не застал.

10 февраля 1892 года началась его монашеская жизнь. В 1903 году преподобный Варсонофий был назначен помощником старца и одновременно духовником Шамординской женской пустыни. Во время русско-японской войны батюшка

исповедовал, соборовал, причащал раненых, после ее окончания преподобный Варсонофий вернулся к духовничеству, и в 1907 году был возведен в сан игумена и назначен скитоначальником.

К этому времени слава о новом оптинском старце разнеслась по всей России. Одна из его духовных чад рассказывала, как в шестнадцать лет впервые приехала в Оптину на исповедь, и преподобный Варсонофий, которого она раньше не знала, пересказал всю ее жизнь, не только указывая точно даты, когда был совершен тот или иной проступок, но называя и имена людей, с которыми они были связаны. А затем старец сказал: «Завтра ты придешь ко мне и повторишь мне все, что я тебе сказал. Я хотел тебя научить, как надо исповедоваться».

В Старо-Голутвином Богоявленском монастыре, куда в 1912 году преподобный Варсонофий был назначен настоятелем, произошло по его молитвам чудо исцеления глухонемого юноши. «Страшная болезнь — следствие тяжкого греха, совершенного юношей в детстве», — пояснил старец матери и начал тихо шептать на ухо

юноше. «Батюшка, он же вас не слышит, — воскликнула мать, — он же глухой...» — «Это он тебя не слышит, — ответил преподобный, — а меня слышит», — и снова произнес что-то шепотом на ухо молодому человеку. Глаза юноши сделались испуганными, и он покорно кивнул головой... После исповеди преподобный Варсонофий причастил его, и болезнь оставила страдальца.

Из бесед преподобного Варсонофия Оптинского об исповеди с паломниками и богомольцами

❖ ...Вы... приехали в нашу тихую обитель, чтобы провести эти дни в молитве, духовной беседе и удалении от мирской суеты. Здесь вы говели и приобщались Святых Таин. Это великое дело — принять в себя Самого Господа. В таинстве Покаяния, или Исповеди, разрываются векселя, то есть уничтожается рукописание наших грехов, а причащение истинных Тела и Крови Христовых дает нам силы перерождаться духовно. Правда, это совершается не сразу и, пожалуй, неощутимо для нас: *...не придет Царствие Божие*

приметным образом (Лк. 17, 20), но несомненно, что это перерождение рано или поздно совершится, и мы начнем новую жизнь, жизнь в Христе.

❖ Ужасную вещь выдумал Бенджамин Франклин, предложив на особых табличках отмечать, что ты преуспел за день, за неделю и т.д. Этим путем до невероятной прелести можно дойти и в бездну погибели рухнуть.

Нет, у нас путь иной, мы все должны стремиться к Богу, Небу, к востоку. Но должны видеть свои грехи и немощи, исповедуя себя первыми из грешников, видя себя ниже всех и всех над собой. А это-то и трудно. Все мы норовим замечать за другими: вот он в чем слаб, а я нет, я паинька, я лучше его — и так над всеми... С этим надо бороться. Тяжела эта борьба, но без нее нельзя узреть Бога. Правда, «лицом к лицу» видят Его немногие, вроде Серафима Саровского, но хотя бы отображение Его все без исключения должны стремиться видеть. Если веруем в Христа и по силе стремимся исполнять его заповеди, то хотя бы в щелочку, а все же видим Его. Наше зрение, то есть способность видеть

Христа, и зрение святых людей можно сравнить со способностью человека и орла смотреть на солнце. Орел высоко поднимается над землей, парит в небе и немигающими глазами смотрит на солнце, а человеческое зрение к этому не приспособлено, человек не может вынести всей полноты света, а орел может. Так и с Божественным Светом: те, у кого приспособлено к тому духовное зрение, будут Его видеть, а прочие — нет.

❖ Исповедоваться можно всегда, даже каждый день...

❖ Некоторые мирские думают, что говеть нужно только один раз в году, но это неправильно, лучше говеть почаще. Многие мои духовные дети часто причащаются, оттого и исповедовать мне их легче, я знаю всю их душу. Тех же, которые по два или три года не говеют, исповедовать трудно, очень уж замаранной становится душа, не знаешь, как и очистить ее.

Это все равно как в жизни. Мои предшественники очень запустили квартиру, в которой я теперь живу, и рабочим много труда пришлось положить: белить, красить, пока она не приняла приличный

вид, — так и с душой бывает. Люди, преданные миру, часто и совсем оставляют Церковь, начинают увлекаться чем-либо другим, например спиритизмом

❖ Надо бороться со страстями, а если они и победят, то будем каяться и исповедоваться во всех грехах своих. Вот на Страшном Суде уже не будет покаяния, не будет там ни Варсонофия, ни Гавриила, а только одна Правда Божия. Постараемся преобразиться духовно, для такого преображения и в монастырь идут.

ИСПОВЕДЬ У ПРЕПОДОБНОГО АЛЕКСИЯ ЗОСИМОВСКОГО

Преподобный Алексий, иеросхимонах Зосимовой пустыни (1846–1928, дни памяти 20 августа, 19 сентября) еще при жизни прославился как замечательный духовник. В Зосимову пустынь — один из духовных центров русского православия, — стекались сотни и тысячи богомольцев. Представители всех сословий, всех возрастов, семейные и одинокие, больные и здоровые, ближние и дальние, грешные и благочестивые, верующие и сомневающиеся

Преподобный Алексий Зосимовский

искали окормления старца Алексия. Среди духовных детей старца были Великая княгиня Елизавета Феодоровна, основательница Марфо-Мариинской обители милосердия, ныне причисленная к лику святых, и преподобная Фамарь, которая, по благословению отца Алексия, в 1908 году основала ставший известным Серафимо-Знаменский скит под Москвой.

⟡⟡⟡

Из воспоминаний отца Макария, келейника старца: «Батюшка принимал приходящих к нему на совет или на исповедь с большим вниманием, смирением и любовью и старался исповедовать или беседовать, по возможности, не спеша. Одна богомолка, выйдя после исповеди от старца, спросила: «А что, у вас этот духовник-то с Афона? Уж очень долго исповедует». Один протоиерей, исповедовавшись у старца, так выразился о нем: «Хороший духовник, у него и вопросы-то как поставлены, что, пропустив один, на другом попадешься». Бывало и так, что, отпустив исповедника, батюшка сам посылал за ним, чтобы дать ему еще один нужный совет».

Из воспоминаний монаха Зосимовой пустыни: «Отец Герман (преподобный Герман Зосимовский. — *Ред.*) говорил про отца Алексия, что он на исповеди и сам перечисляет грехи, и раскрывает всю подноготную. Ему возразили: «Но ведь тут можно и в помыслы удариться?» А отец Герман в ответ: «Конечно, простому человеку можно, но ведь у батюшки и сила.

Обо всем расспрашивать может тот, кто сам дочиста открывается».

Отец Алексий имел своим старцем и духовником отца Германа, а отец Герман, в свою очередь, исповедовался у отца Алексия. К ним вполне подходят слова: *по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя* (Флп. 2, 3).

Один монах так рассказывал о старце: «Отец Алексий исповедовался у отца игумена Германа натощак, говорил о всех помыслах, деяниях, все мелочи излагал, часа по два исповедовался. Перед исповедью обходил всех братий, клиросных и кто встретится, говорил: «Простите меня, Господа ради, я собираюсь причащаться. Не оскорбил ли я вас, скажите откровенно. Если согрешил, простите, Господа ради». Когда сам исповедовал, расспрашивал о самых тончайших движениях души. Однажды, идя на откровение помыслов к отцу Герману, он остановился с отцом Мелхиседеком и сказал ему: «Мне уже за пятьдесят, я уже два года в монастыре, а только теперь стал чувствовать, что такое монашеская жизнь, пользу откровения, а ведь был священником, людей учил...»

У отца Алексия был обычай проводить генеральную исповедь, то есть расспрашивать о грехах с семилетнего возраста. Многие и не понимали, что то или иное — грех, а батюшка все тонкости, все детали разбирал. Спрашивал, бывало: «Не грешен ли в этом?» — «Нет». — «А вот это, а это?» И убедит так, что человек поймет, какие творил грехи, совсем не считая это грехом.

У старца был особый дар напоминать грехи. Вообще, многие замечали, что часто батюшка как будто заранее знал, что было на душе у приходивших к нему, и сам спрашивал о том, что они хотели ему сказать. Часто он этим облегчал их положение, потому что люди порой не знали, не умели или не смели рассказать то, что им было нужно открыть, а батюшка шел им навстречу и сам говорил о потаенном.

Он учил и других духовников, обращавшихся к нему за советами, быть очень щепетильными в деле исповеди. Если же кто стеснялся задавать вопросы о плотских грехах, то старец говорил: «Тогда лучше не задавать, чтобы не соблазняться». Он учил Илью Николаевича Четверухина (священномученик протоиерей Илия Чет-

верухин), чтобы он, слушая о тяжких согрешениях на исповеди, и виду не подавал, что ужасается. Некоторые горделивые расстраивались от вопросов старца, но после чувствовали пользу. Батюшка так говорил им: «Мой долг — спросить и наставить, ваше дело — принять, как от Самого Бога, и раскаяться». У тех, кто не сразу открывали свои грехи, он спрашивал: «В грехе гнить хотите? Не желаете исцеления?» Когда, наконец, грехи были открыты, старец говорил: «Ну вот, ведь не съел же я вас».

Преподобный Алексий умел с такой любовью и уважением подойти к кающемуся грешнику, что это располагало его вычищать всю внутреннюю грязь и нести ее к ногам старца. Какое бывало после исповеди облегчение, какая радость в душе! Батюшка говорил так: «Духовник — это баня, которая всех моет от грязи, а сама в болоте стоит». Тут надо много любви и снисхождения иметь, чтобы грешник не впал в отчаяние.

На исповеди у батюшки душа как бы сама раскрывалась от его воздействия, таяла, как воск тает от приближающегося

к нему огня, или просветлялась, как мрак в темной комнате от зажженной свечи.

Часто на исповеди отец Алексий начинал винить самого себя в том, что он будто бы не разъяснил подробно значения и силы какого-нибудь греха. «И как же стыдно становилось после этого, — пишет духовная дочь старца А.Г. Лепель, — какое беспокойство овладевало, когда приходило понимание, что старец и за тебя будет отвечать на Страшном Суде перед Богом».

Отец Алексий исповедовал, не думая о своей усталости, не помня о своем преклонном возрасте и здоровье.

Из воспоминаний Е.Л.Ч.: «Мне достался один из последних билетов на исповедь. Всенощная шла неспешно, но кающиеся подолгу задерживались у старца, и только во время чтения первого часа (это было около одиннадцати часов вечера) я вошла к батюшке. Всю всенощную я стояла точно окаменевшая. Молитва не шла, мысли разбегались... Такой холодной я вошла к старцу. Но тут вдруг во мне что-то затеплилось. Почему же? Да батюшка, несмотря на усталость после своего многочасового подвига, с такой любо-

вью заговорил со мной, что невольно слезы умиления полились из глаз, и куда девалась вся моя холодность. “Ах, это ты, Евгеньюшка, ко мне пришла! Самая-то моя любимая детынька, а как поздно? Ведь я не успею с тобой ни о чем побеседовать!” Я только молча с благодарностью покрывала руки старца поцелуями и обливала их слезами. “Ты уж лучше приходи ко мне завтра, — предложил батюшка, — ночью, в половине первого. Небось, тебе это трудно будет?” — продолжал он, ласково заглядывая в мои глаза. Господи! Старец, изнемогший, беспокоится, что я в кои-то веки посплю меньше обыкновенного. “Батюшка, — ответила я, — это вам будет трудно, а я помоложе вас, я с удовольствием приду, когда вы скажете. Да, кроме того, я ведь потом еще смогу поспать до обедни, а вам всю ночь принимать народ”. Батюшка улыбнулся: “Мы, монахи, к этому привычные, а вам трудно”. Я не ушла от старца, а словно улетела с согретой его любовью душой. Немного полежав, боясь заснуть, в половине первого я уже была в церкви преподобного Сергия, где батюшка принимал по ночам.

Я не опоздала, но старец был уже в храме. Какая-то женщина без позволения прошла к нему. Старец отослал ее, говоря, что он должен исповедовать сначала матушку: дорогой старец ждал меня, грешную... После исповеди, благословленная старцем, я легла спать, а он принимал народ всю долгую ночь и до окончания литургии...»

ИСПОВЕДЬ У СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Вся верующая Россия стекалась в конце девятнадцатого века к великому и дивному чудотворцу святому праведному Иоанну Кронштадтскому (день памяти 20 декабря / 2 января). Общая исповедь, которая из-за громадного количества желавших исповедоваться у отца Иоанна, была им введена по необходимости, производила потрясающее впечатление: многие каялись вслух, громко выкрикивая, не стыдясь и не стесняясь, свои грехи. Во время исповеди отец Иоанн был воистину

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

посредником между Богом и людьми, ходатаем за грехи их, был живым звеном, соединявшим Церковь земную, за которую он предстательствовал, и Церковь небесную, среди членов которой он витал в те минуты духом. Причащающихся после общей исповеди бывало всегда так много, что на святом престоле стояло иногда несколько больших чаш, из которых несколько священников приобщали верующих одновременно нередко более двух часов.

Об общей исповеди отца Иоанна Кронштадтского

Настает время общей исповеди. Мы все выходим из алтаря на солею. Необыкновенно величественная картина предстает перед нами. С довольно высокой солеи можно видеть самые отдаленные уголки большого храма. Перед нами — море голов (потом говорили, что не менее пяти тысяч человек). Как волнуется море, так волнуется и это море людей. Достаточно небольшого толчка и все молящиеся отклоняются в одну сторону, потом для сохранения равновесия направляются

в другую. В эти минуты казалось, что перед нами уже не толпа отдельных людей, а как бы один человек, единое тело, единый живой организм.

Отец Иоанн выходит из алтаря на амвон в смиренном виде без митры и говорит поучение перед исповедью. Он начинает без обычных слов «во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

— Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в этот храм, чтобы принести Господу Иисусу Христу Спасителю нашему покаяние в грехах и потом приступить к Святым Таинам. Приготовились ли к восприятию столь великого таинства? Знаете ли, что великий ответ несу я перед Престолом Всевышнего, если вы приступите, не приготовившись. Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь, Тело и Кровь Которого в настоящую минуту находятся на жертвеннике.

Сказав еще несколько прочувствованных слов, отец Иоанн продолжает:

— Слушайте... буду читать покаянные молитвы.

И — читает! Неописуемо, невыразимо хорошо читает эти молитвы отец Иоанн.

— «Боже Спасителю наш, — восторженно, громогласно и умилительно взывает батюшка, — прости рабов твоих сих». — Слова «твоих сих» читает протяжно, разбивая их по слогам. При этом раскрытой рукой проводит над головами стоящих и молящихся, как бы указывая милосердому Судии на каждого. После этих слов невольно дрогнуло у каждого прихожанина сердце. Каждый почувствовал, что именно он, а не кто-либо другой, сейчас должен дать отчет Богу за прожитое время, за все свои дела. Не укрыться ему теперь за другими от этого Судии.

Продолжается чтение молитвы. Голос пастыря все возвышается и возвышается. Иногда, во время чтения, он еще выразительнее, как пророк грозного и праведного Судии, указывает пальцем в толпу, то в одну, то в другую сторону храма... Все эти и подобные этим жесты весьма трогательны, чрезвычайно поясняют смысл читаемого и производят на молящихся сильное впечатление.

Прочитав первую покаянную молитву, отец Иоанн заявляет, что ее нужно «протолковать», и продолжает свое поучение. Говорит, конечно, без тетрадки, просто, без всяких ораторских приемов. В одном месте ему никак не удается правильно построить фразу. Проповедник останавливается на несколько мгновений и потом, заявив, что он «не так сказал», спокойно продолжает свою речь. Слово его отличается внутренней силой, властностью (см.: 1 Кор. 2, 4; 4, 20) и нисколько не напоминает чтения мальчиком хорошо вызубренного урока. Говорит батюшка с глубокой верой в каждое свое слово, готовый за каждое слово даже пострадать, потому что все идет от сердца. Говорит то, что сам своим личным опытом хорошо изведал. Это не «хорошие фразы», тщательно собранные из всевозможных сборников и книг. Вот что он говорит людям.

— В этой молитве к Богу Отцу, Первому Лицу Пресвятой Троицы, Господу Всеблагому, Всесвятому, Вездесущему, Премудрому, Всесоздавшему, Всемогущему, Всеправящему, Страшному всякой твари, Святая Церковь молит Господа, чтобы Он

даровал помилование грешникам и грешницам, простил бы им прегрешения, всякие беззакония, совершенные или по легкомыслию, или по необдуманности вольно или невольно, простил бы и помиловал бы, как некогда помиловал пророка и царя Давида, тяжко согрешившего перед Богом. Прогуливаясь однажды на террасе своего дворца, он увидел купающуюся очень красивую женщину, молодую еврейку, пленился ее красотой и пожелал сделать ее своей женой. Но эта еврейка была замужем. Чтобы исполнить свое греховное желание, Давид отправил ее мужа на войну и приказал поставить на опасное место, где и сразили его неприятельские стрелы. Таким образом Давид достиг своей преступной цели и, упоенный греховной страстью, не хотел думать о том, какое тяжкое прегрешение совершил перед Богом. Но Господь Бог умилосердился над грешником и послал к нему пророка Нафана для вразумления и наставления. Пророк обличил царя в беззаконии и убедил его раскаяться. Тогда царь сознал свой тяжкий грех и ужаснулся его. Посыпав голову свою пеплом в знак смирения, начал

горько плакать и искренно, горячо каяться перед Господом. Господь услышал его скорбную мольбу и простил его грех. Святой Дух, Который оставил его после согрешения, снова вселился в него после раскаяния и не оставлял его до конца дней. Царь Давид свое искреннее и сердечное сокрушение о грехах выразил в псалмах, в которых благодарил и прославлял Бога. Он оставил после себя книгу Псалтирь, употребительнейшую в православной церкви. Его 50-й псалом: «Помилуй мя, Боже» представляет собой прекрасный и ничем не заменимый образец сердечного покаяния.

Братья, царь Давид был человек благочестивый, кроткий, незлобивый, мудрый, имевший дар пророчества, хороший был человек, и то согрешил, не уследил за собой, украл единственную жену! Царь, пророк, святой муж — и пал так глубоко! О, как легко согрешить человеку. Нужно быть бдительным к своей душе, нужно всегда следить за собой, обуздывать свои чувства. Нужно каждый день и час, каждую минуту следить за собой и предвидеть заранее греховные желания свои и обере-

гать себя от искушений, ибо диавол, как лев рыкающий, бегает за нами и ищет, кого бы поглотить. Для этого нужно обдумывать и взвешивать каждый свой шаг и всякий свой поступок.

Другой царь Манассия отпал от Бога и впал в идолопоклонство, занимался волхвованиями, вызыванием духов, был спирит по-нынешнему и детей своих учил тому же. Неблагодарный, гордый, он презирал народ, любивший Бога, а себялюбивых, подобных себе, ласкал и приближал. Своими беззакониями он прогневал Бога, долготерпение Господне истощилось. Во время войны иудеев с ассириянами Манассия был взят в плен, руки и ноги его были закованы в колодки, а в нос было продето кольцо. В таком позорном виде, как зверя, его провели по Вавилону и бросили в смрадную темницу, где и держали три месяца. Братья, человек не может жить без наказаний, этих истинно посещений Божиих, за которые мы всегда должны благодарить Бога. Иногда только наказания могут отрезвить человека, просветить его духовное око, указать ему его действительное, а не им самим вымыш-

ленное, положение. И Манассия, только находясь в тяжком плену, опомнился, осознал свои грехи перед Господом и свое ничтожество и бессилие. Теперь он понял, что он червь, что гордиться ему нечем, потому что перед Господом все равны. Всех Бог создал одинаково, создал из одной персти и в перст всех обратит. И начал Манассия усердно молиться, каяться, день и ночь плакать о своих заблуждениях. Господь услышал его мольбы и простил его. Царь Манассия составил покаянную молитву, которая читается теперь великим постом на повечерии.

В лице этих двух царей, Давида и Манассии, тяжко согрешивших, Святая Церковь представляет образцы искреннего и сердечного глубокого покаяния. Господь Бог — страшный Судия всей земли. Мужчина или женщина, отрок или отроковица, царь или простолюдин, барин или мужик, генерал или солдат, богатый или бедняк — перед Ним все равны. Он смотрит на сердца, смотрит, каково упование человека, какова его вера, каковы его дела. С людей высокостоящих, образованных Господь больше взыщет, чем с простолю-

динов, когда они грешат, пьянствуют или прелюбодействуют. Братья, ах как силен грех! Грехи — это воры, разбойники, которые постоянно обкрадывают нас. Они облекаются обычно в благородные, заманчивые одежды и делают нас бедняками перед Богом и даже врагами Его. Кто из нас без грехов? Кто не горд? Кто не честолюбив? Кто не обижал друг друга? Кто не оболгал ближнего своего?

Поучение, по-видимому, простенькое, не хитро-витиеватое, — такое поучение, которое может составить и произнести без особенного затруднения всякий сельский священник. Я много слышал об отце Иоанне как проповеднике и с нетерпением ожидал его проповеди. Но начало — да простит мне великий пастырь — я слушал с довольно большим холодом в душе и даже разочарованием. Равнодушно, по-видимому, относился к проповеди и народ. Но далее я не знаю, что случилось со мной и с этой доселе безмолвной массой людей. Какое-то особенное настроение, незримо откуда-то сходившее в души слушателей, начало овладевать толпой.

Сначала слышались то там, то здесь лишь легкие вздохи; то у одних, то у других верующих на лицах появлялись слезы. Но чем больше времени проходило, тем чаще слышались вздохи, и тем больше было слез. А отец Иоанн, видя их, о них-то больше всего и напоминал в своем поучении. И я что-то необыкновенное начал ощущать в себе. Откуда-то, из недоведомой глубины души, что-то начало подниматься во мне, охватывая все существо мое. И вот уже стоявшие рядом, как казалось равнодушные, любопытствующие люди, преклоняют колени и проливают слезы. И у меня растеплилось сердце черствое, огрубелое, и по моему лицу скатывается чистая, покаянная слеза, слеза святая, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная. А что творится в это время в храме! Со всех сторон кричат:

— Батюшка, прости, батюшка, помилуй, все мы грешники. Помолись, помолись за нас.

Бушует море. Становится так шумно, что батюшку не слышно.

— Тише, тише, слушайте, — громко кричит отец Иоанн, властно призывая ру-

кой всех к молчанию. На несколько мгновений смолкает этот великий шум, но потом с новой силой раздается опять, начинаясь в одном месте, охватывает всех молящихся. Как сильный гром перекатывается по необъятному небу, так перекатываются по громадному храму народные вопли о молитве, прощении и помиловании. С немалым трудом удалось водворить в храме тишину. Отец Иоанн начинает читать вторую молитву перед покаянием, также с глубоким чувством и выразительностью. Прочитав, он снова «толкует» ее.

— В этой молитве, которую я сейчас произнес, Святая Церковь молит Первопастыря, чтобы Он, Многомилостивый, простил наши неправды, наши грехи, помиловал, избавил нас от вечной муки, простил беззаконные намерения, мысли наши и беззаконные поступки. Святая Церковь молит Иисуса Христа, Сына Божия, взявшего на Себя грехи всего мира и своей Пречистой Кровью омывшего нечистоту душ наших, помиловать нас, как двух евангельских должников, которые сами не могли заплатить большой долг заимодавцам, как блудницу, которая сво-

ими слезами омывала ноги Христа и отирала их своими волосами. Господь Бог видел ее истинное раскаяние, желание загладить свои грехи и, даровав ей прощение, отпустил ее с миром. Точно также и все кающиеся искренно сегодня в грехах своих получат прощение и избавление от вечной муки. Нам дано в жизни много времени одуматься, чтобы мы поскорбели, погоревали, поплакали о душе своей. Но люди ленятся, не хотят заботиться о своей душе, не хотят бороться с грехами, которые, как тати и разбойники, врываются в их души, не хотят воевать с ними, отгонять их. Господь Бог делает все для любящих Его, а те, кто дерзко отталкивают десницу Божию, — не желают себе добра, сами идут на погибель. А без Бога мы и одной секунды существовать не можем: своей жизнью, дыханием, воздухом, которым дышим, светом солнечным, пищей, питьем, — всем обязаны мы Христу. Мы должны Ему без конца, мы Его — неоплатные должники. Мы призываемся быть «народом святым», «людьми обновления», «царским священием». Ведь нам сказано: «Святи будите, якоже свят есмь Аз».

В храме снова поднимается шум.

— Батюшка, батюшка, — кричат отовсюду, — прости, помолись.

И опять нельзя ничего разобрать.

— Тише, тише, слушайте, тише, — успокаивает отец Иоанн. Мало-помалу водворяется тишина, прерываемая только глубокими вздохами да слезами. — Господь Бог, страшный и праведный Судия, — продолжает батюшка. — Он не помиловал падших ангелов, возгордившихся против Самого Бога, но осудил их на вечную муку. Мы, грешники, грешим каждую минуту и своими грехами прогневляем Господа. Отчего же нам такое снисхождение? Бог Отец послал в мир Сына Своего возлюбленного, Который принял на Себя грехи всего мира и пострадал, снял с людей проклятье, тяготевшее над ними с времен грехопадения прародителей. Господь Иисус Христос своими крестными страданиями избавил нас от вечной муки. Это мог сделать только Сын Божий, а не человек. Бог Отец отдал всю власть суда над людьми Иисусу Христу. Господь Иисус Христос дал власть апостолам, а те — архиереям и священникам, в том числе

и мне, грешному иерею Иоанну, — разрешать кающихся, прощать или не прощать грехи их, судя по тому, как люди каются. Если человек искренно кается, с сокрушением сердечным, то священник разрешает его от грехов. Наоборот, если человек кается не искренно, то священник не отпускает ему грехи, чтобы он опомнился. Итак, чтобы получить прощение грехов, необходимо каяться искренно, горячо, сердечно. А у нас, что за покаяние? Все мы только верхушечки, стебельки грехов срываем. Нет, корни, корни грехов нужно вырывать...

Что же такое покаяние? Покаяние есть дар Божий, поданный Богом за заслуги Сына Своего возлюбленного, исполнившего всю правду Божию. Покаяние есть дар, данный для самоосуждения, самообличения, самоукорения. Покаяние есть твердое и неуклонное намерение оставить свою прежнюю греховную жизнь, исправиться, обновиться, возлюбить Господа всей душой, примириться с Богом, со своей совестью. Покаяние есть твердое упование, надежда, что милосердый Господь простит все наши прегрешения. Кто

не кается, тот делается врагом Церкви. Как гнилые сучки или ветки отпадают от дерева, так и грешники нераскаянные отпадают от Главы церкви Христа. Сам Христос есть Лоза виноградная, а мы веточки, питающиеся жизнью, соками этой Лозы. Кто не будет питаться соками этой дивной Лозы, тот непременно погибнет. Раскольники погибают в заблуждении, пашковцы тоже погибают, погибают и толстовцы. Все они грешники нераскаянные. Сами гибнут и других влекут на погибель.

Братья и сестры, каялись ли вы? Желали ли исправить свою жизнь? Осознали ли грехи свои? Ленились вы Богу молиться? Пьянствовали, прелюбодействовали, обманывали, клятвопреступничали, богохульствовали, завидовали, хитрили, злобствовали, злословили, воровали? Да, много, много грехов у нас, братья и сестры, всех их и не перечесть...

Слово кончено. Обращаясь к народу, отец Иоанн властно и громко призывает:

— Кайтесь, кайтесь, в чем согрешили!

Что происходит в эти минуты, невозможно передать. Напряжение достигает самой высокой точки и захватывает всех.

Это уже не тихий и спокойный народ, а море бушующее. Подобно пламени, охватившему внутренность здания, которое сначала вырывается наружу незначительными огненными языками и облаками дыма. А потом со страшной силой устремляется вверх и почти мгновенно охватывает все здание, перелетает на соседние дома. В такие минуты человек — лишь безмолвный свидетель происходящего. Нечто подобное представляет собой и толпа в данный момент. Стоит страшный, невообразимый шум. Кто тихо плачет, кто громко рыдает, а кто стоит в безмолвном оцепенении. Многие вслух перед всеми исповедуют свои грехи, нисколько не стесняясь, что их все слышат:

— Не молимся, ругаемся, сердимся, гневаемся, злимся, — подобное доносится из всех частей храма.

Трогательно было смотреть в это время на отца Иоанна. Он стоит, глубоко растроганный и потрясенный всем. Уста его шепчут молитву, взор обращен к небу. Стоит он молча, скрестив руки на груди, стоит как посредник между небесным Судией и кающимися грешниками, как зем-

ной судия совестей человеческих. По его щекам катятся крупные слезы. Он закрывает лицо руками, на холодный церковный пол капают крупные слезы. О чем же он плачет? Кто может понять его душевное состояние в эти минуты? Отец Иоанн плачет, соединяя свои слезы со слезами верующих, как истинный пастырь стада Христова, скорбит и радуется душой за своих пасомых. А эти овцы заблудшие, грешные, видя слезы на лице своего любимого пастыря и поняв состояние его души в эти минуты, стыдятся еще больше самих себя. Еще громче слышатся рыдания, вопли, стоны, и чистая река слез покаяния течет к престолу Божию, омывая в своих струях загрязненные души.

— Кайтесь, кайтесь, — повторяет отец Иоанн.

Иногда он обращает свой взор в какую-либо часть храма, и верующие чувствуют его на себе. Тотчас здесь громче раздаются голоса, заметно выделяясь в общем хоре и заражая толпу. Потом опять воцаряется один тон, чтобы усилиться снова там, куда обратит свой взор батюшка. Как могуче владел он всей этой массой народа —

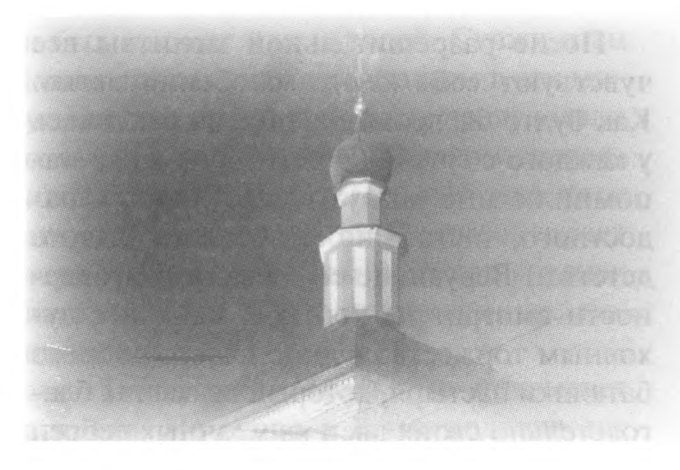
он был как маг или чародей. Скажи отец Иоанн прихожанам идти за ним в эти минуты, и они, не задумываясь, последовали бы за своим пастырем... В таком состоянии кающиеся находятся не менее пяти минут. Наконец, отец Иоанн отирает слезы красным платком, крестится в знак благодарности за слезы покаянные, народные.

— Тише, тише, братья, — призывает батюшка. Не скоро в храме водворяется желательная тишина. Но мало-помалу все смолкает. — Слушайте, — говорит протяжно отец Иоанн. — Мне, как и всем священникам, Бог даровал власть вязать и разрешать грехи человека... Слушайте, прочитаю молитву разрешительную. Наклоните головы свои: я накрою вас епитрахилью, благословлю, и получите от Господа прощение грехов.

Тысячи голов смиренно преклоняются, читается разрешительная молитва. Берет отец Иоанн конец своей епитрахили, проводит им по воздуху на все четыре стороны и благословляет народ. Какая торжественная и таинственная минута! Примиряется небо с землей, грешники с безгрешным.

После разрешительной молитвы все чувствуют себя как-то особенно легко. Как будто бы громадное бремя свалилось у каждого с груди. (Эти минуты живо напомнили мне минуты счастливого, радостного, чистого и беззаботного святого детства.) Верующие со слезами благодарности смотрят на кроткое, сияющее духовным торжеством лицо своего доброго батюшки пастыря, который вывел так благодетельно своих овец из мрачных дебрей греха на светлый путь добродетели, к лучезарному дому Отца Небесного.

Люди, заслуживающие всякого внимания и доверия, нам рассказывали нечто весьма любопытное относительно общей исповеди у отца Иоанна. В то время, когда верующие приносят искреннее и глубокое покаяние в своих грехах, некоторые из богомольцев видят на солее Спасителя, который благословляет и разрешает православных от всех грехов. Об этом недавно сообщалось даже и в печати. Вот каков религиозный подъем духа народа в эти минуты, вот каких размеров достигает его напряжение!»

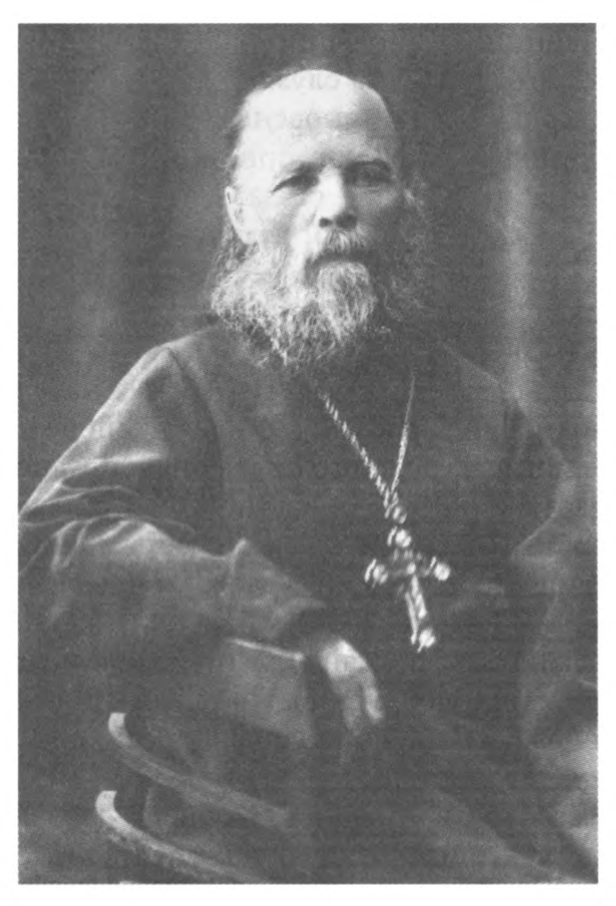
ИСПОВЕДЬ У СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО АЛЕКСИЯ МОСКОВСКОГО (МЕЧЁВА)

К праведному Алексию Московскому (дни памяти: 29 января / 11 февраля (новомуч.), 9/22 июня, 20 августа / 2 сентября (Моск.), 16/29 сентября, перенесение мощей), который служил настоятелем храма святителя Николая в Кленниках, шли на исповедь, за духовным советом и помощью множество людей. Игумен Феодосий, настоятель Оптинского скита, приехав как-то в Москву и увидев, как идут

вереницы исповедников, как истово и долго проходит служба, как подробно совершается поминовение, какие толпы верующих ожидают приема, как долго длится этот прием, сказал отцу Алексию: «Да, на все это дело, которое вы делаете один, у нас в Оптине несколько человек понадобилось бы. Одному это сверх сил. Господь вам помогает».

В это время во многих храмах начала входить в практику общая исповедь, и многие из ложного стыда стали предпочитать ее исповеди частной, считая «неудобным» говорить все о себе в присутствии «постороннего человека» (священника). Батюшка же объяснял, каким должно быть покаяние, и что исповедь непременно должна быть частной, даже лучше, если не по записке.

«Недостаточно, — говорил он, — прочел все грехи по записке и конец — ничего и не получилось. Надо так себя подготовить, чтобы все внутри перегорело: вспомнить грех, подойти к нему со всех сторон, привести на память все мелочи, все подробности его, чтобы грех опротивел, и тогда, подходя к исповеди, будете ка-

Святой праведный Алексий Московский (Мечёв)

яться Самому Богу, и будет все равно — есть ли кто-нибудь около тебя или нет. Глубоко надо почувствовать, что “грешен я, виноват”... Исповедь помогает сильнее осознать свою вину и возненавидеть грех. После такой исповеди мы уже не скоро вернемся к этому греху, а может быть, и совсем его оставим, а то опять за то же».

Кто-то заметил относительно записки: «А если забудешь?» — «Если что болит, того не забудешь. Где мне больно, тут я и покажу»...

Что же касается общей исповеди, батюшка считал ее недоразумением: «Многие думают, что они исповедались, а в действительности — нет». Ссылки же на практику отца Иоанна Кронштадтского считал необоснованными: «То был отец великой духовной силы, и мы с ним себя сравнивать не можем».

Особое значение придавал батюшка исповеди, на которой кающийся сам, не дожидаясь вопросов, раскрывает свои грехи. «Но, — добавлял отец Алексий, — не всякий это может, приходится помогать».

В своем старческом руководстве батюшка всегда возводил руководимых им

к подвигу духовному, то есть наиболее трудному и существенному. Но все трудное начинается с легкого. Внешний подвиг необходим — хотя бы самый малый. Он воспитывает силу воли, без которой невозможен никакой, тем более духовный подвиг. Но необходимо прежде всего взвесить силы и возможности, считал отец Алексий. «Семь раз примерь — один раз отрежь, — говорил батюшка, — а на что уже решился, того надо держаться во что бы то ни стало. Иначе цель не достигается. Например, молитвенное правило пусть будет небольшое, но оно должно выполняться неукоснительно, несмотря на усталость, занятость и другие помехи». Это касалось не только молитвенного правила, но и всякого другого подвига: «Царство Небесное силой берется, и только те, кто проявляет усилие над собой, наследует его, а ты палец о палец не ударяешь».

По учению батюшки, путь человека к Богу, к спасению в том, чтобы *полюбить Господа* всем существом и отдать Ему всего себя. Все мысли, чувства, желания направлять на то, чтобы угодить Господу, чтобы делать на земле то, что Ему было бы

приятно. «А что Спаситель сказал? А что Спаситель велел?» Что первое и самое Ему приятное? Чего Он желает и чему радуется, если мы это исполняем? — Это любовь к ближнему. Что может быть для Него радостнее, чем когда Он видит, что мы лишаем себя чего-нибудь, чтобы отдать ближнему, что мы стесняем себя в чем-нибудь, чтобы дать покой ближнему, что мы сдерживаемся и стараемся направить характер свой на то, *чтобы ближнему было легко с нами жить*? Трудное это дело и скорбен путь, ведущий к Господу, преодолеть его можно только с помощью Божией. Предоставленные самим себе мы погибли бы в самом начале. Поэтому нужно ежеминутно молить Господа о помощи: *помоги Господи, помилуй меня Господи.* Надо просить прощения в грехах, просить силы жить, исправляться и служить Ему, как Он того желает. Благодарить Его за великое терпение и милосердие. И как в жизни и поведении надо забывать свое «я», забывать себя, быть как бы чуждым себе, а жить скорбями и радостями другого человека, с которым нас Господь поставил. Так и в молитве нужно

искать не для себя радостей и утешения, а, забывая себя, отстраняясь от себя, просить силы у Господа исполнять Его повеления на земле, куда Он нас послал, чтобы мы, исполняя Его волю, работали Ему, трудились для Него.

В требовании этого терпеливого, кроткого, снисходительного, внимательного и любовного отношения к людям батюшка не ослабевал никогда. А покаянное сознание поддерживал частой исповедью.

«Я плакала, — пишет одна сестра, — горючими слезами, уткнувшись в кровать, на которой лежал батюшка (последний год-два он принимал, не вставая с постели), о том, что, несмотря на постоянные его требования, нет-нет да скажу когда-нибудь грубое слово маме. Плакала от своего бессилия преодолеть себя. Батюшка нежно гладил меня по голове, жалея мою маму: “А как ей тяжело. Как она тебя любит... У нее все сердце в царапинах...” В его голосе звучало столько жалости, задушевности и нежности к моей маме, что это добавляло мне слез. Дав выплакаться, он поднял мою голову: “Ну, до-

вольно... Буду надеяться, что ты будешь лучше"».

«Правило выполняй первым делом», — наставлял отец Алексий. — «Батюшка, я читаю все, что вы мне благословили». — «Под правилом разумею: следить за собой, гнать мысли и никому не грубить. Таковое правило всегда предлагаю тебе, а ты забываешь».

В основу духовной жизни батюшка полагал внимание, духовное бодрствование над собой. Внимание же по существу состоит в том, чтобы перед всеми и во всем смиряться и возрастать в любви к Богу и к людям, хотя не должно пренебрегать и другими сторонами жизни человека.

Состояние же противоположное, потерю духовного бодрствования, рассеянность, увлечение чувствами и мыслями, каковы бы они ни были, батюшка называл сном.

«Однажды, — признавалась одна прихожанка, — во время всенощной под праздник буря помыслов волновала меня и смущала все существо. Подхожу, как обычно, к Елеопомазанию после Евангелия. Батюшка, внимательно всмотрев-

шись в меня, серьезно заметил: “Спишь никак...”».

Хочешь жить духовной жизнью, следи за собой, будь внимателен. Но это внимание не должно сводиться к праздному наблюдению за своими мыслями, состояниями и переживаниями. Следить за собой, как говорил батюшка, значило не только замечать дурные мысли и пожелания, но и сопротивляться им, прогонять все недолжное. А так как силы наши немощны и ничтожны, то постоянно надо призывать помощь Божию, молиться, а чтобы внутреннее око было зорче и чище, необходимо все время приносить покаяние в неизбежных ошибках.

Из воспоминаний одной верующей: «Перед кротким, смиренным и любящим батюшкой я чувствовала себя как на Страшном Суде, особенно, когда он вслух читал мои письменные исповеди, иногда добавляя: “Зачем же ты это делаешь? Ну, послушай?.. Я краснею за тебя”. Лучше бы, казалось, провалиться сквозь землю, чем слышать его огорченный голос. А тут надо во что бы то ни стало дать обещание,

так больше не грешить. “Нет, ты скажи: ты больше не будешь так поступать? Ты будешь хорошей?” И приходилось обещать и стараться потом сдерживать данное слово, а в следующий раз каяться в новых проступках с еще большими слезами и стыдом. Он болел за каждого из нас, он любил нас, хотел видеть чистыми и угодными Богу».

Когда же кто отвыкал от явных проявлений гнева и нетерпения, батюшка начинал также строго взыскивать за мысли и пожелания, даже за малейшее внутреннее нетерпеливое движение души, и этим постоянно поддерживал покаянное чувство и приводил к собранности.

Каждую нашу душу он видел насквозь. Однажды на собрании своих духовных чад на его квартире он взял стакан чистой воды и спросил: «Видите ли вы что-нибудь в стакане?» — «Нет, ничего не видим, чистая вода». Тогда он бросил в стакан какую-то соринку. «А теперь видите?» — «Видим, маленькая соринка плавает». — «Вот так Господь открыл мне ваши души — всякая соринка, всякий изгиб души мне известны».

Исповедь А.А. Добровольского у святого праведного Алексия Московского (Мечёва)

Александр Александрович Добровольский (1886–1964) родился в Москве, в Замоскворечье, учился в Московском Университете, закончить который ему не удалось. С 1913 года сотрудничал в различных печатных изданиях Москвы и Санкт-Петербурга, с 1914 года жил в Санкт-Петербурге и активно занимался литературной деятельностью, работал секретарем редакции журнала «Новый журнал для всех». В 1916 году он вернулся в Москву и занял пост секретаря издательства «Сполохи». К этому времени Александр Александрович уже был автором двух сборников рассказов.

О первом посещении храма на Маросейке А. Добровольский писал так: «Замечательно, что мое посещение церкви Николы в Кленниках совпало с Февральским переворотом. Точно я инстинктивно стремился здесь, в православном храме, под покровом Божией Матери и святителя Николая, укрыться от тех бед и несчастий, которые несло мне будущее». Так Алек-

сандр Добровольский стал духовным сыном святого праведного Алексия Московского и членом мечевской общины.

«В 1917 году проездом из Оптиной Анна Александровна Исакова (духовная дочь прп. Нектария Оптинского. — *Ред.*) гостила у нас. Она сказала мне: «У вас в Москве тоже есть священник высокой духовной жизни — отец Алексий на Маросейке». Она была вся напитана светом Оптиной, восторженна и возбуждена. Под впечатлением от ее рассказов я пошел в названную мне церковь. Я решил посмотреть на священника, которого знают, на которого указывают из Оптиной. Во мне было разбужено любопытство к новому миру, который уже выступал для меня в эстетическом очаровании общего увлечения русской иконой, церковным пением, иконописной красотой необыкновенных святых. Я поднялся в маленькую церковь, почти пустую (четыре часа, вечерня, неделя Великого поста). Несколько старушек суетились в церкви. Быстрой, бегущей походкой вошел священник. Старушки бросились к нему под благословение, целуя его руки. Я испугался,

что сейчас он увидит меня, обратится ко мне, и поспешил уйти. Я был разочарован. Но эта встреча не прошла бесследно. Я почему-то счел нужным записать (хотя делал это очень редко) такие слова:

«28 февраля. Ходил к вечерне в церковь Николы в Кленниках. Странное впечатление произвел на меня священник. Есть в нем что-то выделяющее его сразу. Недаром куча женщин бросается к нему под благословение — зрелище непривычное для меня в других церквах. Но что-то казалось мне в нем чужое, я это подметил и Анне Александровне, — какая-то торопливость и простота. Неужели никогда не проникну я в русскую святость? *Душе моя, душе моя, восстани, что спиши*».

А в этот день в Петрограде уже совершались великие события.

Прошло два года.

Уже не из любопытства, не за тем, чтобы посмотреть неизвестного священника... Я погибал, я хотел молиться — и не умел, я просил утешения — и не знал, где его найду. Все рушилось, все погибало, я не знал, что же теперь делать, что же теперь нужно.

На Маросейке (я пошел сюда, потому что вспомнил, что здесь служат каждый день) я узнал, что нужно *покаяние*.

«Братья и сестры, теперь нам нужно покаяние. Мы будем молиться каждый день»... Это начиналась Патриаршая неделя покаяния.

Я не пропускал ни одной службы. И помню в один вечер точно шелест прошел среди молящихся: «Батюшка приехал». Мое сердце сжалось. Я был смущен: как я взгляну ему в глаза. То, что я как бы оскорбил его, то, что я пренебрег им, мучило меня. Что, если он увидит меня и укажет мне, что мне не место в этом храме? На другой день уже батюшка служил литургию. Вместе с прихожанами я подходил к кресту и к батюшке. В первый раз. И вот я еще не дошел к нему, и он, смотря на меня ласково, с улыбкой, громко на всю церковь, привлекая внимание всех, произносит: «Вот и он, наш усердный богомолец».

Да, я усердно молился. В эти дни, как никогда прежде, ни потом, не пропускал ни одной службы. Я первый приходил... Но ведь батюшка этого не знал, он только

вчера приехал и видел меня в первый раз. Или его всезнающее сердце уже узнало все, и он видел и мое усердие, и мое смятение, и как евангельский отец, еще издали приветствовал меня и спешил навстречу.

— Веруешь ли ты в Бога? — Первая исповедь у батюшки.

Моя очередь. Шепот: «Идите». Сердце останавливается на мгновение, перехватывает дыхание, как в детстве, когда бросаешься в воду, зажмурившись и перекрестясь.

— Веруешь ли ты в Бога?

Я ему нес все свои десять лет на стране далече: эти руки, уставшие от праздности, это сердце, замкнувшееся в себялюбии, сердце ожесточенное и больное.

— Верую, — смог я сказать.

Это была самая необыкновенная исповедь. Точно одного меня он всегда ждал, точно мне он все хотел пересказать. Батюшка говорил мне о себе, своей жизни, своих испытаниях, своем священнослужении, горестях и трудностях избранного пути, о благословении [отца] Иоанна Кронштадтского, о своем упорстве к доб-

ру, любви к народу и служении ему. Он говорил мне о любви. «Ты болен. Ты замкнулся в себе. Смотри, какое у тебя сердце! Оно не живет, оно никого не греет. Ходи же в церковь. Не забывай ходить в церковь. Только здесь, в церкви, в атмосфере любви твое сердце согреется и отойдет». Я ушел от него в слезах. Батюшка был серебренник, в моих слезах он переплавил мое сердце.

Жар новоначального — он сгорает как пламенный столп, который пройдет перед всей твоей жизнью, и он осветит далеко, — но нужно ежедневное усилие, напряжение всех своих сил, нужен постоянный подвиг. Скучно — принудь себя, досадуешь — потерпи, осуждаешь — воздержись, пренебрегаешь — пересиль себя. Пришло уныние, пришла скука. Батюшка звал меня — я не приходил к нему. Батюшка поручал — я не исполнял. Батюшка привлекал — я уклонялся. А батюшка, никогда не изменявшийся, не упрекнувший, всегда внимательный, ласковый, любящий, не отпускающий, терпеливо следящий, вовремя спешащий на помощь, удерживающий, руководящий... Помню, летом

батюшка уезжал, я его долго не видел. Это было время народных академий, лекций в храмах. Меня затянули к Богоявлению (Православная народная академия богословских наук, открывшаяся в те годы в Москве. — *Ред.*)... Своим умом решил, что это и интересно, и полезно, и удобно. В это время приехал батюшка. На исповеди говорю ему про свое увлечение, лекции, курсы. Он все выслушал ласково, точно одобряя: «Хорошо, это хорошо...» Потом вдруг обнял меня крепко-крепко, прижал к себе, как бы защищая и не отпуская: «Вот что, оставайся ты лучше с нами».

Это было удивительно. Ведь казалось бы — вот он. Он не знает ничего из моей жизни, никаких подробностей моей семейной жизни, моего происхождения, образования, привычек. Точно, отбросив всего внешнего человека, он приближал к себе самого человека, его любил, его ценил, им интересовался, о его пользе болел. Тысячи людей проходили мимо него. Как можно различить в этой массе одного, запомнить, и мало того, что запомнить, — следить, вести, знать о нем все, вовремя

поспешить и помочь. Помню, когда после поездки на фронт и в Сибирь я, наконец, вернулся в Москву. Я приехал в субботу. В воскресенье пошел на Маросейку. Прошел почти год. Я не сомневался, конечно, что батюшка меня забыл. За это время там много переменилось. В храме я увидел новых людей. И потом это была не прежняя Маросейка. Храм был переполнен. Бесконечная толпа подходила под благословение к батюшке. Он едва смотрел, казалось, ничего не замечал. Я мучился: напомнить ли о себе или пройти молча. Подхожу. Лицо батюшки осветилось улыбкой:

— Худой-то какой! Что они там с тобой сделали, что они там с тобой сделали? — Разве мог батюшка кого-нибудь забыть?

Удивительно. Откуда являлось это чувство, это убеждение, что батюшка тебя любит больше всех. «Батюшка меня любит больше всех». Как это ни было нелепо, просто невозможно — такая уверенность жила. Но ведь другие, настоящие его духовные дети, преданные ему, послушные ему, полезные ему и храму. Они давно

пришли к нему, отдали ему всех себя, — и разве недостойны они, чтобы батюшка любил их больше тебя — случайного, бесполезного, ненужного храму, раба ленивого и лукавого. И все-таки он любит меня больше всех! Может быть, это просто от того, что каждому батюшка давал какой-то максимум любви. У него не было, как у Отца Небесного, первого и одиннадцатого часа. Ты пришел ко мне, — и вот вся та любовь, которую ты можешь от меня иметь, я ее даю тебе. Весь тот максимум любви, который я вообще мог бы иметь, батюшка мне его дал, и поэтому для меня он любил меня больше всех.

И эта любовь давала ему возможность проникать во всякое душевное состояние, знать его, угадывать его, предупреждать его, делала его прозорливым.

Помню, один раз я был в отчаянном, угнетенном состоянии. Нужно было исполнить одну ответственную работу в очень короткий срок, с такими средствами, которые не давали никакой возможности ее выполнить. Время проходило. Я чувствовал, что мне не на кого надеяться, что мне никто-никто не придет

и не поможет, что я никому не нужен со всеми своими огорчениями и затруднениями. Пойти в церковь помолиться? — Но каждая минута дорога, а пойти в церковь — это потерять весь вечер. И я пошел. Служил не батюшка, но я надеялся, что он будет вести беседу, что я его увижу, и он благословит меня.

И вот служба кончена. Батюшки нет. Чего-то жду. Но все кончилось, сейчас все разойдутся. И вдруг — батюшка. Он спешит. С книгами. Задыхается. Он начинает беседу. Он говорит об апостоле Фоме. О его маловерии. Он говорит о необходимости веры, сильной веры. Что это не может быть, что как бы ни было трудно, страшно, — Господь здесь. Господь не оставит. Только прибегни к Нему, только воскликни с Фомой: «Господь мой и Бог мой!» Я подхожу к батюшке уже побежденный его словами, его верой, его горячностью. И вдруг он удерживает меня, обнимает, целует, начинает передавать мне свое волнение: как был расстроен посетителями, как думал, что не сможет вести беседу, — так потрясло его человеческое горе. И это все мне, точно самому близ-

кому во всей этой толпе человеку, точно забыв обо всех, точно меня одного считал достойным разделить тяжелый свой груз, меня, который только что считал себя одиноким, самым брошенным и забытым. И вот покрыть такой любовью, согреть такой верой: «Вспомни о Фоме, воззови с ним «Господь мой и Бог мой!» Я ушел от батюшки точно исцеленный. Никогда в жизни я не был так спокоен. Спокойно уже, в надежде на Бога смотрел я на свое затруднение. И Господь чудесно все устроил.

Это знание батюшкой скрытого состояния человека я испытал не раз. Помню однажды, прихожу под благословение. Он смотрит на меня тревожно: «Да ты больной!» Я удивляюсь. Кажется, у меня ничего не болит, я чувствую себя здоровым. — «Больной, совсем больной! Иди домой, скорей ложись!» И действительно, пришел домой, — вечером пришлось лечь, я заболел. Батюшка увидел болезнь, которую я еще не чувствовал.

Перед тем как я тяжело заболел в 1921 году, когда в последний раз был в церкви, батюшка, благословляя, сказал: «Ну, Алек-

сандр, будь сильным». Я отошел, не понимая, к чему он это говорит, — а батюшка предупреждал меня о готовящемся мне испытании.

И еще о болезни. Как-то весной, уже в 1922 году, стою в первой арке у входа. Служба кончилась. Вдруг передо мной батюшка. «Ну, как живешь?» — «Да вот, батюшка, опять болею». Он стал строгим: «Вот что, брось ты это! Давай твою болезнь. Это мне нужно болеть».

Я сейчас думаю: в практике старческой исповеди был такой прием. Старец брал руку кающегося и клал себе на шею, этим перенося на себя бремя грехов своего духовного сына. Может быть, обнимая нас во время исповеди, прижимая к себе, — скрытно делал то же, что восточные старцы-духовники, перекладывая на себя, на свою грудь наши бесчисленные грехи и болезни. Как тяжел был этот груз, как трудно было это бремя — думали ли об этом когда-нибудь мы, заботящиеся только о себе, спешащие скорее переложить на него все наши печали и несчастья? И как он был терпелив, спокоен, ровен! Только один раз я видел батюшку

необычайным. Великий пост, Страстная пятница. Сотни людей уже прошли перед ним, и сотни ждали в длинной очереди. — «Идите». Как всегда перехватило дыхание, и я очнулся у аналоя. Батюшки не было рядом — он не сидел, он стоял, прижавшись всем телом, спиной, руками к стене, точно его заливало море, точно тысячи брызг летели снизу и смывали его, а он изо всех сил старался удержаться. Его лицо было бледно и искажено, волосы отнесены как бы ветром, глаза закрыты. Он задыхался. Он не видел меня. Откуда-то издали прозвучало его: «Веруешь ли в Бога?» — «Верую». И сейчас же он бросился ко мне со своей лаской и любовью. Батюшка, батюшка! Как тяжело ему было, как тяжело ему было!

Батюшка поразительно знал душу человека. Недаром он мне рассказал такой случай. На пляже в Крыму батюшка разговорился с одним профессором. После беседы тот спрашивает: «Вы ведь врач?» — «Нет». — «Но кто же тогда вы? Только врач может так знать психику человека». — «Я священник».

Это знание давало батюшке возможность часто ограничиваться каким-нибудь замечанием, где другой бы говорил несколько часов. Помню, я его спрашивал о монастыре. Батюшка не отговаривал меня. Он видел: я увлечен, разгорячен. Слушал мои вопросы и улыбался. «А ты знаешь, как в монастыре к иконам прикладываются? Боже сохрани, если ты подойдешь перед кем-нибудь раньше тебя поступившим в монастырь». Для меня это маленькое замечание тогда оказалось убедительнее, может быть, самых пространных уговоров.

Иногда батюшка перебивал, точно не понимая, точно удивляясь: «Да что ты? Это с тобой от жары. Смотри, жара-то стоит какая!» — мудро указывая, чтобы я сам даже не задерживался вниманием на том, о чем я начал говорить.

У него было уменье какими-то простыми словами, какими-то приемами русского доброго простеца успокоить самую страшную тревогу.

— Батюшка, как же мы переживем эту зиму?..

— Слушай, вот что я тебе скажу: ехал я сегодня мимо Смоленского рынка. Сколько там всего — муки, мяса, сахара!.. Ну, так и нам с тобой хватит.

У него был необыкновенный свой громадный опыт, и он делился им, спеша к каждому с тем, что ему нужно. Часто не успеешь сказать, только начнешь: «Батюшка...», — а он уже прерывает: «Какой у меня случай был. Недавно приходит ко мне одна женщина...». И он рассказывает, рассказывает то, что потрясает меня, что является обличением моего греха, что заставляет меня возненавидеть грех, отвернуться от него.

Иногда ему и ничего не нужно было говорить. Он сам знал и сам спешил успокоить твое смущение. Одно время меня мучило: чей же я духовный сын? Если я слушаю беседы только отца Сергия, только у него учусь, — не нужно ли прямо сказать батюшке: «Благословите меня перейти от вас к отцу Сергию!» Но спросить об этом казалось почему-то невозможным, обижающим батюшку. До самой последней минуты я так и не решил, скажу или не скажу. И вот во время исповеди ба-

тюшка обнимает меня и ласкает: «Вот какой у меня духовный сын! Мой духовный сын! Мой духовный сын!» Он объясняет мне, почему поручил заниматься с нами отцу Сергию. «Пусть так и будет, а уж я буду наблюдать и молиться за вас».

Батюшка был необыкновенно скромен. Как-то говорю ему: «Батюшка, вот горе у меня — время очень занято, не могу посещать ваши беседы». — «А зачем тебе мои беседы? Ну, что я могу на них сказать? А вот ученые у меня есть, их беседы посещай непременно!»

Спросит: «Ходишь ли ты на беседы к отцу Сергию?» — «Хожу». — «Непременно ходи».

Один раз останавливает: «Я слышал, как ты отцу Сергию на беседе отвечал», — и смотрит такой довольный.

И так издали, из-за других, почти незаметно, он вел тебя единственным путем, учил своей великой науке. И как радовался, когда в какой-нибудь мелочи, в какой-нибудь черточке проскальзывало, что наука эта усвояется.

Один год я как-то особенно усиленно посещал разные московские храмы. Это

было трудно, своего рода подвиг. Истощенный, голодный, после службы идешь вечером по страшной темной Москве пешком, без трамваев, куда-нибудь в Хамовники, в Кудрино, в Рогожскую — к всенощной. Я считал это большой заслугой и как-то сказал об это батюшке, думая, что он похвалит. Он только удивился. «А ты чего ходишь-то, чего ищешь?» Я так смутился, что не знал, что ответить. «Тебе что у нас не нравится, чего не хватает?» Наконец, решился сказать: «Пения». — «Ну вот, ты много ходишь по разным храмам, где же по-твоему поют лучше?» Я задумался. И вот все концертное пение показалось таким ненужным, фальшивым, несоответствующим великому таинству богослужения, и я мог назвать только один храм — Марфо-Марьинский. Батюшка так обрадовался, точно я выдержал какой-то экзамен: «Ах, Марфо-Марьинский, да, да, говорят, там хорошо поют, вот мне и Преосвященный Тихон все говорит, что хорошо, а мне все некогда, все хочу туда поехать. Ну вот и хорошо, хорошо».

Иногда он точно приоткрывал такой тайничок, точно впускал в свое сокровенное. Сам начинал учить. Один раз он рассказал мне о прилоге и о помысле. «Помни о прилоге, это тебе полезно знать и помнить». Один раз, когда я говорил о монастыре, приласкал меня и сказал: «А как, ты не пробовал Иисусову молитву. Ты бы и начинал к ней понемногу привыкать».

Уже изнемогающего, задыхающегося в последнюю зиму, его проводили по церкви, только прикоснешься губами к рукаву его шубы. Он смотрит своими ласковыми глазами, а губы шепчут: "Отче Александре"».

Последняя исповедь

«"...Не люблю, осуждаю, гневаюсь, завидую"...

Он смотрит. Его глаза залиты слезами, он шепчет: «И это Александр, который был всегда такой любящий, такой терпеливый, такой кроткий, такой добрый!»

Батюшка, но когда же вы видели меня любящим, терпеливым, добрым? Или он плакал о том образе, о том первом Алек-

сандре, которого я помутил своими грехами?

Я уходил. Он удержал меня:

— Почему ты не придешь ко мне?

Молчу. Ведь как объяснишь, что скажешь?

— Ты приходи. Придешь?

Молча отвечаю: «Приду». Но он обеспокоился:

— Нет, ты пообещай, что придешь ко мне.

Обещаю, батюшка радуется. Радостный благословляет, отпускает меня. «Ты приходи ко мне», — это его последние ко мне слова. Может быть, уже прозревая свою смерть, он, зная мою неустойчивость, хотел обещанием связать меня, чтобы я не отходил от него, не забывал его, чтобы я приходил к его могилке».

ИСПОВЕДЬ У ПРОТОИЕРЕЯ БОРИСА НИКОЛАЕВСКОГО

Служение в Парголовском храме протоиерея Бориса Николаевского (1884–1954) началось за месяц до октябрьской революции — Митрополит Петроградский Вениамин назначил отца Бориса настоятелем храма во имя святителя Иоасафа Белгородского в поселке Парголово (Михайловка) Петроградского уезда.

В этом храме отец Борис начал проводить духовные беседы, которые привлекали множество верующих. В храме он прослужил шестнадцать лет, а в 1933 году начались годы исповедничества: арест,

ссылка в Алма-Ату, работа учителем в Новгороде, а все военное время — работа на уральском заводе. После войны, в 1946 году, к отцу Борису на Урал приехала дочь, и они вместе вернулись в Ленинград. В общей сложности отец Борис пробыл в ссылке тринадцать лет.

В Ленинграде до получения разрешения служить, отец Борис ходил в Преображенский собор как простой мирянин, а затем, получив разрешение, стал служить в Свято-Троицком храме в Лесном.

В этом храме отец Борис и прослужил до конца своей жизни, отдавая всего себя священническому служению и поддерживая в сердцах людей веру в трудное послевоенное время.

Вот как вспоминает о службах отца Бориса схимонахиня Евстафия, насельница Пюхтицкого монастыря:

«Проникновенное служение, причем слезное, проповеди, воскресные духовные беседы, исповедь, вызывающая глубокое покаяние, — все это меня захватило. Бывает, человек одарен каким-то

одним талантом. Господь так щедро одарил батюшку столькими талантами! И дар молитвы, и дар слез, и дар слова, и дар вызывать покаяние. Все это он имел и нам давал, что ценно. С ним мы молились, с ним мы плакали, с ним мы каялись. Так, как было с ним, уже после него такого не было.

Он не читал, перечисляя по книжке заповеди. Каждый раз у него исповедь строилась по-разному, по-новому. Он раскрывал жизнь последовательно заповедям. На исповеди шла жизнь на кухне, в трамвае, на встречах, во взаимоотношениях людей. Здесь батюшка судья, судья грозный... Помню: лежишь ниц на полу, сознавая себя в аду... С таким страхом потом идешь на отпуст — и встретишь любовь и всепрощение... Расходятся грешники — *и пол весь мокрый от слез...»*

«Минуло пятьдесят три года с тех пор, как я пришла к отцу Борису, но все так ясно в памяти до мельчайших подробностей, — вспоминала Ариадна Александровна Ладыгина. — Была я прихожанкой Никольского собора. Батюшки хорошо меня зна-

ли, были приветливы, внимательны, один из них даже предложил быть его духовной дочерью. Но я по молодости лет подумала, что надо найти за городом старенького священника, покаяться ему во всех плохих поступках, тогда не стыдно будет и к знакомым батюшкам на исповедь ходить.

И вот подошла к нам с подругой в храме пожилая женщина (духовная дочь отца Бориса) и сказала: «Девочки, поезжайте в Лесной, там служит очень хороший батюшка, отец Борис». Я подумала, что съезжу разок, а потом вернусь к батюшкам в Никольский собор.

Приехали мы с подругой летним днем в Лесной, входим — храм почти пустой, две-три старушки по углам. Батюшка вышел кадить, роста небольшого, седой, в очках, головка набок (в войну 1914 года он служил священником на фронте и был ранен в шею). Посмотрел он на нас внимательно сквозь очки. Во время часов пошли мы на исповедь, кажется, больше никого и не было. Думая, что я больше батюшку никогда не увижу, рассказала ему все грехи искренне. Когда я закончила, он сказал: «Будьте моей духовной дочерью».

И я почувствовала, что никуда из этого храма не уйду.

В следующий раз батюшка дал совет записывать в тетрадку в конце дня все, в чем плохо поступила, и когда тетрадка будет заполнена, принести ему на прочтение. Я стала неукоснительно это выполнять. Батюшка после прочтения тетрадки возвращал ее с записями и указаниями. Он говорил, что это мне поможет следить за собой.

Каждое батюшкино слово было для меня законом.

В праздничные и воскресные дни собиралось много его духовных детей, и батюшке приходилось устраивать общие исповеди. Таких исповедей я больше никогда и нигде не слышала, хотя и бывала после его смерти в монастырях. Каялись не только мы, его дети, каялся и батюшка вместе с нами. Его голос, его слова пронизывали сердце, равнодушных не было. Сила его покаянной молитвы передавалась нам».

Своих духовных чад отец Борис всегда просил читать Иисусову молитву. Часто повторял: «Молитесь и спасайтесь — за

вас молиться будет некому». Учил утром вставать и говорить: «Господи! Да будет сей день — днем милосердия Твоего».

Еще батюшка говорил:

«Когда человек поднимается по духовной лестнице, он замечает каждый мельчайший грех, как пятнышко на белоснежной скатерти».

«Какое самое короткое покаяние?.. Согрешил — не буду».

«Маленькие грехи даже страшнее, чем большие, так как о больших мы помним и каемся всю жизнь, а маленькие забываем, а они накапливаются и тяжелым грузом ложатся на душу человека. Нераскаянные мелкие грехи тяжелее одного большого и губят человека».

У нас на кладбище похоронена Зоя Михайловна Клементьева — педагог, ленинградка. Она рассказывала: «Зашла случайно в раскрытые двери храма (в пристройку), в это время батюшка вел исповедь. Встала, как вкопанная, не могла сдвинуться с места, и вышла из храма верующей».

Анастасия Михайловна Бодылева в своих воспоминаниях пишет, что неза-

долго до кончины, 15 августа 1954 года, отец Борис провел прощальную беседу. Он сказал: «Твердо надейтесь на прощение и горько, горько плачьте». А еще просил так молиться: «Когда священник произносит слова “Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое...”, что хотите просите, тут Сам Господь, Он все слышит, и кайтесь в эти минуты, грехи свои говорите, не пропустите эти минуты». А когда будут петь «Тебе поем, Тебе благодарим...», помяните меня — живого или мертвого. И еще говорил: «Обо мне с чужими, не знающими меня, не говорите ни плохого, ни хорошего».

Исповедь, составленная протоиереем Борисом Николаевским

Я не верю ничему религиозному. Я не верю в бессмертие.

Как ни страшно сказать это, но это — так и есть. Если бы я был твердо убежден и несомненно верил, что за гробом есть жизнь вечная — с возмездием за дела земные, то я непрестанно размышлял бы об этом. Сама мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я проводил бы земную жизнь, как странник — путешественник,

которому нужно скоро вернуться в свое отечество.

А я и не думаю о вечности, и о конце жизни своей не думаю... Такая мысль гнездится во мне: «Кто знает, что будет за гробом?» Если говорю, что верю в жизнь загробную, то только по разуму, а сердце мое далеко от этого...

Ясно это из поступков моих: я постоянно забочусь об устройстве земной жизни: заботы о квартире, одежде, запасах пищи, денег, о хорошо оплачиваемой работе, о комфорте жизни — открыто свидетельствуют, что всё сказанное — правда, — пусть страшная, безрадостная правда, но все же правда!

Господи, пощади меня!

Я не верю в Евангелие.

Ты, Господи мой, заповедал: ***покайтесь и веруйте в Евангелие*** (Мк. 1, 15).

Я же... не умею уверовать... Когда бы Евангелие, как Слово Божие, было принято в мое сердце — я бы беспрестанно занимался Им, изучал бы Его, наслаждался бы Им, с глубочайшим благоговением и смотрел бы на Него.

Премудрость, благость и Любовь Божия, в Нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я наслаждался бы поучением в Нем день и ночь. Питался бы Им, как ежедневной пищей и всем сердцем стремился бы к исполнению Его правил. И ничто земное не в силах бы было отклонить меня от Него.

А я?.. Книга Евангелие у меня есть, и не одна, но я не читаю ее...

Прочитаю газету, книгу, чаще всего совершенно мне не нужную, а иногда и вредную, возбуждающую страсти мои.

А Евангелие все лежит на столе, ожидая какого-то «удобного» времени... А будет ли это время?

...Голова седая, силы уходят, смерть за мной ходит, а я все чего-то жду...

Господи! Избави меня от этого неразумия, нерадения, забвения и окамененного нечувствия!..

Ты, Господи, заповедал веру живую, являемую и в мыслях и в делах моих (см.: Мк. 11, 22–26). Нет у меня такой веры, Господи! Читаю, говорю о вере, а сам я так далек от такой веры... И как мне хочется иметь эту веру!.. Господи! Дай мне ее. Ни-

где, кроме, как у Тебя, я получить ее не могу!.. *Верую, Господи! помоги моему неверию!* (Мк. 9, 24).

Я не люблю Бога.

Это страшно, но это так и есть.

Пощади меня, Господи!

Если бы я любил Бога, то непрестанно размышлял бы о Нём с радостью, сердечным удовольствием, каждая мысль о Господе доставляла бы мне отрадное наслаждение (ведь с какой радостью мы думаем о любимом человеке).

Напротив, я гораздо чаще и гораздо охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет для меня труд и сухость... И я скорее стараюсь оставить такие мысли и перехожу на другое...

Если бы я любил Господа, то с какой радостью я стремился бы беседовать с Ним. (Как я рад всегда увидеться и поговорить с любимым человеком!..)

Беседа с Господом — это молитва.

Причем Господь совершенно определенно и ясно заповедал нам усердную, все учащаемую молитву.

Просите, и дано будет вам... (Мф. 7, 7).

Молиться и не унывать (Лк. 18, 1).

А я должен заставлять себя молиться, насиловать себя, ибо душа и сердце с радостью молиться не умеют, не хотят молиться.

И дремота нападает, спать хочется. Все тело болеть начинает, везде ломит, и все болит. А лень подсказывает: «оставь сегодня, в другой раз, сегодня устал, отдохни, полежи». Только стоит на самом деле оставить молитву — тотчас и сон и болезни исчезают, и я могу и час, и два просидеть и проболтать о каких-либо пустяках, или пролежать с книгой пустой и ничтожной и час, и два, и больше.

Если так прервать разговор с человеком, это считается непристойностью, грубым неприличным оскорблением собеседника, а если этот человек выше меня в общественном положении или старше по возрасту, то считается дерзостью дикой. Если мы прерываем беседу с Господом — молитву, то какое страшное оскорбление Великому Отцу Небесному, Творцу, Промыслителю и Судии! Как горько тоскует Ангел Хранитель и как радуется лукавый враг наш, видя такую дерзость нашу!

И мы — все ещё живы, ещё Господь терпит и жалеет нас, хотя за дерзость такую сразу уничтожить бы надо!.. Если я кого люблю, то беспрестанно думаю о нем. При всех занятиях любимый друг не выходит из головы моей, воображаю его, мечтаю о встрече с ним. А в продолжение дня едва ли час один выделяю для мысли о Боге, чтобы погрузиться в размышление о Нем, воспламенить себя любовью к Нему. Я двадцать три часа в сутки усердно служу своим идолам... О чем угодно размышляю, только не о Боге, не о душе, не о спасении своем.

Мало того, такое размышление, такую заботу, считаю чем-то несущественным, маловажным, побочным занятием моим, которым я должен заниматься разве только «на досуге», когда со священником встречусь, или на беседе в воскресенье.

А дни, недели, годы летят, листки с календаря жизни моей отрываются быстро-быстро...

А там — суд и...

...Иди от Меня, проклятый...

...Кто любит Мя, тот соблюдет слово Мое... (Ин. 14, 23).

...Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих (Ин. 14, 24). *...Кто не пребудет во Мне, извергнется вон* (Ин. 15, 6).

...Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей (Ин. 15, 10).

Как страшно слышать все это мне, тяжкому грешнику! Выходит — я никогда не любил и сейчас не люблю своего Господа и Спасителя! Я не только не соблюдаю заповеди Господа, а даже мало и стараюсь о том, и не знаю заповедей Евангелия, и не стараюсь узнать...

По истине и честно я должен сказать, что не люблю Тебя, Господи! Что может быть ужаснее и горестнее моего положения!

Господи, пощади меня! Пожалей меня!

Не уничтожь меня сейчас!

Дай мне время покаяться и принести плоды покаяния!

А так величественна и беспримерна Любовь Твоя, Господи, ко мне, несчастному грешнику!..

Для меня Ты на землю сходил! Для меня Ты страдал на Кресте! Для меня Ты Кровь Свою проливал!..

И сейчас Ты, Господи, питаешь меня Своей Пречистой Кровью и Пресвятым Телом Твоим — этой Страшной Дивной Пищей Ты очищаешь меня, освящаешь, радуешь...

Я часто отвергаю Тебя, горько оскорбляю Тебя, часто бегу от Тебя, а Ты ищешь меня, зовешь, обещаешь радость и прощение!

Я часто отвергаю любовь Твою, — а Ты не перестаешь любить...

Я склоняюсь к сатанинским внушениям, с усердием бегу к делам злобы, — а Ты все ждешь и зовешь!

Зовешь меня всегда, везде и всюду —

И в предрассветном сиянии зари, и в тихом мерцаньи звезд полунощных,

Зовет к Тебе и яркий румянец утра, и тихий отблеск заката.

И в грохоте бури, и в тихом шелесте листьев, и в нежном шёпоте предутреннего ветерка.

И в ясной улыбке младенца, и в дивной красоте человека — везде слышен чуткому уху христианина призывный голос Божества!..

Господи мой! Великий и Дивный в Любви Твоей!

Поистине дивна любовь Твоя, которая все ещё не устает звать и ждать!..

И велика радость бывает на небесах, когда один только услышит, поймет и... заплачет с горькой тоской о грехах своих.

Господи!.. Пусть это буду я!..

Нет надежды на Тебя, Господи!

Придет горе-испытание, я ищу среди людей и думаю: вот тот мне поможет, этот мне устроит, а к Тебе, Господи, обратиться в голову не приходит...

Между тем, Ты хранишь меня с детства лучше матери родной. Сколько благодеяний Твоих надо мной было!.. А я и не благодарил Тебя и даже не думал об этом.

В деле спасения надеюсь на себя, на свои силы, когда каюсь, говорю: «больше не буду», и снова то же делаю...

И все потому, что я неразумен и просто глуп, не трудился над выполнением заповедей Евангелия и потому не имею опытного познания своего бессилия, не имею смирения...

Нет у меня страха Божия (начала премудрости).

Сколько раз в разговорах пустых и ничтожных я Имя Твое, Господи, упоминал без благоговения, без страха и трепета!

Прости меня, Господи!

Я — ещё хуже, — когда божился я и лгал, — знал, что лгал, но божился, желая уверять людей в своей правоте

Окаянный я человек!

Я не имею любви к ближнему.

Я из людей люблю только своих родных, и только тех, кто меня любит, а других людей любить — и думы не было. И даже странным мне такое дело представляется... И это так и есть на самом деле.

Ведь если бы я людей любил, как самого себя, то несчастье их поражало бы меня, а благополучие их меня восхищало... А на деле — я с большим любопытством выслушиваю несчастные повести о близких, не сокрушаюсь, а остаюсь равнодушным, или, что ещё преступнее — доволен бываю этим.

Недобрые поступки ближних я не умею покрывать любовью, а с осуждением их разглашаю.

Благосостояние, честь и счастье ближнего меня не восхищают, как собственное, не производят радостного чувства, а наоборот — или я остаюсь равнодушным, как ко всему чужому, или даже чувствую зависть и как бы презрение к ним.

Никому и ничему я не верю, всех подозреваю, все кажется, что окружающие какую-то гадость мне готовят...

Какая тут любовь!..

Врагов любить заповедано мне. За них молиться, хорошо отзываться, благотворить им. А я готов им мстить, злорадствую, когда им худо бывает. «Так им и надо», — говорю, и так думаю...

Пощади меня, Господи!

Человек всякий — образ Божий, а я унижал в нем образ Господень, заставлял людей служить моим прихотям и страстям, — стремился использовать их для себя и даже злился на них, когда они уклонялись от того...

Грешен, тяжко грешен я!

Сердился на окружающих, что они мало ценят меня, не понимают, какой я великий человек. Казалось иногда, что весь мир для меня существует и все слу-

жить мне должны. Стыдно и вспомнить теперь об этом... Судить людей — это мое постоянное занятие: и тот худой, и тот скверный — лучше меня никого нет...

Не боялся я суда Твоего, Господи!

И благодать Твоя отступала от меня...

Безрассудно нарушал я заповедь Твою!

Есть ли прощение мне окаянному!..

Спорил с людьми, все хотел на своем поставить, упрямо не принимал никаких доводов.

Прости, Господи, дикую глупость и дерзость мою!

А сколько людей я на грех соблазнил! Господи мой Милостивый, и словом, и делом, и жизнью своей я подал пример скверный, особенно малым детям!.. Знаю, как велик и страшен грех этот, знаю, какое страшное последствие он за собой несет... Страшно и вспомнить теперь. Ужас леденит сердце мое!..

А что сделаю?..

Решаюсь — опять прийти к Тебе, Господи! Ради Христа, ради Крестных заслуг Господа Иисуса Христа — прости меня!..

Ты, Господи, заповедал мне и всем: *Вы — свет мира* (Мф. 5, 14).

Вы должны жить так, чтобы показать людям, как жить надо, как поступать надо во всяком деле... Должны распространять кругом ласку, доброе слово, любовь христианскую, чтобы люди, видя жизнь христианскую и благочестивую, прославляли Тебя, Творца и Вседержителя, даровавшего такие прекрасные заповеди.

А я жил... стыдно сказать, хуже неверных. Никто из них не сделал миру столько зла, как я, несчастный... И говорили они: «Вот они — в церковь ходят, в церкви служат — а что делают?» — И хулилось Имя Твое! Милостивый Господи! Есть ли мне прощение!..

А главное — часто мне Ангел Хранитель подсказывал и совесть говорила: оставь, не делай, не надо, нехорошо, грех, это грешно. А я презрел их предостережения и сознательно всякий грех делал. Тяжкий я грешник, Господи!

Я преисполнен гордости и чувственного себялюбия.

Все мои поступки это подтверждают: видя в себе доброе — желаю его поставить на вид всем и превозношусь перед дру-

гими, или любуюсь собой. Хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам, и считаю себя лучшим всех, по крайней мере не худшим...

Замечу в себе недоброе, порок, стараюсь придумать и подыскать извинение ему, покрыть его личиной необходимости или невинностью. Стараюсь оправдать себя в сердце своем. Если и стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целью — или похвалу, или своекорыстие духовное, или светское утешение.

Словом: я непрестанно творю из себя собственного кумира — и служу ему непрерывно, со всем усердием, ища во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотений...

О себе самом, о спасении душевном — как мало я думал и заботился!..

Чтобы Господу угодить, чтобы всю жизнь мою, и тело, и душу Тебе целиком отдать — и мысли у меня не было.

Несчастный грешник я!..

Ты, Господи, заповедал хранить ум чистым, как око, и тогда вся жизнь наша чиста будет (см.: Мф. 6, 22–23).

А я даже не знаю о такой заповеди, а если и слышал, то пропускал мимо ушей, как что-то, не стоящее внимания. Мысли — одна другой сквернее, мысли греховные, суетные, как река полноводная текут в голове моей, и это всегда, и я часто даже услаждаюсь ими.

Прости меня Господи!

А мечтания какие! Об успехах в мире, о славе, об обеспеченности — глупые и дикие мечтания наполняют мою голову, и нет того (как завещают святые подвижники), чтобы *бросить в среду их Имя Твое — молитву Именем Твоим, чтобы разогнать их.*

А ведь я знаю это, часто читаю, но сам не делаю. Другим говорю, других учу, читаю им слова святых отцов... Словом: *Возлагаю на них бремена тяжелые, а сам и пальцем не хочу двинуть.* И в результате: ум — нечистый, и жизнь темна...

Что может быть горестнее такого состояния!..

Живу я так, точно мне и умирать не придется, о смерти, загробной участи моей — ни заботы, ни думы нет...

Сам я не читал и не искал книг Божественных, и речи о том скучны мне каза-

лись, я их мимо ушей пропускал, точно это меня совсем не касается.

И сколько лет в таком нерадении прожито!..

Люблю похвалы от людей.

Радуюсь им, так они приятны мне...

Бежать от них — я никогда и не думал. Сам собой услаждаюсь, хвалю себя, придумываю такие добродетели, которых у меня никогда не было... Знаю, что такое честолюбие и тщеславие губит то немногое, что, быть может, во мне иногда бывает...

И, следовательно, одной рукой я созидаю, а другой — разрушаю. А жизнь проходит, а смерть не ждет, она здесь — вот она...

Раздражительный я!

Иногда вспыхнет раздражение, а почему? — и сам не скажу... Толкнут в трамвае — я уже ощетинился, иногда сдержусь, а чаще наговорю колкостей, грубостей.

И самому после стыдно...

Ты, Господи, в Евангелии (см.: Мф. 5, 21–22) первые Твои Слова устремил про-

тив страсти гнева, как одной из начальных причин греха. Кто гневается, тот не имеет основных добродетелей: любви к ближнему и смирения. А на них все здание христианской деятельности утверждается. Все это я знаю, понимаю всю тяжесть греха гнева, и все же все это делаю.

Вспылю, сердце закипит, ум помрачится, и закричу непристойно, и жестокие слова обидные, было, что и толкал кого, и ударял...

Прости меня, Господи!

А после и обида на сердце живет, возмущение и вражда, — и, конечно, вместе с тем и пересуды и осуждение...

Дома на внука непослушного кричу, и бил его, и обзывал по-разному — и этим жестоко обижал и жену, и дочерей...

Научи меня, Господи, терпеливо переносить это постоянное искушение. Дай мне терпение, великодушие и кротость.

Чревоугодник я!

Люблю вкусную пищу, услаждаюсь лакомствами: и сам их покупаю, и не отказываюсь, когда меня угощают... Вспоминаю, как раньше (в Варшаве) пил дорогие

вина и часто прискорбно бывает, что этого нет сейчас...

Ем и пью часто лишнее: объедаюсь, и вино пью, часто тайно ем и пью, посты не соблюдаю — нарушаю правило воздержания.

Любил покой излишний (негу).

В выходные стараюсь спать больше, чем надо: «отдыхать», как принято говорить.

Люблю спать на мягком, чтоб тепло было в квартире, даже излишне тепло. Чтоб одежда была удобная, красивая, добротная, равно и обувь... Чтоб работой не утруждаться и прочее... А слышу Твои слова, Господи: *тесны врата и узок путь* (Мф. 7, 14). А я... Будет ли пощада мне, Господи?..

А сколько раз осквернял себя мыслями о срамных предметах.

О них же и говорить совестно... и речи слушал такие, анекдоты мерзкие, книги читал такие — слушал и читал с удовольствием. И делом совершал срамный грех!..

Господи! Пощади раба Твоего!

Сквернословил — и слушал чужие сквернословия...

И проходил мимо, не останавливая ругателя — и душа моя осквернялась этой поганью...

Воровал я!

Чужое присваивал, особенно пищу тайком брал, деньги присваивал, работал кое-как, а плату требовал, как за добротную работу — и, следовательно, — воровал средства государственные.

Лгал я часто — обманывал.

Сознательно и бессознательно говорил неправду, для красного словца, желая себя возвеличить или собеседникам угодить, сочинял истории, которых в природе вообще не бывало. Желая прикрыть свои грешки, выдумывал различные истории. Желая корыстно обмануть и воспользоваться состоянием чужим — обманывал других людей и по другим различным причинам лгал и обманывал.

Грешен я, Господи!

Любил праздные речи!

И говорить и слушать. Рассказывал всякие смешные анекдоты, желая казаться веселым и общительным человеком, чтобы понравиться окружающим. Болтал пустое, стараясь быть остроумным, поддержать веселое настроение собеседников.

Передавал в этой болтовне чужие недостатки в смешном виде и тем самым осуждал людей. Смеялся над ними, находил в этом удовольствие и вовлекал окружающих в этот грех пустого времяпровождения и осуждения!.. И сколько часов в жизни моей прошло в таком безобразии!

Завидовал я!

Сознательно и бессознательно всему тому, что видел и узнавал, все мне надо. Вещи, одежда, обувь, мебель, — все что предназначено для комфортной жизни, все, что я видел в домах или магазинах, желал, и даже обижался, что всего этого у меня нет. Готов был жаловаться на свою жизнь, на свое несчастье (как я называл), расстраивался так, что доходил до болезни — и все из зависти.

Стыдно и больно вспомнить это теперь!

Собирал «на черный день»

И деньги, и вещи, прятал от людей, даже от близких. Часто себе и родным отказывал в нужде, лишь бы сохранить сбережения. Радовался, когда накопления все увеличивались, и горевал, когда приходилось их расходовать. На них я надеялся в случае неудачи в делах, берег для старости. Надеялся на «свои сокровища», к ним сердце мое прилежало, а Господь сказал ясно: *Не собирайте себе сокровищ на земле...* (Мф. 6, 19–21).

И выходит, я не верю в Господа Бога — Промыслителя, не на Него возлагаю надежду во всякий момент жизни, а на «кубышку», где у меня запрятано сокровище...

Так ли христианину жить и действовать следует?

Просящему у тебя дай (Мф. 5, 42) — вот ясная заповедь Твоя, Господи!

Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все у вас будет чисто (Лк. 11, 41). Сказано ясно и обещана за милостыню чистота души и тела.

А я?.. Часто не подавал нищим или из жадности боялся, что в моих сбережениях недостача будет, или разбирал, кому дать. Достоин ли бедный, чтобы я его своей копейкой облагодетельствовал? И часто находил их недостойными моего благосклонного внимания, называл их лентяями, бездельниками, толстыми рожами и другими словами.

Между тем Ты, Господи, Сам нищего послал и ждешь, как я исполню Твою заповедь: давать всем, кто просит, без разбора. Кроме того, Ты Сам, Господи, принимаешь милостыню.

А я!.. Пощади меня Господи!

А сколько таких, которые не пойдут просить, а помощь им необходима, как воздух для жизни. Надо их найти мне самому и побывать у них, снести мне самому к ним...

А я?.. На Страшном Суде Своем за что Господь ублажает праведных: *алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня... был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25, 35–36).

Следовательно, милость эта — Господу Иисусу Христу оказана: *истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40).

С какой же радостью я бы должен был совершать дела милосердия?

А я?.. Пощади, Господи!

Исповедь по восьми церковным заповедям

Первая церковная заповедь.

Предписывает молитву дома (утром, вечером, до и после еды и прочее) и в храме в дни Богослужения (вечерню, утреню, литургию).

В молитве всегда должны быть внимание (заключай ум в слова молитвы), благоговение и сокрушение.

Ведь я во время молитвы стою один — с глазу-на-глаз перед Самим Господом Богом, Творцом и Промыслителем всего сущего, Владыкой и Судьей моим... Быть может, от этой минуты зависит вся моя участь, вся будущая жизнь и земная и небесная! А я стою небрежно, читаю слова

молитвы без внимания, без страха и трепета. Часто прерываю молитву, чтобы сделать то или иное. Читаю слова молитвы и слушаю радио или разговоры в квартире, часто даже сам вступаю в эти разговоры, скажу что-нибудь собеседникам и снова (как ни в чем не бывало) читаю слова молитвы. В храме — также или слушаю, что кругом говорят, или наблюдаю за соседями и даже часто осуждаю их.

Словом, ум — в развлечении, сердце молчит — никак не отзывается...

Что можно такой молитвой испросить у Господа? Только и можно оскорбить Его... И как часто так бывало!.. И я до этой минуты еще не уничтожен!.. Дивно долготерпение Твое! Беспредельно Твое милосердие!..

Иногда я и вовсе не молился дома — утром, вечером; в храме — не был ни у всенощной, ни у обедни, или ушел до конца службы. Сел за стол без молитвы и встал без молитвы.

Даже стыдимся перекреститься среди людей, стыдно, точно это преступление какое... И это крестное знамение — наша радость, наша сила, наша надежда.

Господи! Пощади меня!

А что говорить о том, чтобы отгонять при молитве всякие ненужные и негодные мысли. И думы об этом не было.

А чтобы дорожить молитвой, как великим сокровищем, хранить молитву, заботиться о том, чтобы преуспевать в молитве?.. А чтобы плакать, горько плакать о своем положении? Чтобы со всяким смирением и сокрушением падать к подножию Креста Христова!.. Чтобы сердце страдало за нечистоту свою, чтобы на огне тоски, муки, душевного горя переплавлялась наша гордость, самолюбие! Чтобы... непрестанно молиться...

...И много-много ещё о чем говорят Божии святые...

Я... ещё и не думал об этом...

Вторая церковная заповедь.

Пост в определенные дни (четыре поста, среда, пятница, 29 августа, 14 сентября). Пост телесный (известный род пищи) и духовный (обуздание страстей).

Я так часто нарушал посты, что и совесть перестала укорять меня, — притупилась, заглохла. Господи! Господи!

Ещё и оправдываю себя, придумывая различные увертки и извинения... Начинаю говорить, что это отжило свой век, что никто теперь не постится — забывая что, сколько бы грешников ни было, всем в аду места хватит.

А сам я... Нет! Нет! Я в ад не хочу!..

Начинаю исправлять заповедь о посте, по-своему ее понимать. Говорю: я буду меньше есть, но без мяса, масла... не могу.

Я не ем конфет — вот мой пост!

И другие фокусы, выверты и уловки...

А постился Христос Господь, постились апостолы, постились все святые и сейчас постятся истинные христиане...

А я... своевольничаю...

Третья церковная заповедь.

Уважение к пастырям — как служителям Божиим, возвещающим волю Божию, — просьба их советов в духовной жизни.

А я... часто издевался над священниками, над их внешним видом, над одеждой и т. д.

А если сам не делал так, то слышал насмешки над ними, издевательства — и не

только не останавливал таких речей, не уходил от них, а иногда сочувствовал им.

Судил и осуждал духовенство. А по какому праву?

Четвертая церковная заповедь.

Исповедь не менее четырех раз в год (с соответственным приготовлением).

А я... и раз в год не был. А если и был, то приходил без сокрушения и уходил холодный. Не готовился к исповеди, как в храме учат. Утаивал грехи свои: стыдно было признаться...

О страшном таинстве — Тела и Крови Господа и думал мало, и не понимаю ничего, да и узнать не стараюсь...

Пятая церковная заповедь.

Твердо хранить свою веру, не читать книг богохульных, не слушать таких речей.

Шестая церковная заповедь.

Молиться о всех живых и умерших православных христианах.

Седьмая церковная заповедь.

Соблюдать посты и молитвы, назначенные епископом области в дни народных бедствий.

Восьмая церковная заповедь.

Не похищать и не употреблять на свои нужды церковное имущество.

Общее заключение исповеди.

У исповеди и Святого Причастия редко бываю, — все некогда... А как бы надо чаще ходить! Сколько раз бывало: тяжко душа болит, надо бы сразу бежать к врачу духовному, а мне — некогда, откладываю — и все по-старому останется, и забудется.

Ты, Господи, требуешь на исповеди все худое выкинуть, возненавидеть грех свой, все силы собрать, чтобы их не делать вперед... А я и знал, да не делал так...

Ты, Господи, зовешь меня горько оплакать грехи свои, отстрадать за них, с болью сердца открывать их, с ненавистью думать о них, как о врагах своих — а я приходил холодным, и уходил я бесчувственным...

И страшно подумать: неужели я каждый раз уходил непрощенный, не разрешенный от грехов!..

Сейчас я должен явить Тебе, Господи, твердую решимость: отречься от греха, возненавидеть грех, переломить жизнь

свою... И эту решимость подтвердить клятвой: поцеловать Крест и Евангелие, в том, что я так обещаю, так клянусь. Господи!.. Я искренно хочу так... И молю Тебя: помоги мне сдержать клятву мою!..

Особенно страшно мне то, что часто я порывался сказать свой грех священнику — да стыдно было... И уходил нераскаянный! Теперь только понял я, как страшно это... Пощади меня, Милостивый!

Молитва

Помолимся Господу!

Господи! Мой Господи!

Я — бездонная пропасть греха: куда ни посмотрю в себе — все худо, что ни припомню, — все не так сделано, неправильно сказано, скверно обдумано...

И намерения, и расположения души моей — одно оскорбление Тебе, Господи, моему Создателю и Благодетелю!

Пощади меня, Господи Иисусе Христе, Боже наш! Я, как ничтожный человек, согрешил. Ты же, как Бог Щедрый, помилуй мя!

В покаянии приими меня! Дай мне время принести плоды покаяния!

Не хочу больше грешить, не хочу оскорблять Тебя, Господи! Допусти меня до причастия Святых Таин! Да снизойдет через них на меня Твоя сила Благодатная!

Истреби живущий во мне грех!

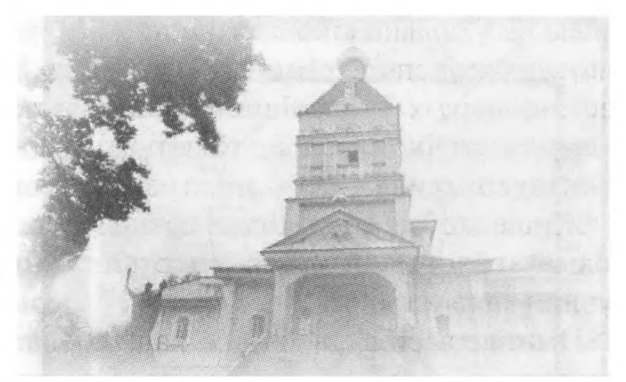
Живи же во мне, Бессмертный Господи, чтобы ни жизнь, ни смерть не разлучили меня от Тебя!

Ими же веси судьбами — как хочешь, как знаешь — только спаси меня, бедного грешника!

И благословлю, и прославлю Пречестное Имя Твое во веки.

Аминь.

ИСПОВЕДЬ У СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, МИТРОПОЛИТА АЛМА-АТИНСКОГО И КАЗАХСТАНСКОГО

Архипастырское служение священно-исповедника Николая (память 12 (25) октября) проходило вдали от горячо любимой им России на далекой Казахстанской земле. В Алма-Ату он приехал в 1945 году, когда была образована Алма-Атинская и Казахстанская епархия, управляющим которой и был назначен архиепископ Николай. Позади — многолетнее пребывание в тюрьмах, лагерях, годы гонений и преследований.

СТЫЙ НИКОЛАЙ МИТРОПОЛИТЪ
АЛМА-АТИНСКИЙ КАЗАХСТАНСКИЙ

Удивительная любовь была у владыки к своим чадам. Он любил всех ровной, божественной любовью и эту любовь источал на каждого встречающегося ему человека. Когда с кем-нибудь случалось несчастье или кто-либо заболевал, владыка первым делом советовал — как можно строже исповедаться, причаститься и лишь после приступать к исправлению того положения, в котором человек оказался, или к лечению болезни. «Нечистая исповедь — корень наших бед. А почему? Потому что Господь хочет, чтобы все спаслись, вот и спасает нас через всевозможные напасти. Только в напасти мы вспоминаем о Боге, а в благополучии нашем нам не до Него», — всякий раз напоминал владыка.

В первую неделю Великого поста святитель Николай проводил всю службу за псаломщика, сам читал и регентовал на клиросе. Удивительно было видеть, как семидесятилетний старец выстаивает всю длинную постовую службу, даже не переступив с ноги на ногу.

Канон преподобного Андрея Критского всегда читал сам.

В пятницу первой недели вечером была исповедь для всех говеющих. Перед исповедью владыка сам произносил слова молитвы и напоминал грехи.

Вот какую молитву он читал перед исповедью:

«Господи Боже, Спасителю наш! К Тебе припадаем с сокрушенным сердцем и исповедуем грехи и беззакония наша, имиже раздражихом Твое благоутробие и затворихом щедроты Твоя. Сего ради праведный суд Твой постиже нас, Господи: раздоры и нестроения объяша нас, убийства и кровопролития, вражда и злоба умножишася до зела.

Но, Премилосердный Господи, призри с высоты Святыя Твоея на слезныя мольбы нищих скорбных людей Твоих, преложи гнев Твой на милосердие и даждь нам помощь от скорби. Вемы, яко от лет древних в годины искушений страна наша токмо верою Христовою от гибели спасашеся, токмо молитвою и слезами покаяния от козней и сетей вражиих избавляшеся.

Сего ради во умилении сердца вопием Тебе: охрани и ныне Отечество наше от врагов, губящих е, воспламени в сердцах наших любовь к Церкви Твоей Святой и научи нас крепко, даже до смерти стояти за веру святую Твою и за славу Имени Твоего Святаго, и тако утверди и воспрослави Церковь Твою всесильною крепостию Твоею и от всякаго злаго обстояния избави ю. О распенших Тя моливый, Господи, и рабом Твоим о вразех молитися повелевый, ненавидящих и обидящих нас прости, не воздаждь им, Господи, по делом их и по лукавству начинания их, не ведят бо, что творят, но к братолюбному и добродетельному настави жительству, да обратятся к Тебе, своему Владыце, и купно с сынами Церкви Твоея, прославят Тебе Единаго в Троице славимаго Бога во веки веков. Аминь».

После этой молитвы владыка Николай читал другую — повседневную исповедь:

«Исповедую Тебе, Господу и Богу моему, в Троице славимому: Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистей Богородице, Приснодеве Марии, в предстоянии святаго Ангела моего хранителя, Небесных

Сил безплотных и всех Святых, все мои грехи, содеянныя мною от младенчества моего и до сего часа.

Отче Преблагий! Боже Всемилостивый! Грехи мои неисчислимы: вольныя и невольныя, ведомыя и неведомыя, явныя и тайныя, великия и малыя! Недостоин я милости Твоея — достоин осуждения и вечных мук, но припадаю к Тебе, моляся: согрешил я на небо и пред Тобою, приими мя кающагося и в исповедании моем не отвержи мене.

Согрешил я, Господи, неблагодарностью за Твои великия и безчисленныя, содеянныя мне благодеяния и всеблагое промышление Твое, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, несоблюдением обетов, данных при крещении (если монах, то по принятию монашества или священного сана и сана епископа) — во всем солгал и по воле своей поступал, пренебрегая заповеди Господни и предания и наставления святых отцов, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, неимением истинной веры: маловерием, холодностью,

сомнениями в истинах ее, суеверием, верой в приметы, ворожбой, гаданием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, неимением должной надежды и упования на Промысл Божий, полагая надежду в себе, в людях и в лучших условиях жизни, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, неимением должной к Тебе любви и любви к ближним: жестокостию сердца, немилосердием, недостаточным милостыни подаянием, непосещением болящих, по заповеди Евангельской, и в темницах сущих, непогребением мертвых, неодеянием убогих, ненасыщением алчущих и ненапоением жаждущих, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, гордостью, тщеславием, превозношением себя перед другими, самомнением, самолюбием, унижением ближних, осуждением одних и заискиванием перед другими, исканием у них себе похвалы и чести, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, гневом, раздражением, ссорою, непримирением с ближ-

ними, неприличными ругательствами, оскорблением, местию, зла за зло воздаянием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, чревоугодием, пьянством, лакомством, объядением и опивством, тайноядением и раноядением, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, греховным влечением плоти, нечистыми мыслями, нечистыми желаниями, чтением развратных книг, смотрением соблазнительных картин и греховным их услаждением, влечением к лицам другого пола, во еже вожделети их, в сердце и мыслях, прикосновением нечистым к ним, поцелуями страстными, осквернением души и тела в сонных мечтаниях и сновидениях блудных и истечением плоти, неестественным возбуждением в себе блудной похоти, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, сребролюбием, скупостию, жадностию, лихоимством, обмериванием, обвешиванием, утаением найденного, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, печалию при получении мною оскорблений и лишений,

обидой на людей, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, неимением ревности о славе Твоей — незащищением Имени Твоего Святаго, когда оно другими хулилось, произношением Святаго Имени Твоего в разговорах всуе, без благоговения и со смехом, божбой или клятвой без нужды, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, сокрытием своего христианского звания от других ради выгод земных, стеснением перед другими совершать на себе крестное знамение, снятием с груди нательного креста, изнесением святых икон и образов из дома, прекращением хождения в храм Божий по стыду и по страху перед людьми, прекращением исполнения Святых таинств: Исповеди, Причащения Святых Таин Христовых, брака и других таинств и обрядов нашей Церкви, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, несоблюдением святых постов и постных дней, установленных Православной Церковью, невоздержанием в них, вкушением запрещенного, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, непочитанием, как должно, праздников, установленных Православной Церковью, леностью к церковным службам, совершением и устроением личных дел своих в эти дни, если и ходил в храм, стоял в нем неблагоговейно, рассеянно молился, допускал разговоры и смех; будучи в естественной нечистоте, прикасался к святыням, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, неисполнением положенных домашних молитв и правил по лености или небрежению, при сем самооправданием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, леностию к чтению Святого Евангелия, святоотеческих и Боговдохновенных книг, помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, непочитанием, как должно, своих родителей, ослушанием их, грубым отношением к ним и оскорблением их, неоказанием им помощи во время их болезни, старости и нуждах, оставлением их беспомощными, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, несохранением девства, растлением его, несохранением целомудрия ума и сердца, чистоты души и тела, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, прелюбодеянием во всех его видах: блудными мыслями, блудными желаниями и делами, нарушением супружеской верности, незаконным сожительством с лицами другого пола, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, убийством во утробе зачатого плода (аще жена), соизволением на сие убийство (аще муж), устранением чадородия через употребление различных средств, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, убийством (аще таковое было) или соизволением на него, покушением на самоубийство, чувством отчаяния в милосердии Божием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, чувством зависти к людям, находящимся в лучших условиях жизни, чем я, недоброжелательством и ненавистью к ним, желанием им зла, злорадством и местию, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, оклеветанием ближних, очернением их чести и доброго имени, доносами на них, ложными на суде показаниями, лицеприятием, защищением неправды и попранием истины, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, умышленною или вынужденною ложью, обманом, малодушием, лицемерием, неисправностью в отношениях с ближними, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, пустословием, празднословием, смехом неподобным и злословием, служением миру (маммоне), а не Тебе, Богу моему, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, нерадением о своем спасении, грехолюбием, забвением о душе, о смерти, о Суде, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, редким говением, редким причащением Святых Таин, а если и приступал, то недостойно приступал, на исповеди утаивал грехи, оправдывал себя в них, ожидал прощения, не простив своих ближних, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, ослушанием своего духовного отца, неисполнением данных мне эпитимий и наставлений, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Согрешил я, Господи, словами, делами, мыслями, всеми моими чувствами: зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием и многими другими грехами, по множеству и давности их забвенными, — о сих всех жалею и, виновным себя представляя, из глубины души моея молюся Тебе: Боже мой, Всемилостивый и Всещедрый Господи! Приими сие покаяние мое и исповедание. Не помяни множества грехов моих в день праведнаго Суда Твоего! Не отвержи мене тогда от Лица Твоего, но человеколюбием Твоим:

— зде помилуй мя *(поклон)*;

— зде прости мя *(поклон)*;

— зде и спаси мя *(поклон)*.

Благ бо еси Господи, щедр и человеколюбив! И Тебе славу, благодарение и поклонение и честь возсылаем: Отцу и Сыну и Святому Духу со Святою Богородицею и всеми Святыми, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Эта молитва была у молящихся в храме, по ней они всегда проверяли себя, по ней готовились к исповеди.

После чтения этой молитвы все расходились к священникам. Исповедовали обычно четыре-пять священников, которые так же строго, как и владыка, относились к исповеди. Они не читали разрешительную молитву тому, кто не называл своих грехов, но помогали таковым, задавая наводящие вопросы. И у тех, кто не умел или стеснялся исповедоваться, постепенно раскрывались сердца, и они каялись в своих грехах.

Обычно в этот день исповедь заканчивалась не раньше двенадцати часов ночи.

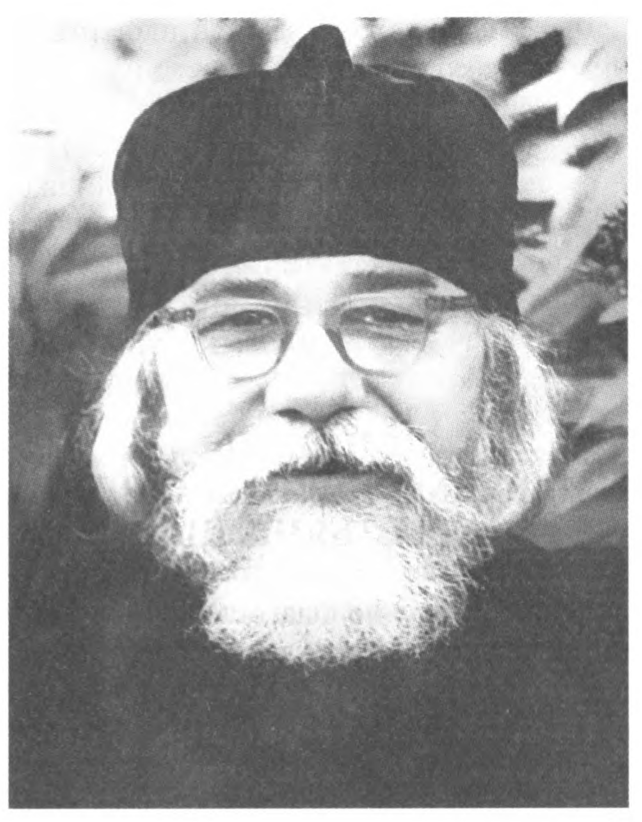

ИСПОВЕДЬ У АРХИМАНДРИТА ИОАННА (КРЕСТЬЯНКИНА)

В 1967 году по благословению Святейшего патриарха Алексия иеромонах Иоанн был назначен на служение в Псково-Печерский монастырь, где он нес подвиг старчества до самой своей кончины — без малого сорок лет. Со всех концов России и даже зарубежья к батюшке ехали верующие.

По воспоминанию одного из духовных чад «Сразу по окончании литургии начинался приём. В алтаре решались вопросы с приезжим духовенством, на клиросе

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

ждали своей очереди присные, прибывшие с батюшками, в храме ожидали местные прихожане и паломники.

Батюшка выходил из храма в окружении множества людей, когда время подходило к обеду. Но и на улице подбегали запоздалые вопрошатели и любопытные, чьё внимание привлекала собравшаяся толпа. Добравшись до своей кельи только со звоном колокола к обеду, он буквально сбрасывал клобук и мантию и убегал. После обеда путь от трапезной до кельи длился не менее часа, и опять в толпе. А в кельи его уже ждали посетители, на вечер же назначался прием отъезжающих в этот день. И так ежедневно. Не день, не месяц, а из года в год, пока Господь давал силы».

Исповедный листок, которым одаривал отец Иоанн своих чад

Многие из говеющих затрудняются, что им сказать на исповеди. Прежде всего и обстоятельнее всего открыть грехи, наиболее смущающие совесть. Такие грехи и сопровождающие их обстоятельства никогда не забываются. Затем исповедь

должна быть сколько возможно подробна, смиренна, искренна. В пособие нуждающимся предлагаются два листка, извлеченные из творений нескольких отцов и учителей Святой Церкви. Может быть, они внушат кающемуся хоть мысли некие или напомнят нечто из собственной его жизни.

I

Благослови мне, Господи Спасителю, исповедаться Тебе не словами только, но и горькими слезами. А плакать есть о чем...

Колеблется во мне вера в Тебя, Господи! Помыслы маловерия и неверия теснятся в душу мою гораздо чаще, чем когда-либо. Отчего? Конечно, виноват дух времени, виноваты люди, с которыми я встречаюсь, а еще более виноват я сам, что не борюсь с неверием, не молюсь Тебе о помощи. Виноват я несравненно более, если являюсь соблазном для другого — делом, или словом, или самым молчанием холодным, когда заходит речь о вере. Грешен я всем, Господи: прости и помилуй, и приложи мне веру.

Падает во мне любовь к людям, даже к родным моим. Их непрерывные просьбы о помощи, их забвение о том, как много уже сделано для них, возбуждают между нами взаимное неудовольствие. Но более их виноват я: виноват, что у меня есть средства помочь им, а помогаю неохотно; виноват, что помогаю не по чистому христианскому побуждению, а по самолюбию, по желанию благодарности, похвалы. Прости меня, Господи, смягчи мое сердце и научи меня смотреть не за тем, как ко мне люди относятся, а за тем, как я к людям отношусь. И если они относятся враждебно, внуши мне, Господи, платить им любовью и добром и молиться о них!

Грешен я и тем, что мало, очень мало думаю о грехах своих. Не только в обыкновенное время года, но и во время самого говения я не вспоминаю о них, не стараюсь привести их себе на память для исповеди. На мысль приходят общие фразы: «Ничего особенного; грешен — как все». О Господи, как будто я не знаю, что перед Тобой грех — и всякое слово праздное и самое вожделение греха в сердце. А сколько у меня таких слов и вожделений накопится за

каждый день, не только за целый год! Ты един, Господи, их веси: Ты даруй мне видеть мои прегрешения, и пощади, и прости!

Далее — постоянным грехом своим я признаю отсутствие почти всякой борьбы со злом. Чуть явится какой-нибудь повод или толчок, — и я уже стремглав лечу в бездну греха, и, только пав, задаю себе вопрос: что же это я наделал?! Вопрос бесплодный, потому что он не помогает мне сделаться лучшим. А если при этом и чувствуется скорбь, то она истекает из того, что пострадало мое самолюбие, а не из того сознания, что я огорчил Тебя, Господи!..

Нет у меня борьбы не только с грубым злом, но даже с самой пустой и вредной привычкой. Владеть собой я не умею и не стараюсь. Согрешил, прости!

Далее — преобладающий во мне грех раздражительности не покидает меня нимало. Услышав резкое слово, я не отвечаю благим молчанием, а поступаю как язычник: око за око, зуб за зуб. И вражда разгорается из пустого, и длится она дни и недели, и не думаю я о примирении,

а стараюсь как бы сильнее отомстить при случае. Без числа согреших, Господи, — пощади, прости и умири мое сердце!

Кроме этих важнейших грехов, вся жизнь моя представляется цепью согрешений: я не дорожу временем, данным Тобой для приобретения вечного спасения; я не от всей души ищу Твоей помощи; в церкви я очень часто стою неблаговейно, молюсь машинально, осуждаю других, как они молятся, а не слежу за собой; дома же молюсь с великим принуждением и рассеянностью, так что часто сам не слышу своей молитвы, а иногда просто опускаю ее. Таково мое отношение к Тебе, Господи, и я ничего другого не могу сказать, как только: прости и помилуй!

В отношениях с людьми я грешу всеми моими чувствами: грешу языком, произнося ложные, скверные, укоризненные и соблазнительные слова; грешу глазами, взирая бесстыдно на лица женские, читая пустейшие романы, целые вечера проводя за картами или другими играми; грешу умом и сердцем, осуждая других и враждуя часто и долго; грешу не только против

души, но и против тела, невоздержно принимая пищу и питие.

Приими, Человеколюбче, мое покаяние, да с миром приступлю к Твоим Святым и Животворящим Таинам, во оставление грехов, во исправление жизни временной и в наследие жизни вечной. Аминь.

II

«Недостоин я просить себе прощения, Господи!» — так восклицал некогда о себе великий учитель покаяния святой Ефрем Сирин.

«Как удержать нападения греха? Как заградить вход страстям?» — спрашивал у Ефрема Василий Великий, а тот отвечал ему одними слезами...

Что же мне сказать теперь перед Тобой, Господи, мне, величайшему, закоснелому грешнику?

Молитвами святых отец наших, Ефрема и Василия, даруй мне, Господи, и покаяние, и слово, и слезы! Помоги мне извергнуть из себя, как смертельный яд, свои злые дела, праздные слова, лукавые помышления. Если б я и забыл сказать иное, Ты ведаешь все и напомнишь мне,

а я не хочу скрывать. Ты велишь мне: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26), и я говорю: умножились грехи мои, Господи, и непрестанно умножаются, нет им предела. Знаю и помню я, что даже помысл нечистый есть мерзость перед Тобой, а между тем не только помышляю, но и делаю то, что Тебя огорчает. Знаю, что делаю зло,— и не уклоняюсь от зла...

Напротив, меня даже веселит час, проведенный в грехе, и мне кажется, что я делаю нечто вполне естественное. Таким образом, покаяние мое еще не положило и начала, а злому нерадению моему о грехах не видно и конца. Поистине нет числа во мне скверных помыслов, вспышек самолюбия, тщеславия, гордости, пересудов, злопамятности, мстительности.

Я ссорюсь часто попусту, бываю гневлив, жесток, завистлив, ленив, слепо упорен. Сам я значу мало, а думаю о себе очень много. Достойных почитать не хочу, а сам без основания требую почтения. Непрестанно лгу, а гневаюсь на лжецов. Осуждаю злоречивых и татей (воров, грабителей. — *Ред.*), а сам — и тать, и злоречив. Оскверняю себя блудными помыс-

лами и возбуждениями, а строго сужу других за нескромность. Не терплю шуток над собой, а сам люблю кольнуть других, не разбирая ни лица, ни места, даже в церкви. Кто говорит обо мне правду, того считаю врагом. Не хочу стеснять себя услугой, а если мне не услужат — гневаюсь. Ближнему в нужде холодно отказываю, а когда сам нуждаюсь, надоедливо обращаюсь к нему. Не люблю посещать больных, а если сам болен, домогаюсь, чтобы все заботились обо мне без моей просьбы.

Господи, низведи в глубину души моей луч света небесного, да увижу грехи свои! Исповедь моя почти всегда ограничивается только поверхностным перечислением кое-каких грехов. О Боже мой, если не помилуешь, если не подашь помощи — погиб я! Несметное число раз совесть моя давала обещания Тебе начать лучшую жизнь, а я нарушал обещания и жил по-прежнему. Стыдно мне бывает показаться на глаза и человеку, перед которым не раз оказывался я неверным в слове. Как же стоять мне перед Тобой, Боже мой, без стыда и самоукорения, когда столько раз

перед Престолом Твоим, перед Ангелами и святыми, давал я обещания и не выполнял их? Как я низок! Как я преступен! Тебе, Господи, правда, мне же стыдение лица (см.: Дан. 9, 7). Только Твоя благодать беспредельная может терпеть меня. Не погубил Ты согрешающего, не погуби кающегося! Научи, как мне привести на память и исчислить грехи прошлой жизни своей, грехи молодости ветреной, грехи мужества самолюбивого, грехи дней и ночей, грехи против своей души, грехи против своих ближних, грехи против Тебя Самого, Господи и Спасителю мой! Как исчислить их в те немногие минуты, которые стою я у этого святого места! Я вспоминаю, Господи, что Ты внял краткому слову мытаря и разбойника. Знаю, что Ты милостиво встречаешь самую готовность каяться, и молю Тебя всей душой, Господи мой, Господи, прими мое покаяние в том повседневном исповедании грехов, какое содержит Священная книга. Грехов у меня гораздо больше, чем сказано в ней, и нечем мне их загладить. Я приношу ныне одно лишь стремление к Тебе и желание доброго, но у меня нет силы для исполнения.

О человеколюбче Господи! Ты не отгоняешь грядущего к Тебе грешника, молящего Тебя о прощении. Прежде нежели он приидет к двери милосердия Твоего, Ты уже отверзаешь ему; прежде чем он припадет к Тебе, Ты простираешь к нему руку; прежде чем исповедует грехи свои, Ты даруешь ему прощение. Подаждь его и мне, кающемуся, подаждь по единой великой Твоей милости; прости все, что я сделал, сказал и помыслил худого. И даруя прощение, пошли мне, Господи, и силу, чтобы отныне жить мне по Твоей воле и не оскорблять Тебя. Помози ми — и спасуся; помози приятием Святых Твоих Таин. А для достойного приятия их изреки мне благодать помилования и прощения, устами священнослужителя Твоего, изреки Святым Твоим Духом, не слышимо в слухе, но слышимо в растроганном сердце и мире совести. Аминь.

СОВЕТЫ РУССКИХ СВЯТЫХ И СТАРЦЕВ ОБ ИСПОВЕДИ

❖ Приступая к таинству Исповеди, должно представлять себя со страхом, смирением и надеждой. Со страхом как Богу, прогневанному грешником. В смирении — через сознание своей греховности. С надеждой — ибо приступаем к Чадолюбивому Отцу, пославшему для нашего искупления Сына Своего, Который взял грехи наши, пригвоздил их на Кресте и омыл Пречистой Своей Кровью... В случае смущения и забвения грехов своих можно, идя к Таинству, записать оные для памяти, с позволения духовника,

посмотреть в записку и объяснить ему. Подобные примеры встречаются в житиях и учениях святых отцов.

❖ При исповеди надобно пояснять все свои грехи, кроме разве когда забудешь, а не поверхностно говорить, ибо неисповедаемый грех и не разрешается, разве что по забвению не изъяснишь. После исповеди надобно блюсти себя от греховных действий. Но если и случится на кого оскорбиться или зазреть кого: в этом, примирясь с оскорбившим, быть спокойным, а за зазрение самую себя зазреть и укорять, чтобы не беспокоить старца, а если прилучится удобный случай видеть его, то, по мере греха и чувству совести, можно сказать ему оный вкратце. Писать можно грехи свои, соображаясь с нашей исповедью, ибо, мы в течение времени после исповеди много согрешаем и забываем. Главное, в исповеди надобно иметь сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничижит, и ежедневно надобно иметь испытание самих себя и укорять себя, за содеянное нами приносить перед Богом покаяние, что и читаем в третьей молитве на сон грядущих.

❖ Обманываешь сама себя, ты многих грехов не сотворила: смертоубийства, блуда, похищения церковных вещей, зажигательства, отравы и многих подобных, сопряженных с ними; да это легко сказать: «всем грешна», или, как пишешь: «нет ни одного греха, которого бы ты не сотворила», но говорить каждый грех, по виду, приносит стыд и бывает виною прощения грехов: ибо, по слову святого Григория, стыд здешний есть часть будущего мучения.

❖ Изъяснив перед духовником свою совесть так ли, или по записке, не надобно уже смущаться, что все не сказала, это от врага, а надобно успокаиваться, взирая на намерение свое ничего не утаить и на милосердие Божие, а смущение отвергать. Также и о поклонах: когда исполняешь положенное число, не надобно думать, что не исполнила, и это от врага, и обе крайности от него, то есть и смущение, и мнение или самодовольство; нужна средина со смирением и упованием на милосердие Божие.

❖ На вопрос твой: исповедовать ли опять тот грех, который прежде уже ис-

поведовала? Отвечаю: если оный еще не делала, то о том уже не нужно говорить духовнику, но чувствовать свою греховность надобно; память своих грехопадений приводит нас к смирению. После исповеди, готовясь сообщаться Святых Таин, находишься в смущении, что будто не все грехи исповедала? Отвергай этот злой вражеский помысл верой и смирением, и надеждой на милосердие Божие успокаивай себя. А что кажется, что еще вновь много согрешаешь и потому недостойно приступаешь к Святым Таинам,— это оттого, что ты думаешь приступить безгрешной, а враг и имеет силу наводить смущение, а когда ты приступаешь с чувством своей греховности и надеждой на неизреченное милосердие Божие, ибо Он взял на Себя всего мира грехи, то успокоишься. Ты думаешь, что ты как исповедалась, так и стала безгрешна? Но смущение потому и беспокоит тебя, что не полагаешься на милосердие Божие, без которого ничто наше не спасет нас.

❖ Бояться срама при исповеди тоже от гордости; обличив себя перед Богом при

свидетеле, получают успокоение и прощение.

Прп. Макарий Оптинский

❖ Как бы человек осторожно себя ни соблюдал, но весьма редко проходит, чтоб юности своей чем не запятнал. Пятна же оные ничем столь скоро не изглаживаются, как устным исповеданием. И хотя Господь Бог все ведает слабости наши, и даже не соделанная предвидит, и не имеет нужды, чтобы пересказывать Ему о том, что известно Ему; однако, за нашу пользу через пророка Своего говорит или приказывает: «глаголи ты первее беззакония твоя, да оправдишися». И так видите, сколь необходимо нужно для очищения грехов устное исповедание, без которого невозможно ни начала благого положить, ни спастись, ни спокойну в духе своем быть; почему и должно рассмотреть бывшее и раскрыть.

❖...Когда духовный отец, по данной ему от Бога власти, сказал вам: «прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих», эти слова должно принять так, что языком его

произнес оные Сам Иисус Христос, и в ту же самую минуту разрешение оное подтверждается на небеси Богом Отцем и Святым Духом. Видите, сколь милостив Бог к кающимся грешникам!.. Эти духовного отца словом разрешаются не одни только устно исповеданные грехи, но и неисповеданные по забвению или по неведению, одни только те грехи духовный отец разрешить не может, которые грешник с намерением утаивает от стыда и страха, каковых грехов и Сам Бог не прощает. Ваши же грехи все прощены и разрешены, и хотя бы в свое время случилась вам и смерть, то с полной верой и надеждой на милосердие Божие о спасении своей души должны мирными в духе своем быть, понеже грехи юности — неведения вашего — не воспомянутся перед Богом, в чем уверяю вас святым именем Его. Сомнение же ваше о разрешении грехов своих есть действие противного духа, и весьма опасное, коему отнюдь не должно верить. Хотя бы мы с вами грехами своими превзошли от века всех грешников, то и в то время отчаиваться не должно в милосердии Божии, ибо Он того ради

и Сына Своего Единородного послал с небес в мир, да спасет грешных: убо и нас с вами, премногогрешных, по велицей милости Своей спасет и наследниками Царствия Своего соделает.

Прп. Антоний Оптинский

❖ Исповедать все полезно с самоукорением, а с негодованием на других какая польза и от полных объяснений?

❖ Никого никогда не осуждай. Говори: «Виновата осуждением, досаждением, самомнением, непослушанием, тщеславием, укорением, гневом».

Прп. Амвросий Оптинский

❖ Исповедоваться можно всегда, даже каждый день.

❖ Неисповеданный грех разрушающе действует на человека и приводит душу к смерти.

❖ В таинстве Покаяния, или Исповеди, разрываются векселя, то есть уничтожается рукописание наших грехов, а причащение истинных Тела и Крови Христовых дает нам силы перерождаться духовно. Правда, это совершается не

сразу и, пожалуй, неощутимо для нас: *...не приидет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20), но несомненно, что это перерождение рано или поздно совершится, и мы начнем новую жизнь, жизнь во Христе.

Прп. Варсонофий Оптинский

❖ Если не можешь сказать грехов своих, то уж лучше написать их.

❖ Ты грехи-то свои исповедуй не священнику, а Самому Господу, только без утайки, от всего сердца. Священник представляет посредника между тобой и Богом, а потому польза исповеди зависит от твоей чистосердечности. Если будешь исповедовать лукаво у чудотворца, то и пользы не будет душе, а наоборот. Так грешно думать о священниках в таинстве Покаяния...Ты описала свои грехи, а значит, и знаешь, что их не надо делать, а для этого проси у Господа помощи, смиряйся, никого не суди, а только себя одну, храни от соблазна зрение и другие чувства, через которые в душу лезет всякий мусор. Если понудишь себя, то с помощью Божией и исправишься, но покоя

на земле не будет — он для всех святых на небе.

Прп. Иосиф Оптинский

❖ Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сора, а все в кучу да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматривание их не входи.

❖ Считаю нужным напомнить вам, что я всегда особенное обращал внимание на тщательную исповедь. Есть указание у святых отцов и у епископа Игнатия Брянчанинова, что греховные навыки и страсти не поддаются уврачеванию без исповеди. Всякое врачевание будет неполным и недостаточным без исповеди, а при помощи исповеди они удобно искореняются. Поэтому я прошу вас всегда обращать особенное внимание на исповедь, всегда тщательно готовиться к ней и чистосердечно исповедовать все свои согрешения.

❖ Духовника бояться нечего, и стыдиться его не должно. Духовник все знает, все грехи знает, так как у него не одна душа, а сотни исповедуются, и его не удивишь никаким грехом, как бы он велик

и тяжек ни был. Наоборот, всякий исповеданный какой-либо тяжкий грех возбуждает во мне особенную заботу о душе, и я никогда не изменялся и не могу измениться в своем отношении к душе, какие бы ни были исповеданы ею согрешения, наоборот, я больше о ней болею, беспокоюсь, забочусь о ее уврачевании и спасении. Поэтому старайтесь ничего не скрывать, старайтесь чисто исповедоваться.

❖ Необходимость исповеди подробной доказывается не только внутренними переживаниями человека, но и самим чином исповеди, изложенным в Требнике церковном. Сделать такое примечание побудило то, что некоторые, стыдясь духовника, по различным причинам ищут способа не сказать на исповеди всего подробно, говоря в общих словах или так, что духовник не может ясно понять, что сделано, или даже совсем утаивая, думая успокоить свою совесть различными рассуждениями с собою в своей душе. Тут враг нашего спасения умеет в извращенном виде напомнить слова святых отцов и даже Святого Писания, чтобы не допустить человека до спасительной и необхо-

димой исповеди грехов перед духовником в том виде, как они были сделаны. Но если совесть у человека не потеряна, она не дает ему покоя до тех пор, пока на исповеди не сказано все подробно. Не следует лишь говорить подробности лишние, которые не объясняют сути дела, а только живописно рисуют их. Такую живопись картин греха, не чуждую услаждения воспоминанием греха, особенно в блудных делах, отцы не советуют дозволять себе, чтобы сердце, еще любящее грех, не умедлило и не усладилось грехом.

❖ Многие ищут, как необходимого, духовника высокой жизни и, не находя такого, унывают, и потому редко, как бы нехотя, приходят на исповедь. Это большая ошибка. Надо веровать в самое таинство Исповеди, в его силу, а не в исполнителя таинства. Необходимо лишь, чтобы духовник был православный и законный. Не надо спорить, что личные качества духовника много значат, но надо веровать и знать, что Господь, действующий во всяком таинстве Своею благодатью, действует по Своему всемогуществу независимо от этих качеств.

❖ Очень дорого иметь благоговейного духовника, с которым можно было бы посоветоваться и выяснить те или иные вопросы жизни духовной и просто побеседовать дабы согреть духовной беседой холодное сердце и получить подкрепление духовное в скорбях, нас окружающих, — но, если не можем сразу найти такого, весьма неразумно совсем не прибегать к исповеди. Это подобно тому, если кто, не имея хорошего веника для уборки своего дома, совсем не будет вычищать его. Нет хорошего веника, возьми какой есть. Лишь бы было в доме чисто, или, не имея хороших дров, совсем не будет топить дом и будет мерзнуть. Другие хотят сделать каждую исповедь беседой духовной. Может быть, это и хорошо, и даже иногда необходимо, но не всегда есть к тому возможность по времени и другим причинам. По существу же это две вещи различные.

❖ Кто в простоте сердца скажет свои согрешения с сокрушением и смиренным чувством, с желанием исправиться, тот получит прощение грехов и мир совести

своей силою благодати Божией, действующей в таинстве.

Прп. Никон Оптинский

Перед исповедью храните молчание, чтобы удобнее было сознать свои грехи, прежде чем пойти к духовнику и с сокрушенным сердцем исповедаться — чистосердечно, без стыда, ибо тогда только обымет душу мир и радость.

Прп. Стефан Вятский

Желающему спастись надо чаще каяться. Бремя грехов наших снимается покаянием и исповедью.

Прп. Симеон Псково-Печерский

Прошу любовь вашу: старайтесь сколь можно ходить в церковь, а особенно кто ничем не занят, вне всяких послушаний, похаживайте также почаще к отцам вашим духовным, очищать исповедью свои погрешности; знайте, любезнейшие: в чем откроетесь отцу духовному, того не будет записано у диавола, а о чем не раскаетесь, то будет записано у него; то и прошу любовь вашу всмотреться — не лучше ли

здесь загладить покаянием, нежели там мукой, — чего не дай Боже?

Игумен Дамаскин,
настоятель Валаамского монастыря

❖ Не отлагая до другого времени, воззовите к Нему от всего сердца: Господи! Тебе открыто все сердце мое, все мысли, слова и дела мои, все грехи мои, волей и неволей, в знании и по незнанию сделанные мной, явны Тебе! Жалею и сокрушаюсь, что оскорбляла Тебя! Каюсь со всей преданностью себя в волю Твою, Господи; дай мне истинно всегда приносить Тебе в жертву сокрушенное сердце; даждь ми помысл исповедания грехов моих. Прости немощи моей и вместо многого моления и поста удостой принять мое скорое послушание на глас призывания Твоего: приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии. Господи! прибегаю и падаю к стопам Твоим, по подобию омывшей слезами ноги Твои. Благослови, Господи, посредством служащего Тебе, Богу моему, священника принять исповедание мое и отпустить грехи мои, и сподоби достойно причаститься Святых Таин, Тела

и Крови Твоея, во освящение души моея и в жизнь вечную (поклон Господу).

❖ Кто здесь в жизни своей безропотно терпит наказание за грехи свои и благословляет сердцем Господа Бога своего, к тому милость и щедроты Божии неотъемлемы. Ни одна душа на свете, от всего сердца покаявшаяся и исповедавшая грехи свои перед Господом, никак не была отринута от Божией милости. Господь кающихся приемлет, прощает и милует.

Прп. Георгий, Затворник Задонский

Когда исповедуетесь, то просите единого Подателя благ: *Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих!* И когда священник скажет: «Прощаю и разрешаю!» — то в самую сию минуту и на небеси прощено и разрешено.

Прп. Феофан Новоезерский

«Как по гнилым проводам идет ток, так и при совершении таинств благодать действует независимо от личных качеств священника», так на вопрос о том, как исповедоваться и причащаться у священника, который смущает своим поведением,

отвечал белгородский старец схиархимандрит Григорий (Давыдова).

Старец Геннадий (в схиме Григорий)

❖ Покаяние должно быть искреннее и совершенно свободное, а никак не вынужденное временем и обычаем или лицом исповедующим. Иначе, это не будет покаяние. *Покайтесь*, сказано, *приближися бо царство небесное* (Мф. 4, 17), приближися, то есть само пришло, не нужно долго искать его, оно ищет вас, вашего свободного расположения, то есть: сами раскаивайтесь с сердечным сокрушением. *Крещахуся* (сказано о крестившихся от Иоанна) *исповедающе грехи своя* (Мф. 3, 6), то есть сами признавались в грехах своих.

❖ Трудность и болезненную жгучесть операции вынесешь, зато здрав будешь (говорится об исповеди). Это значит, что надо на исповеди без утайки все свои срамные дела духовнику открыть, хотя и больно, и стыдно, позорно, унизительно. В противном случае рана остается неизлеченной и будет болеть и ныть и подтачивать душевное здравие, закваской останется для других душевных немощей или

греховных привычек и страстей. Священник — врач духовный; покажи ему раны, не стыдясь, искренно, откровенно, с сыновней доверчивостью, ведь духовник — твой отец духовный, который должен любить тебя больше твоих родных отца и матери, ибо Христова любовь выше плотской, естественной любви, за тебя он должен дать ответ Богу. Отчего жизнь наша стала так нечиста, исполнена страстей и греховных навыков? Оттого, что весьма многие скрывают свои душевные раны или язвы, оттого они и болят и раздражаются и нельзя к ним приложить никакого врачевства.

❖ Диавол домогается, чтобы мы утаивались со своими грехами и тем удобнее и больше во тьме предавались им; а мы будем и здесь разрушать его козни, будем исповедовать грехи, чтобы и нам, и всем другим было видно, какой мерзости мы предаемся или предавались, и чтобы тем удобнее, по сознании мерзости, исправлялись в ней. Глаголи, сказано, *беззакония твоя,* а не молчи о них, да оправдишися.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

❖ Подходя к исповеди, должно сознать то, что грешен я, виноват, до мелочей рассмотреть со всех сторон все так, чтобы это опротивело, почувствовать благость Божию: Господь пролил за меня кровь, заботится обо мне, любит меня, готов, как мать, принять меня, обнимает меня, утешает, а я все грешу и грешу. И тут уж, когда подойдешь к исповеди, то каешься Господу, распятому на кресте, как дитя, когда оно со слезами говорит: «Мама, прости, я больше не буду». И тут есть кто, нет ли, будет все равно, ведь священник только свидетель, а Господь все грехи наши знает, все мысли видит, Ему нужно только наше сознание себя виновными; как в Евангелии Он спросил отца бесноватого отрока, с которых пор это с ним сделалось. Ему это было не нужно, Он все знал, а Он это сделал для того, чтобы отец сознал свою виновность в болезни сына.

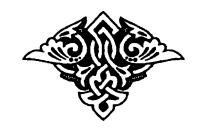
❖ В какой грех ни впал бы ты, кайся, и Господь готов принять тебя с распростертыми объятиями.

❖ Относительно письменной исповеди. Недостаточно того: перечислил все

грехи — и конец, и ничего не получилось; а нужно, чтобы грех опротивел, чтобы все это перегорело внутри, в сердце, когда начнешь вспоминать... И вот тогда-то уж грех нам будет противен и мы уже не вернемся к нему, а то тут же и опять за то же».

❖Против вопросов на исповеди по книгам: «У меня тут один рассказывал, что прочел он какой-то грех в книге и не понял, что это такое, и вот начал все делать, чтобы узнать как-нибудь, что это значит; покупал книжки разные, читал. Наконец понял и сделался поклонником его (этого греха). Так что я этих вопросов не одобряю; не знаешь, и не надо».

Св. прав. Алексий Московский (Мечёв)

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М.: Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2013.

Всемирный светильник. М.: «Дар», 2010.

Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. Клин: Христианская жизнь, 2011.

Иеромонах Адриан. Жизнеописание иеросхимонаха Николая, духовника Киево-Печерской Успенской лавры. 1899.

Митрополит Трифон (Туркестанов). Любовь не умирает...: Из духовного наследия. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007.

Протоиерей Николай Доненко. Священномученик Аркадий, епископ Бежецкий. Жизнеописание. Духовное наследие. Феодосия – Москва, 2008.

Житие оптинского старца Нектария. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1996.

Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы, келейные записки, духовные творе-

ния, воспоминания, письма. Венок на могилу батюшки. Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2013.

Протоиерей Илья Четверухин. Евгения Четверухина. Преподобный Алексий, старец Зосимовой пустыни. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2002.

Священник Иоанн Попов. Поездка в Кронштадт к отцу Иоанну. Печатается по книге: Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М.: Издательство «Ковчег», 1998.

Из воспоминаний священника Георгия Тревогина. Цит. по книге: «Пастырь добрый». Жизнь и труды праведного старца Алексия Московского (Мечева). М., 2007.

Воспоминания о святом праведном Алексее Мечеве под общим названием «Десять мин» («Кремль», «Сережа», «Мама», «Петроград», «1917–1918 годы», «Красноярская обедня», «Исцеление», «Мой доклад», «Успенский пост», «Ливень» и Послесловие) были написаны в 1961 г.

Добровольский Александр Александрович. В храме на Маросейке: Из воспоминаний об отце Алексее Мечеве. Журнал Московской Патриархии. 1994, № 7/8.

Добровольский А. Рассказы о старце Алексее Мечеве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах. М.: «Мега-Сервис», 1995.

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы. Воспоминания духовных чад. М.: Русская симфония, 2007.

Святитель Николай, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский. М.: «Паломник», 2000.

Духовная аптека старца Иоанна (Крестьянкина). Наставления, уроки, молитвы. М.: «Ковчег», 2013.

Нужно жить нелицемерно... Духовные поучения преподобных Старцев Оптинских. Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2009.

Преподобный Варсонофий Оптинский. Святоотеческое наследие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005.

Преподобный Иосиф Оптинский. Прошу тебя отеческим гласом. Письма преподобного Иосифа Оптинского и воспоминания о нем. М., 1988.

Моя жизнь во Христе. Дневник отца Иоанна Кронштадтского. С-Пб., 1903.

Великие русские старцы. М.: «Ковчег», 2000.

Женская исповедь. М.: «Ковчег», 2014.

Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. В мире молитвы. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 2004.

Воспоминания о старце Николае Гурьянове. М.: «Ковчег», 2007.

Русь Святая!
Храни веру Православную,
в нейже тебе утверждение.

prav-knigi.ru

Подписано в печать 15.10.15. Формат 70×90$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Гарнитура «Ньютон». Объем 9,5 л.
Тираж 5000 экз. Заказ М-1067.

Издательство «Ковчег».
Москва, Савеловский проезд, д. 8

Оптовая и розничная книжная торговля

Тел.: (495) 689-11-00

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Русь Святая!
Храни веру Православную,
в нейже тебе утверждение!